

Литературный Иерусалим

17

**ИЕРУСАЛИМ
2018**

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Литературный Иерусалим

Литературно-публицистический журнал

Выпуск № 17

**Издание Международного Союза Писателей Иерусалима
при
Федерации Союзов Писателей Израиля**

Главный редактор: **Евгений Минин**

Редакционная коллегия:

**Ефим Гаммер,
Александр Перчиков, Владимир Френкель**

Издательство «**EVGARM**»

Контактный телефон 050-3949395

В некоторых случаях сохранены особенности авторского написания, и авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов.

ISBN 978-965-7209-21-11-5

© Все права принадлежат авторам

Отпечатано в типографии «НОЙ»

МЕЛКАЯ ФИЛОСОФИЯ

1.

Стыдно нервозности,
временами стервозности,
а дело просто, видимо, в возрасте,
в том, что трудновато становится
воз везти,
и никто не хочет давно уже
роз нести –
вот и тянет порой взять всё и разнести!

2.

То погулять охота у внуков на свадьбе,
а ещё ведь не выросли дети поздние,
то готова хоть завтра, только не стать бы,
как соседка-старушка (там симптомы куда уж серьезнее).
Вдруг забылось что-то,
забылось такое что-то,
что гулять у внуков на свадьбе
опять неохота.

3.

Невезучее моё тело за ночь уже не отдыхает,
вставать давно пора,
а оно охает и вздыхает.

Нечего-нечего, тело,
ну, не вышло, как ты хотело,
а теперь вот ты постарело и потолстело.
Ничего, ничего,
давай выдавливать из себя раба,
само ведь знаешь, «йом кацар вэ авода раба».*

И оно потихоньку встаёт и берётся за дело.

---

* день короткий, а работы много (ивр.)

* * *

Дорогие магазины закрываются рано,
а дешёвые работают допоздна,
и нисколько в сущности это не странно –
рассуждала дама одна.

И я подтверждаю – да, нисколько не странно,
но обидно немного, что всегда она
покупает в тех, которые рано,
а я в тех, которые допоздна.

* * *

Наконец-то, наконец-то
подобрался гардероб,
что с ним делать, неизвестно,
взять с собою разве в гроб?

Не вернётся, жалко, мода
с гардеробом хоронить –
т а м всё больше год от года,
кто могли бы заценить.

* * *

Хочешь короткой любви неземной,
или автобус чтобы любой
приезжал через три минуты
всегда
на твою остановку?
Хотела, конечно, любви неземной,
но теперь днём и ночью,
в стужу и зной
через три минуты автобус любой
на моей остановке.

А что неземная любовь коротка,
так плеснули под занавес два глотка –
мивца* у них, что ли,
тогда была,
но ясно, что не со зла.
А только важней, что автобус любой
всегда, как такси,
приезжает за мной,
ведь мотаюсь вечно туда-сюда –
какие мои года?

-----
* *кампания скидок (цвр.)*

Поэзия

* * *

Вдруг развалился книжный шкаф,
на пол упала полка,
вполне наглядно показав,
что книг не нужно столько.

А сколько надо? Может, сто,
ну, двести – в общем, мало,
тогда бы точно ни за что
и полка не упала.

* * *

Я растяпа,
ты зануда,
ну, зачем нам это надо?
Вместо радости и чуда
будут склока и досада.
Потеряю, позабуду,
ты процедишь: «У-у, растяпа...» –
я тогда тебя, зануду,
озверю за три этапа.

Вспомнишь маму ты и папу,
завопишь, скрипя зубами:
«Я б убил тебя, растяпу!» –
нет,
останемся друзьями.
Пусть других волнуют темы
импотенции и храпа.
Только ты пиши, зануда,
я ведь жду.
Твоя растяпа.

* * *

За столом в своей клетушке я пишу, накинув плед,
а в соседней комнатухе Куприна мусолит дед,
а в салоне наши детки смотрят «Эрэц нээдэрет»*
и хохочут, и стрекочут,
и до нас им дела нет.

-----
* «Прекрасная страна» (ивр.)

Александр Перчиков

* * *

Ночь. Тишина. У изголовья
Стоит беда, как доля вдовья,
И ждет мгновенья своего.
А за стеною спит ребенок,
Не ведая о том, как тонок
Мир, окружающий его.

А мне не спится, мне не спится...
На циферблате серебрится
Луна, прозрачна и светла.
И кажется, что мир двоится,
Что здесь, средь комнаты, граница
Огня и тьмы, добра и зла.

А за стеною спит ребенок.
Бормочет что-то он спросонок,
Да сохранит его судьба!
И я к огню его живому
Встаю, подобно часовому
У пограничного столба.

Не беспокойтесь, спите, спите...
Пока планета по орбите
Летит, не ведая куда,
Пока не спит хоть кто-то, где-то,
Пока горит хоть искра света –
Мир не исчезнет без следа.

* * *

Так нужно, чтоб кто-нибудь верил,
Что ты не жесток и не плох,
Чтоб мерой твоею он мерил
События разных эпох.

Победам твоим и потерям,
Сомнений не ведая в том,
Не спрашивал чтобы, а верил.
А спросят другие. Потом.

Поэзия

* * *

Я не живу с тобою, нет,
А просто – впитываю кожей,
А просто – всматриваюсь в свет,
Единственный и непохожий.

Не замечаю дней и лет,
Что в миг один для нас сольются,
Лишь одного боюсь – проснуться,
Когда тебя со мною нет.

Запоминаю наизусть
Слова, и запахи, и звуки,
И эти волосы, и руки,
И эту музыку, и грусть.

Нет этой повести конца,
И нет печальнее на свете.
Но прожит день, спят наши дети,
Как два беспомощных птенца.

И тени тянутся к костру,
И веет сумраком из сада.
Не обещай мне жить, не надо,
Но ты уйдешь – и я умру...

* * *

Наша встреча была неслучайна,
Вечер южный был сладок и сух,
И скрывалась какая-то тайна
В тех словах, что не сказаны вслух.

Видно, древних преданий узоры,
Траектории дальних планет
Нитью в наши вплелись разговоры,
Оставляя невидимый след.

Как же все это хрупко и тонко!
В этот вечер мы были вдвоем...
Мудрость женщины, пальцы ребенка,
Искра Божья во взгляде твоём.
Вот и все. Просто взгляд и одежда,
Просто музыка, просто прибор.
Южный вечер. Ноябрь. Надежда.
Неслучайная встреча с тобой.

ШЕРЕМТЬЕВО

Шереметьево. Дальние страны
Непривычно горят на табло.
Мы свои потрясения и раны
К самолету несем под крыло.

Может, эта железная птица
Нас утешит отныне и впредь.
Чемоданы. Таможня. Граница.
Вот и все. Вот и надо лететь.

Бесконечно мгновение длится,
Повисают в пространстве слова.
Нас дождем провожает столица,
Вот и все. Оставайся, Москва.

Вот и все, и не нужно сердиться,
Край разбитых дорог и берез.
Это ливень нам вымочил лица,
Это капли дождя, а не слез.

Это просто беда и усталость,
Эхо гулкое долгих обид.
Вот и все, что меж нами осталось,
Вот и все, что меж нами болит.

* * *

А человек, раскрепостивший атом,
Опять сидел за письменным столом.
Не вел он счет потерям и утратам
И ничего не помнил он в былом.

Спокойно спали реки и пустыни,
Материки вращались, не спеша,
Не ведая, что их судьба отныне
На кончике его карандаша.

* * *

Случайный свет прорежет темноту,
Испуганные, в ночь метнутся тени.
Ты выйдешь на холодные ступени
И за порог шагнешь, как за черту.

А те, кого оставишь у черты,
Сначала в суете тебя забудут,
Зато потом, с приходом темноты,
В нее тревожно вслушиваться будут.

Поэзия

* * *

Мы – беженцы. Мы – погорельцы.
Наш путь потерялся во мгле.
Поэты, артисты, умельцы,
Кому мы нужны на Земле?

Не знаем ни края, ни срока,
Не ведаем, что впереди,
И вечная тайна Востока
Занозой засела в груди.

Когда безъязыко и немо
Мы смотрим в небесную синь,
Молчит иудейское небо
Над вечным молчаньем пустынь.

Мы вырваны с корнем, и все же
Так хочется верить, что нас
Великий неведомый Боже,
Не просто ты вывел, а спас.

Что в этой земле не случайно
Останутся наши следы,
И смутная древняя тайна
Не станет знаменьем беды.

* * *

Бесконечно ливень будет литься,
Капли будут биться о стекло.
День осенний – раненая птица –
Тяжело ложится на крыло.

В городах нелетная погода,
Но спешат куда-то поезда,
Лишь невозмутимая природа
Не спешит как будто никуда.

Надо у природы научиться
Поспевать повсюду, не спеша,
Чтобы, если важное случится,
Важное заметила б душа.

Чтоб не растворились наши лица
В повседневной будничной игре,
Ведь не вечно ливень будет длиться,
Даже если осень на дворе...

Владимир Френкель

СТИХИ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

* * *

Мы столько времени потеряли
На разговоры, на то да сё...
И вот случилось, чего не ждали,
И нам сказали, что это – всё.
А помнишь, были такие дали
Небес, особенно – поутру!
А днем – всё то же, и трали-вали,
И каждый думал: я – не умру.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Но, может быть, Троянская война
Еще идет, не видно ей конца.
А впрочем, наше дело сторона.
Ужасный век, ужасные сердца,
Но таковы любые времена
И годы, у которых нет лица.
Я думаю, не наша в том вина,
Что время исчезает, как вода
Меж пальцев, ниоткуда в никуда,
И все равно, какая там страна,
Где все еще не кончена война.

И нам уже совсем неинтересно,
В какие сны поверят после нас
До Страшного Суда, и неизвестно
Нам даже то, что будет через час.

ПЕРЕД УХОДОМ

Перед уходом, топчась в передней
И не решаясь шагнуть во тьму,
Не угадаешь, какой последний
Поклон еще передать – кому?

И повернешься опять с порога,
Чтоб на прощание досказать:
Гляди, какие красоты слога
Смогли мы нынче вдвоем связать.

Перед уходом не сможешь сразу
Прервать пустых разговоров нить.
Никто не знает ни дня, ни часу
Ухода – и не с чем его сравнить.

НЕБЫВШЕЕ

В тот единственный вечер – а сколько прошло уже лет? –
Мы смотрели с тобой уходящему солнцу вослед

На закат, что сгорал над морским горизонтом дотла,
И не думали вовсе, что молодость наша прошла.

Неужели не помнишь? Над морем поднялся туман,
И не стало закатных огней и неведомых стран,

А над берегом темным тогда загорелся маяк...
Погоди... я придумал, и все это было не так.

* * *

Нет, хорошо, что прошлое никак
Не вернуть, а то бы мы не знали,
Что делать с ним, куда девать печали,
Несчастья, нестроения и мрак –
Все то, что мы забыли навсегда,
Чем были переполнены года
И времена, где нас уже не ждали.
Пусть время утекает, как вода
Меж пальцев, и от нас куда подале,
И пусть не возвращается беда.
А все-таки и радость без печали
Не в радость, мы иначе б не узнали
Ее в лицо. Конечно, только так.

* * *

Жизнь кончается в одночасье –
Так случается иногда.
Это счастье или несчастье,
Это радость или беда?

Если вспыхивает в сознание
Запредельный внезапный свет,
Нету времени на прощанье,
А быть может, и смерти нет.

КИНО

Вот мелькают кадры на экране –
Встречи, расставанья, нелюбовь,
Нет, любовь, и мы уже заране
Знаем всё. И всё же вновь и вновь

Радуемся, спорим, негодуем...
Фильм идет – и нас не оторвать.
Нам уютно. Мы и в ус не дуем,
Только б от сюжета не отстать.

А потом, когда из кинозала
Выйдем прочь, в немую полутьму,
Зябко пробормочем: всё пропало.
Всё прошло. Не нужно никому.

Это – жизнь. Мы не поставим точку
В фильме, покидая кинозал.
Каждый умирает в одиночку.
Я не помню, кто это сказал.

* * *

Умереть в Иерусалиме
Проще, чем прожить,
Повторять Господне Имя,
Обо всем забыть,

Встретить зиму или лето,
Осень ли, весну,
Я не знаю где, но где-то
Отойти ко сну.

Ветер теребит оливы,
Гонит легкий прах.
Мы, конечно, будем живы
Там, на небесах.

По холмам идет дорога.
Можно не гадать –
Далеко ль еще до Бога?
Да рукой подать.

* * *

Памяти С.А.

Пойдем, пойдем в другую сторону,
В чудесный сад, за край земли.
Мы наконец поделим поровну
Тот путь, которым не пошли.

Где явлен образ неба чистого,
Прогулкам нашим повезло.
Ты помнишь, как сияло истово
Венецианское стекло?

Там, где миндаль неотцветающий,
Где будем только мы вдвоем,
Да свет нездешний, в небе тающий,
Что нам привиделся... Пойдем,

Пойдем туда, оставив жалобы,
Раздоры, спешные дела,
Где ты, конечно, не узнала бы,
Что прошлой ночью умерла.

* * *

Напротив старого вокзала,
На этой площади пустой...
О чем она бы рассказала,
Когда б могла, – о городской
Печали, суете? (Сначала
Все повторяется.) Постой –
Кого встречала, провожала
С нездешней радостью, с тоской
Нездешней, нет, не увидала
Другую жизнь, что отзвучала,
Осталась навсегда другой...
Напротив старого вокзала
Романс окончен городской.

ИЗ Р.-М. РИЛЬКЕ

Снова и снова, хотя мы давно наизусть изучили
эту местность нашей любви, где на кладбище старом
не различить имен людей, что давно исчезли из мира
в холод безмолвия, снова и снова сюда мы приходим
вдвоем, под кроны старых деревьев, снова и снова
пребываем среди цветов, прямо напротив неба.

В ЛЮБВИ ДОРОГ ОБРАТНЫХ НЕТ

(маленькая повесть 1968 года)

1

– Дамы приглашают кавалеров!

Обычно ты выходишь на поиски партнерши. А тут ищут тебя. Напряженка, точно перед вызовом на ринг. И оттого-то воспринимается довольно болезненно неторопливый проход мимо девушки, не соизволившей поднять тебя в танец. И вдруг, безмятежно перебрасывая тебя из огня да в полымя, проступает на фоне цветастых платьев ОНА.

Да-да! Та, что вроде бы наведывается во снах...

Лицо? Ее! Волосы? Ее! И походка. И взгляд.

ОНА еще далеко. Ни рукой не достать, ни словом. Только сердцем можно ее притянуть к себе.

Смотри сюда! Вот он – я, весь целиком, с притягательным сердцем-магнитом.

И сработало. Остановилась подле меня.

– Танцуете?

Ну, извините, кто на танцы приходит, чтобы сидеть в закутке? Танцуем!

И... два шага вправо, один влево, убираю незнакомку от посторонних рук, вывожу под прицел завистливых взглядов на центр зала.

– Как вас звать?

– Лариса.

Еще два шага вправо, шаг влево, и веду ее, веду, ближе к эстраде, к тем трем заветным ступенькам, что позволят взойти мне на сцену, в закрытый для посторонних мир кудесников джаза из ансамбля моего брата Бори – «Комбо».

Там снова два шага вправо, один влево, и провожу ее за портьеру в соседнюю комнату, некогда служившую нам, юным аккордеонистам из вундеркоманды папаши Хайтовича, репетиционной. А затем...

Затем «умыкаю» девушку вовсе, вывожу на улицу, и дальше-дальше под темнеющим небом: парк, скульптурная группа с писунами-купидонами, театр оперы и балета, переходной мостик через канальчик, и – на скамеечку, напротив Латвийского госуниверситета. Здесь, под присмотром будущей своей «альма-матер», я обнял Ларису и, казалось бы, приклеился к ней навсегда, потеряв представление о реальности. Затяжной поцелуй, ничего не поделаешь. У него такое волшебное свойство: не воспротивишься, забудешь обо всем.

Проза

Спрашивается, что за наваждение нашло на меня?

Отвечу. Наваждение нашло и на нее: послушно следовала за мной, не пугаясь невероятного поворота событий.

Первое. Восхождение на сцену, к музыкантам.

Второе. Уход с вечера танцев, без всякого сожаления о потраченных на входной билет баблях.

Все это, сотворенное с ней, показалось и мне диким. Но не сейчас, а на следующий день, когда я обрел дар логического мышления. А в минуты наркотического побега из танцевального зала я думал лишь об одном, чтобы у меня не украли Ларису.

– Пойдем.

И, потеряв нить мысли, мы опять шли, как сомнамбулы. Куда? Да куда ноги укажут. Шли улочками Старой Риги, мимо древней церкви с золотым петушком на шпиле, к набережной, и вдоль по булыжной мостовой, к Интерклубу. Тут родная стихия, моя редакция газеты «Латвийский моряк» и приветливый к нам, морским журналистам, бар с напитками на любой выбор.

– Курс норд-ост, – сказал я себе, – право руля!

2

В небольшом баре, на десяток столиков, ощущение времени уходило в неведомую даль. И при этом, казалось, оставалось с нами навечно.

Глупость внезапной любви? Вполне возможно, и так. Найдите умных влюбленных, способных как-то обосновать свои чувства.

Кстати, чем отличается влюбленный дурак – от еще не влюбленного?

Только тем, что рта не открывает.

Я смотрел на Ларису. Лариса – на меня.

А официантка Катя, первая красавица Рижского интерклуба – золото длинных, спускающихся на плечи волос, зеленые глаза, черное приталенное платье до колен, белый кружевной фартучек, высокие каблуки – несла нам на подносе графинчик коньяка, кофе, пирожные.

Остановись, мгновенье!

– Любишь?

– Люблю. И время нас не разлучит.

3

В Риге на свиданья не опаздывают. При всем желании – не ждешь больше пятнадцати минут. Таков закон. Пусть он и плох, но лучше придерживаться его, чем потом держаться за юбку и быть на поводке.

Лариса соскочила с подножки трамвая, и...

– Здравствуй!

– Здравствуй-здравствуй! Как я заждался!

– Но я ведь не опоздала.

– Я ждал тебя со вчерашнего вечера, с момента, когда расстались.

– Ну, ты и говорун!

Мы стояли на трамвайной остановке, держались за руки, будто влюблялись заново. Возле знаменитых рижских часов «Лайма» так оно и происходит. Это известно каждому прохожему. Он непременно обойдет замершую – глаза в глаза – парочку, догадываясь: эти двое никого не видят, и случайно толкнуть их – это разбудить зачарованную сомнамбулу.

Я воспринимал себя лунатиком.

Лариса воспринимала себя лунатиком.

И мы, оставаясь лунатиками, двинулись по улице.

Вверх, мимо газетного киоска и канальчика – к памятнику Свободы, мимо кассы Аэрофлота и магазина «Сакта». И – топ-топ – по тротуару вдоль Кировского парка, обогнули деревянный ресторанчик «Подкова» – прибежище моряков заграничавания, и – топ-топ – вышли на рижский Бродвей.

Дальше – топ-топ – перешли наискосок улицу Кирова и свернули к кинотеатру «Рига», в буржуазном прошлом «Сплендит палас».

Что сегодня показывают? О! Что и требуется. «Ромео и Джульетта», знатный фильм Франко Дзеффирели, очередь в кассу на километр.

– Тут билетов не достать, – огорченно вздохнула Лариса.

– А это мы сейчас посмотрим.

– Ты – что? – волшебник?

– Я не волшебник. Я еще только учусь, – вспомнилась мне фраза из послевоенной картины «Золушка» с Яниной Жеймо. – Подожди минуту.

Но кто будет ждать волшебника в стороне от творимых им чудес?

Лариса скользнула следом за мной в забитое людьми помещение, увидела, как я протиснулся к кассе, предъявил красную книжцу с золотым тиснением «Латвийское морское пароходство» и, отоварившись забронированными местами в десятом ряду, вывернул назад.

– Пойдем.

– Чудеса, да и только!

– Творить их своими руками – наша задача.

– Мичурин?

– Почти.

– А ты импровизатор.

Проза

– Я не импровизатор. Я еще только учусь. Мой брат Боря – импровизатор, джазмен. Да ты его вчера видела на танцах – саксофон. А я...

– Брось скромничать. Покажи мне твое удостоверение.

– Только в моих руках.

– А что?

– Ничего.

Не показывать же ей, право, что в графе «должность» стоит запись – «курьер».

Непонятно? Очень даже все понятно – се-ла-ви! – такова жизнь, как говорят французы, когда они под легким бодуном.

По штату я числился курьером, и это отравляло мое существование в мире прочих «разбойников пера».

Перевести меня в литературные сотрудники редактор «Латвийского моряка» Яков Семенович Мотель не имел возможности: два еврея для одной бассейновой газеты – непосильная ноша. Мне, правда, от подобных признаний начальства было «ништ гит», а по-русски – «нехорошо», и я поставил категорическое условие: учредить меня литсотрудником не позже апреля 1969-го, ровно через год после поступления на службу в газету, иначе – гуд бай, товарищ Мотель! – я увольняюсь.

Забегая вперед, скажу: слово свое сдержал – 1 апреля 1969 года покинул стены редакции с уверенностью, что это – навсегда. Однако три месяца спустя, по личной просьбе редактора, вернулся назад, но уже...

Догадались?

Да, на должность литературного сотрудника. Выдержал, как говорится, характер и добился признания... Правда, на полставки. Именно так, на полставки взяли меня в штат, чтобы не раздражать отдел кадров. Вторую половину ставки выделили Юпитеру Езусенко. По национальному составу наш коллектив теперь полностью соответствовал лозунгу: «Создана новая общность людей – советский народ!» Латыши, русские, украинцы, евреи и даже один кореец, Семен Огай, который почему-то говорил на идише. Форменный интернационализм, ни одна партийная сука не подкопается.

Но это было в ту благодатную пору, когда я позволял себе раскрывать нараспашку редакционное удостоверение перед любым вопросительным носом.

А в данный момент, в августе 1968-го, стеснялся.

И впрямь, граждане-судьи, что за жизнь у человека с вечным пером в сердце? Богема относится к нему с известным пиететом, как к своему – поэт, журналист, юморист, люди читают его очерки, репортажи, фельетоны – на русском и в переводе на латыш-

ский, но стоит увидеть его корочки – вылупят глаза и скажут: а мы-то думали....

Дальше фантазируйте себе сколько душе угодно.

Вам легко фантазировать.

А мне?

Мне – больно.

23 года человеку. За плечами армия и два незаконченных ВУЗа – Рижский политехнический и Калининградский технологический рыбной промышленности. Впереди поступление на заочное редакторское отделение Московского полиграфического института. А не выйдет, так в университет, на журналистику. И всего лишь курьер – хм-хм! – но... с исключительными полномочиями по приобретению без очереди билетов в кино.

Итак, что мы имеем теплым августовским днем на выходе из кассы кинотеатра «Рига»?

В наличии у нас парень-гвоздь с уязвленным, по самую шляпку, самолюбием, и девушка его мечты, слегка подраненная любопытством.

– Можно посмотреть? – Лариса попробовала выманить у меня красную книжку с золотым тиснением «Латвийское морское пароходство ММФ».

– Только в моих руках.

– Ты – что? – особист на вашем флоте?

Я вздрогнул. Этого еще недоставало! Но и признаться в «курьерстве» не хватало духу.

– С чего ты взяла, что я особист?

– Мой папа – особист. Тоже никому не даст в руки свое удостоверение.

Я с облегчением вздохнул.

– Вот оно что... Ты из военной семьи?

– А что?

– Понимаешь, Лариса... Вчера ты была в вечернем платье. А сегодня...

– Не нравится? Курточка, юбка, беретик. Все по фирме.

– Нет, я не о том. Ты мне хоть в каком виде нравишься. Просто я обратил внимание, что юбка у тебя какая-то... цвета хаки.

– Тут и думать нечего. Папаня получает раз в год отрез на шитье мундира. Материал – экстракласс! А цвет, ничего не поделаешь, военный. Ну, и...

– Папаня поносит и старый мундир, не развалится... Так, что ли, понимать?

– Точно так! А дочкам подавай обновки. В магазине покупать – дорого, самоделка дешевле, да и переокрасить могу, если цвет тебе не по нраву.

– Цвет – ничего. Я к нему в армии привык.

Проза

Мы поравнялись со штабом Прибалтийского военного округа, массивным зданием из широких гранитных панелей, и я спросил у Ларисы:

– Твой папа здесь обитает?

– В данный исторический момент – да.

– А не в данный?

– В Калининграде.

– Ты разве не рижанка?

– Сейчас рижанка. А вообще-то из Калининграда.

– Ого! И я из Калининграда, если вспомнить об армии. Первая гвардейская танковая дивизия. Командир боксерского отделения спортивной роты.

– Знаю.

– Понятно... Папа – особист.

– Не там ищешь. Я тебя на соревнованиях видела. Как ты отметел чемпион ПрибВО. Этого... как его?

– Сержанта Ракитенко.

– Его самого...

– А-а, вот оно что. Поэтому и пригласила на танцах?

– Знакомое лицо.

– Дело ясное, любовь напрасная. Хотя... Кто тебя пропустил на эти соревнования? Они же проходили в военном городке.

– Я там и жила. Говорю же, папа особист 11-й ударной армии.

– Постой-постой, капитан Умнихин? – насторожился я, вспомнив пренеприятные встречи с этим дотошным мужиком из «органов», угрожавшим отправить меня туда, где живут белые медведи, если я еще раз «разглашу на конверте военную тайну» и помещу на месте обратного адреса, помимо номера воинской части, запретное для посторонних слово – «спортрота».

– Бери выше, майор. А вы знакомы?

– Моя дивизия тоже из 11-й ударной, которой – выдаю военную тайну! – в случае войны наступать на Берлин.

– По моим сведениям, в Восточной Европе есть и другие столицы. У нас каждая на картах разложена, как миленькая. Варшава, Будапешт, Прага, – она кинула два пальчика к берету. – Разрешите представиться, товарищ...

– Гвардии сержант.

– Честь имею! А я гвардии вольнонаемная, отдел картографии 11-й армии.

– Клеишь карты?

– Так тебе все и выложи. Враг не дремлет, шпион подслушивает.

– Тайны мне твои до лампочки. Я сам в 1965-м участвовал в так называемом тысячекилометровом марше – условном броске на Европу. Но дальше Литвы не выбрались. По секрету погово-

ривали, сам Брежнев приезжал на учения. Но об этом молчок. Подписка! Рот на замке, иначе расстрел на месте.

- По тебе и видно!
- И по тебе!
- Значит, мы братья по оружию?
- Лучше будь моей...
- Сестрой?

Я замаялся, не сестрой виделась мне Лариса.

– По мне лучше: муж и жена – одна сатана, днем с винтовкой, а ночью...

– Наизготовку! – добавила в рифму Лариса.

Было весело и смешно. Смеха ради, ожидая начала сеанса, мы завернули в ближайший ЗАГС – два каменных льва у парадных дверей. И примерились к обручальным кольцам. Выходило, если подать заявление сходу, то уже 22 августа, в среду, нам будут кричать за свадебным столом: «Горько!» От стихотворного экспромта до житейской импровизации – расстояние с гулькин нос. Мы и подали заявление, опять-таки смеха ради – лишь бы скоротать время: хотелось, чтобы сеанс начался уже поскорей и поскорей закончился. А еще хотелось, чтобы уже стало смеркаться, и по выходу из кинозала можно было бы устремиться напрямиком в парк, на скамеечку, и целоваться-целоваться до изнеможения.

Что тут поделаешь, другого часа, кроме вечернего, когда начинало смеркаться, для поцелуев на воздухе в Риге не было предусмотрено.

Так жили, ничего не попишешь....

4

Из автобиографии Сергея Эйзенштейна:

«Не могу похвастать происхождением. Отец не рабочий. Мать не из рабочей семьи. Отец архитектор и инженер. Интеллигент. Своим, правда, трудом пробился в люди, добрался до чинов. Дед со стороны матери хоть и пришел босой в Питер, но не трудом пошел дальше, а предпочел предприятием – баржи гонял и сколотил дело. Помер. Бабка – “Васса Железнова”. И рос я безбедно и в достатке. Это имело и свою положительную сторону: изучение в совершенстве языков, гуманитарные впечатления от юности. Как это оказалось все нужным и полезным не только для себя, но – сейчас очень остро чувствуешь – и для других!»

В отличие от Сергея Эйзенштейна, я своим происхождением мог похвастать.

Мой папа Арон Гаммер, прирожденный музыкант и композитор, был еще заодно потомственным жестянщиком, плюс к тому изобретателем и рационализатором. Это, если внимательно вчи-

тиваться в автобиографию великого маэстро экрана, открывало широкие горизонты в стране победившего пролетариата.

Но жили мы с маэстро в разные, по сути дела, исторические эпохи. И от моего «преимущества», каким оно имело возможность казаться в двадцатых годах, остались лишь рожки да ножки в шестидесятых.

То же самое, но гораздо раньше, произошло и с папиным «преимуществом».

В тридцатых оно создавало видимость, что ему, рядовому рабочему, предоставлено партией и правительством право стать – параллельно с перевыполнением плана! – и народным еврейским композитором, автором разрешенных в ту пору для исполнения фрейлехсов. А с началом борьбы с безродными космополитами и убийством в 1948 году Соломона Михоэлса это «преимущество» показало ему оскал саблезубого тигра.

Но прежде, еще до войны, все было иначе: в Одессу, на улицу Среднюю, 35, по папиному адресу пришло письмо, сулящее фантастические перспективы. И откуда? Из белокаменной столицы. Точнее? Из московской студии грамзаписи. Открываем конверт. И? Лопни мои глаза! – официальный бланк, с адресом, телефоном. В нем сообщение: пластинка с вашими фрейлехсами принята к изданию, выйдет в свет в декабре 1941 года.

Может быть, по этой оптимистической причине мой папа Арон Гаммер заодно с письмом сохранил и вырезку из новогоднего номера газеты «Правда», своего рода гороскоп на ближайшее, украшенное первой пластинкой будущее. Сегодня это пожелтевший, истлевающий от прикосновения пальцев клочок бумаги – труха трухой.

Редакционная статья газеты «Правда» от 31 декабря 1940 года: «...1941 год будет четвертым годом третьей Сталинской Пятилетки. Поэтому, вступая в 1941 год, который станет годом еще более гигантских достижений нашей социалистической экономики, советские люди смотрят в будущее с радостью и с полной уверенностью...»

Бойко написано, но вилами по воде.

Реалии жизни подмяли гусеницами немецких танков прогноз «Правды». И в декабре 1941 года мой папа, вместо того, чтобы крутить на патефоне пластинку с фрейлехсами собственного сочинения, вкалывал по шестнадцать часов в день, выпуская подогревы собственной конструкции для бомбардировщиков дальнего следования, которые утюжили крыши Берлина. И при этом таил одну думку. Какую? Вернуться в родную Одессу. Но мечты мечтами, а жизнь жизнью. И мечты его жизни мало-помалу видоизменились. Произошло это уже после Победы, когда понял, что родной Одессы ему не видать, как собственных ушей, и он, при-

писанный к заводу, как крепостной к земельному наделу, отправляется из Чкалова (Оренбурга) в Ригу, где 245-й авиационный завод разместили в цехах бывшего винно-водочного предприятия и переименовали в 85-й ГВФ.

Здесь папа стал таить новую думку: если ему не дано в связи с указом товарища Сталина возвратиться в Одессу, пусть Одесса найдет его в Риге. Задумано хорошо. Но, спрашивается, как такой фокус повернуть, не сходя с места?

Путем доставки из Одессы в Ригу приличной по меркам Молдаванки жены.

Для кого? Понятно, для меня, не для папы. У него и без того была очень приличная жена из Одессы, и как раз с Молдаванки, моя мама Рива.

Итак, что мы имеем? А имеем мы запрос. Дальше обыкновенно: каков запрос – таков привоз.

Известно, что земля слухами полнится. Стоило каким-то допотопным подругам мамы или же столь же непотопляемым друзьям детства моего папы прослышать, что я уже отслужил в армии и, следовательно, готов к самостоятельной жизни по воспроизводству себе подобных, как к нам в Ригу зачастили гости-разведчики из Одессы, в основном женского рода и преклонного возраста.

Почему-то всем бабушкам, живущим у Самого Синего моря, представлялось, что старший сын Арона и Ривы обуреваем стремлением приобрести цепи Гименея. А я – наоборот! – исповедовал понятия свободной любви, ибо это давало мне больше перспектив для маневра в пору спорадического сексуального голода, когда походная палатка заменяла шикарный номер отеля: туда ведь – только с паспортом и с зарегистрированной в ЗАГСе законной супругой. А в палатку... в любом виде... Можно и в спортивном костюме, можно и в плавках, можно и вовсе голышом – не то, что в гостиницу, либо на официальную, предписанную по знакомству встречу с новоявленной невестой.

Новоявленная как раз объявилась. И как раз из Одессы. А привел ее в нашу квартиру на улице Янки Купала, в прошлом Виландес, не какой-нибудь посторонний сват, а Абрам Григорьевич Гросман, папаня моих двоюродных братьев Гриши и Лени. Еще тот одессит – искони черноморский розлив! Прямо не пойдет, хоть скажешь ему – «вперед!» Двинет в обход. А почему? Потому что хромает на одну ногу. Она и забирает в сторону. Как показала история его жизни, в правильную сторону.

Впряженный в многосильную по лошадиной мощности упряжку с прочими одесситами родственной крови и повадки, Абрам Григорьевич также был наделен неискоренимым желанием одарить меня девушкой «с самого синего моря». Эту девушку он нашел на

рижском взморье, когда она загорала на шелковистом песочке станции Дзинтари.

«У меня есть жених. А у вас – что? – сказал он, знакомясь, и добавил нечто, прозвучавшее как пароль: – Что вы можете сказать за Одессу?»

Настоящей одесситке больше ничего в Риге и не надо. Она – это чистая правда, господа читатели! – поднялась с расплавленного от жара молодого тела песочка и последовала за змеем-искусителем шестидесяти лет, небольшого росточка и притом хромавшего на левую ногу – за Абрамом Григорьевичем Гросманом.

Куда? Да в никуда!

Двинулась в неизведанном направлении. На зов одесского счастья, добежавшего, наконец, до ее доверчивых ушек. И прибыла в целостности и сохранности к моему папе Арону и моей маме Риве, которые сразу в ней души не зачали.

Мой папа Арон, моя мама Рива и, разумеется, устроитель этого грандиозного сюрприза Абрам Григорьевич Гросман были в восторге и, не думая долго, сделали далеко идущие предложения красе ненаглядной с их исторической родины. Причем, меня об этом не предупредили. Лишь вечером, когда я вернулся домой со свидания, дали понять: Одесса-мама в образе и подобию неотразимой девушки с Большой Арнаутской выразила уже желание стать прародительницей моих, будь они здоровы и многочисленны, детей, внуков и правнуков.

5

Александр Звиедрис – художник, скрипичный мастер, мореход – был мне хорошо знаком с марта 1968 года, с того момента, когда я, устраиваясь на должность курьера в «Латвийский моряк», искал настоящий морской материал для очерка, чтобы показать себя в истинном свете.

И вот, по подсказке Абрама Григорьевича Гросмана, тоже работающего на флот, но в качестве начальника снабжения Электромонтажного предприятия (ЭМП-7) – Рига, улица Смилшу, – я вышел на легендарного латвийского яхтсмена и мариниста, еще не представляя, что имя его запрещено к публикации.

– Это еще тот мужик! – сказал Абрам Григорьевич. – Жаль, что уродился в Риге, а не в Одессе...

И действительно, чего только не накопилось в биографии Александра Звиедриса! И приключения, и подвиги, и передрыги с КГБ из-за подозрения, что он пытался на яхте сбежать из Советского Союза в Швецию.

Еще до войны, в середине тридцатых Александр Звиедрис побеждал в регатах и, как на утреннюю прогулку, ходил под пару-

сами в Стокгольм – на открытие выставок. Писал картины, которые выставлялись в разных странах. Делал скрипки, не уступающие по красоте звука произведениям Амати и Страдивари. Во всяком случае, мне, по наводке Абрама Григорьевича, полагалось так думать, приступая к сбору материала. Он и познакомился с Александром Звиедрисом, когда понес в ремонт нашу семейную реликвию – древнюю скрипку, с незапамятных времен кочующую по рукам подрастающего поколения, в Одессе – учеников Столярского, в Риге – Абрамиса.

Меня тоже поначалу учили на этой скрипке. Но во Дворце пионеров. До Абрамиса я не дорос из-за нехватки «абсолютного слуха», как выразился бы в Одессе преподаватель моей тети Фани профессор Столярский. Зато мой младший брат Боря восполнил этот пробел в моем образовании и, пройдя конкурс – один к десяти! – поступил к Абрамису в музыкальную десятилетку при консерватории, школу имени Эмиля Дарзиня. Кстати, вместе с ныне широко известными скрипачами Хишгорном и Кремером. Потом его инструмент ушел в ремонт к Александру Звиедрису, и Боря переключился на кларнет и саксофон.

Мои музыкальные способности были куда скромнее, посему мне было проще пребывать в журналистах, поэтах, боксерах. Единый в трех лицах, я и об Александре Звиедрисе написал как о родственной душе – тоже едином в трех лицах – художник, яхтсмен, скрипичный мастер. Очерк получился вполне читабельным. Его без промедления перевели на латышский язык и опубликовали на развороте комсомольской газеты «Падомью яунатне». Вслед за тем и Яков Семенович Мотель сподобился поместить его у нас в «Латвийском моряке», сократив где надо и как надо, по собственным соображениям. При этом с хитрой улыбкой сказал мне:

– Ты реабилитировал старика!

– Реабилитировал? Что-то не припомню, чтобы Александр Звиедрис сидел в ГУЛАГе?

– Слишком знаменитый был для Латвии, вот и не сослали. А собирались, и серьезно.

– За что?

– За намерения. Переход границы – это тебе не шутка, на пять-шесть годков тянет.

– Так он ведь границу не пересек.

– Говорю же, за намерения.

– Не было никаких намерений, – воспротивился я. – Ночью потерял ориентиры, заплутал в море и вышел в нейтральные воды, а там и граница. Это и признали в КГБ.

– Он заплутал? Интересная версия! Запомни: рожденный на море с курса не сойдет. В Швецию так в Швецию, сам себе ка-

питан и штурман. Он туда с закрытыми глазами дойдет, а ты – «заплутал». Это «органы» сознательно «заплутали» в дознании, чтобы не раздуть мировой скандал.

– Значит?

– Значит, ты молодец, хотя смелость твоя по незнанию. Но вслух об этом ни слова. Достаточно и того, что вся латышская гвардия гудит от восторга. Ты ведь открыл ему дорогу для персональной выставки.

Как бы то ни было, но с тех пор имя Александра Звиедриса снова обрело статус «печатного», и картины его пошли нарасхват. Так что создание скрипок теперь уже не служило для старого мастера единственным приработком. И, став более доверчиво относиться ко мне, он расширил тематику наших бесед. К рассказам о том, как в молодые годы возил свои картины галерейщикам в Стокгольм, Хельсинки, Осло и находил двухсотлетней выдержки дерево для скрипичных дек, таскаясь по домам, предназначенным на снос, добавились иные истории.

Чувствовалось, Александра Звиедриса донимала ностальгия по дням минувшим, по Риге начала века. Он знал немало людей, чьи имена ныне, в строго цензурируемое время, были запрещены к упоминанию. Знал он и Михаила Осиповича, отца Сергея Эйзенштейна, родословную которого мне никак не удавалось проследить даже при посещении архивов – без специального допуска никаких бумаг на интересующую меня тему не выдавали.

– Михаил Осипович не был простым архитектором, – говорил Александр Звиедрис, раскладывая выцветшие фотографии по столу. – Это ваши коллеги-журналиги любят так писать в «Советской Латвии» – «простой архитектор»... Зачем – «простой»? А чтобы показать, будто сын его Сергей – из простой, чуть ли не пролетарской семьи, и только благодаря революции вышел в люди. Все вранье и обман общественного мнения! На самом деле, Михаил Осипович был начальником департамента гражданского строительства. И при этом считался свободным художником, утверждал собственный архитектурный стиль, не желая подражать образцам столичного Санкт-Петербурга. Понял? Не желал, и все тут! И – что? Запрещали? В тюрьму совали за это? Нет и нет! Обрати внимание: никакого притеснения, хотя он инородец, с выкрутасами и разными измами... Так оно у нас было – в свободной Латвии. А вот в России... В нынешние годы. Даже имени его не помнят. Пример? Пожалуйста! Номер дома, в котором жил Михаил Осипович, попутали с неправильным и заставили на нем, неправильном, вывесить мемориальную доску «Здесь родился Сергей Эйзенштейн».

– Сейчас доска на правильном доме.

– Так это с подсказки дворника того дома, номер 6, по улице Горького, раньше Кришьяна Волдемара.

– Это установили еще и по письмам. Мама Сергея Эйзенштейна, когда разъехалась с Михаилом Осиповичем, писала письма именно по этому адресу: «улица Николаевская (тогда Николаевская), дом 6, квартира 7». В Москве что-то напутали при изучении конвертов с адресами, и у них получилось: дом 7, квартира 6. Отсюда и вся чехарда с мемориальными досками.

– А чехарда с памятью? Пишут ли сейчас о том, что Сергей Эйзенштейн хотел вернуться из Москвы к себе на родину в Ригу?

– Не читал.

– И не прочтешь. Слушай меня и запоминай – пригодится. Сталин наехал с критикой на вторую серию «Ивана Грозного», и наш режиссер понял: дни его сочтены. Тут он и решил податься домой – сюда, подальше от этого изверга. Тогда, в сорок пятом, написал новым хозяевам Риги письмо. Здесь мы его скопировали и пустили по рукам, – взял листок со стола. – Вот послушай, в нем есть такие строки: «По роду своих занятий я не могу навсегда оставить Москву, но я бы приезжал и, по мере возможности, помогал бы становлению молодой латышской кинематографии», – положил листок на место. – Такие дела! А тот особняк, который Латвия выделила Сергею Эйзенштейну в подарок, так и стоит себе в Межапарке. Стоит себе, словно чего-то ждет. А чего ему дожидаться?

– Не приехал?

– Схватил инфаркт из-за сталинской критики и умер. 1945 год... Ему чуть больше 50-ти было. Детский возраст для киношника-режиссера! Представь себе, какие фильмы еще мог бы снять. Здесь. В Латвии.

6

Вдохновение – не птица. На него силки не поставишь. Налетит – заметет, бросит в сквер, на зеленую скамейку, и успевай – пиши. Благо походный блокнотик всегда в боковом кармане пиджака.

«Путь к тебе», - вывел я на первой странице, думая о Ларисе.

Вот так на скамейке, в Стрелковом парке, напротив нашей типографии, правильнее сказать, дома Михаила Осиповича Эйзенштейна, и по соседству со Спортивным клубом армии, в боксерском зале которого прошла моя юность, написал я этот... рассказ – не рассказ, скорее, зарисовку с натуры.

Какая натура? Предположим, моя влюбленная душа.

А что? Нет души? Для кого-то и нет – естественный отбор! А для всех остальных – есть.

Проза

Правда, и она в руки не дается, как вдохновение. И в видеоискатель ее не поймать. Однако щемит-щемит, не отпускает, пока не выложишься. А выложился – отпустит.

* * *

Помню: в стесненье чуть скошенный взгляд, кивок головы – вас можно?

«Белый танец».

Меня приглашают.

И мне представляется – весь зал следит за мной: отвечу я на приглашение, поднимусь ли со стула?

Я поднимаюсь, ощущая зыбкое недомогание в груди.

«Женское танго» – тихо и задумчиво. Грустная смутность щемит. Я – говорливый и хлесткий – в молчание замкнут. Молчание мне не по росту, тесно и жарко в нем.

Мне фразой цветистой и нерасхожей хочется щегольнуть. Она на языке, словно яблоко на терке.

– Луна... – вываливается отдельными крохами слов. – Представь, мы на Луне. Вокруг... как их?... селениты вокруг. А оркестр лунный вальс играет... А?

– Не вальс, а танго.

– Пусть танго, – соглашаюсь.

– Мы же... мы не мудреные селениты, а просто лунатики.

И мягкая, но в колючих искорках, улыбка затаилась в твоих зрачках. Их антрацитная глубина вобрала меня в зазеркальную тьму, как в колодец. И я потерялся. Будто сам в себе потерялся. Или... уже в тебе?

* * *

Помню: скамейка, одна из семейства «наших». Рядом, на гудроне, сдвоенность теней, высвеченных парковыми фонарями.

Теням легче намного. Без звука и всякого волнения – слились.

А нам?

Нам надо учиться у собственных теней.

Пальцы ощупью овладевают таинством.

Они, как тени, соприкасаются. Они, как тени, вместе.

Здравствуй, чужая ладонь! Здравствуй!

Здравствуй и ты, чужая жизнь! Здравствуй!

А звезда – одна из многих – скатилась вниз, как слеза. Но слеза – радости или печали?

– Кто-то умер, – сказала ты. – Есть такое поверье: падение звезды предрекает смерть.

Закатилась чужая звезда. Но на каждую смерть – по закону природы – приходится чье-то рождение.

– Пусть сегодня родились мы, – говорю я, прощаясь.

* * *

И вновь две одинокие фигуры встретились посреди шахматного поля.

– Лариса!

Я поднял глаза и увидел свое отражение в глубине твоих зрачков. Я остался в тебе, увидел я.

И рефреном отдается.

Я не могу без тебя!..

Не могу без тебя!..

Без тебя!..

Я!..

7

– Звонили? Нет? – первым делом спросил я у родителей, вернувшись домой.

– Никто не звонил, – сказал папа и пошел смотреть телевизор.

– Твоя девушка приходила, – сказала мама, убирая со стола.

– Моя Лариса?

– Наша Руфиночка, дочка Кларочки, с Большой Арнаутской.

– А–а, это та одесситка?

– Тетя ее – рижанка!

– Мне от этого не легче.

– Она тебе уже понравилась, да?

– Мама, ты мне нравишься с рождения. Но это не значит...

– Я тебя не гоню на ней жениться. Но присмотреться имей желание. Ты еще никогда не был в Одессе. А здесь такой случай. Поедешь, посмотришь, познакомишься с родственниками. Они там все одесситы.

– И у меня одесситы. Может быть, я уже устал от одесситов, мама?

– Как можно устать от одесситов? У тебя уже температура? Посмотри на себя в зеркало – ты себя не узнаешь.

– Мама...

– Не доводи меня до могилы, а то я подумаю, что на твою голову уже случился солнечный удар. Посмотрите на него, он устал от папы и мамы.

– От одесситов.

– Это от дедушки и бабушки с папиной стороны, позвольте спросить? Это от дедушки и бабушки с моей стороны? От тети Фани и дяди Абраши? От Софы, Сильвы, Гриши? А сам от себя ты не устал? Запомни, не будь войны, то и тебя родили бы в Одессе! Я этому Гитлеру голову готова оторвать, что он загнал нас в эвакуацию, и дети наши теперь как иностранцы. Сильва – из Одессы. Ты – из Оренбурга, Боря – из Риги. Три заграничные

республики в одной семье! Здравствуйте, приехали! Украина – Россия – Латвия! И как это я не заметила, что рожала каждый раз на другой нашей родине. А если завтра война, если завтра в поход? Вам ведь, Боже упаси, воевать придется. Сильва – за Украину, ты – за Россию, Боря – за Латвию. И кто тогда свой, кто тогда враг? Господи, поедем лучше в Израиль.

– Чемберлен!

– Я не Чемберлен. Я понимаю, чего ты не понимаешь: на твою душу пришел праздник в виде этой «мейделе»* с Большой Арнаутской. А ты делаешь семейные неприятности, избегая ее посещений. Смотри мне, Руфиночка уедет, и ты останешься без вида на Одессу. А ведь имя ее взято не с потолка. Оно взято от Руфи. А Руфь, подумай своей головой, родом из Библии. Она бабушка царя Давида. А царь Давид – папа Соломона Мудрого. Понимаешь теперь, какие у тебя могут быть дети? А?

– Мама, телефон! – закричал я, услышав прерывистый звонок.

Кто-то звонил, что-то говорил. Скучным надоедливым голосом.

Кто? Что? Выветрилось тотчас из памяти.

Это была не Лариса. Может быть, «Большая Арнаутская»? Вряд ли, да и голос вроде бы мужской. И чтобы окончательно выветрить одесситку из мозгов, я по старой привычке бросился к бумаге, и давай строчить, абстрагируясь от реальности.

И спутник старинных сказаний,
и пленник наследственных сил,
я нервно – стихом осязаний –
в словесных пределах бродил.

Вызваливал формулу чувства
из дебрей придуманных дней.

И Синяя Птица Искусства
стеклянно мерцала в окне.

Вломились незванные строки,
оконные смяв миражи.

И снова судьба на пороге

у правды-неправды – души.

8

20 августа, понедельник.

Лариса не звонила.

21 августа, вторник.

Лариса не звонила.

Что делать завтра, если не объявится?

В своих юморесках я нередко подтрунивал над моими героями, типа того: «Он был настолько деловым человеком, что даже

---

* девушка (*идиш*)

свидания назначал у ЗАГСа, дабы показать серьезность своих намерений».

Теперь самому надо будет завтра, в день регистрации брака, преобразиться в этакого придурка, наполненного серьезными намерениями, и торчать у ЗАГСа, охраняемого двумя каменными львами. Торчать в ожидании невесты: явится – не явится?

Жалко, набегающая осень – не время весенних ромашек. А то погадал бы на отрывных лепестках: любит – не любит, придет – не придет, обнимет, приголубит, к черту пошлет?

И вдруг со всей ясностью понял: не придет!

Радио было настроено на волну Би-Би-Си. А информация, заложенная в этом ящике, не доходит до сознания, настолько невозможная по сути в нынешние времена, когда талдычат на весь мир о социализме с человеческим лицом.

Радийный голос вскрывает мне мозг, как скальпель, и все непонятное обретает совершенно иные, законченные очертания.

Я подкручиваю ручку настройки, придаю громкости своей «Спидоле». Записываю за диктором, боясь не поспеть.

«В четыре часа утра 21 августа началось вторжение в Чехословакию. В боевых действиях принимают участие 1-я гвардейская танковая дивизия, 11-я гвардейская ударная армия Прибалтийского военного округа».

Дальше я плохо слышал. На том же уровне, как и соображал.

«Моя дивизия, моя армия. Боже, куда загнали наших ребят!»

Мне представилось, что некоторые из моих однополчан еще не демобилизовались, и сегодня... сейчас... вынуждены брать на прицел людей, а то и нажимать на спусковой крючок там... на родине Ярослава Гашека и Карела Гота, где прежде мечтали побывать как туристы.

Помнится, в двадцатых числах сентября 1965-го, когда Брежнев тайно посетил Калининград и штаб 11-й ударной армии, мы участвовали в так называемом «тысячекилометровом марше» – войсковых учениях, проводимых на территории бывшей Пруссии и Литвы. Не было ли это обстоятельной репетицией к нынешнему вторжению в Чехословакию?

Вопросы, вопросы...

Ощущения пустоты заполняет меня. Я словно в черной космической яме, из которой не выбраться. Только копошись в ней. Перебирай руками и ногами, но кругом – безвоздушное пространство.

Воздуха! Воздуха!

Но крик застревает в горле. А в голове, с глубоким проникновением – до основания мозжечка – торчит зазубренная заноза «ясного понимания момента».

Теперь понятно, на клейку каких карт командировали Ларису из Калининграда в Ригу, из штаба 11-й армии в штаб ПрибВО. На них каждый километр размечен, от границы до границы. Такие карты выдают лишь перед самым началом операции, чтобы невзначай не просочились наружу оперативные планы высшего командования.

Теперь понятно и другое: почему Лариса так же внезапно, как и появилась, пропала с моих горизонтов. Не иначе как 18 августа, когда мы с ней намеривались махнуть с палаткой на взморье, сыграли тревогу. Приказ: всем рот на замок и вперед – на грузовики и бронетранспортеры.

Сейчас Лариса, скорее всего, уже в Праге. И не связаться ей со мной, не связаться – любой телефонный звонок блокируется.

А увидимся ли? Кто теперь знает? И стихийно набегают строчки.

В любви дорог обратных нет.

Оглянешься – там бездорожье.

И тихо шепчешь: «Пожил, пожил,
неся в душе вчерашний свет».

В любви дорог обратных нет.

Но повстречаться можно снова
с влекущим отголоском слова –
«люблю» – и выдохнуть в ответ:
«В любви дорог обратных нет».

Борис Берлин

ЗЕЛЁНАЯ ЛАМПА

Меня зовут Магда.

Магда из сумасшедшего дома.

То есть это, конечно, не совсем сумасшедший дом. Но мой врач говорит, что таким, как я, безопаснее всего именно здесь.

Магда. Магда...

Как я люблю свое имя. Я помню, как его произносила мама. И как его вышептывали любовники.

Как напевал его Вик.

А вот больше ничего не помню...

Доктор рассказал мне, что я работала в издательстве, что у меня есть муж и взрослый сын. И правда, иногда меня приходят навещать двое – пожилой и молодой, очень между собой похожи. Сразу видно – отец и сын.

Только я-то здесь при чем?

Я их не знаю. Или не помню – какая разница...

Это называется посттравматический синдром. Я упала. Шла и упала. Потому что скользко. И ударилась головой. Скажете, с каждым может случиться. Гололед. Да. Но случилось со мной. Вот только я и этого не помню.

Зато помню его, Вика. Еще больницу, конечно, но это уже потом. А вот – его...

Доктор говорит, надо записывать мысли, – все, что приходит в голову, тогда обязательно что-нибудь выплывет и, может быть, потянет за собой остальное.

А я вот думаю, может, потому и забыла, что это остальное, не главное. Его-то ведь я не забыла...

Каждую осень я сижу вот так на веранде и слежу за тем, как падают листья. Кружась и приникая к земле, словно в поцелуе. Так же и я приникаю к настоящему, которое почти целиком уже и прошлое. О будущем я не думаю, потому что оно – это настоящее, и он, Вик. Все прочее – остальное и за...

...Круг света от зеленой лампы. Стол. Мы напротив друг друга – Вик и я. Лицо в лицо, и я ловлю его мысли. Уже целых тридцать лет назад...

Я смотрю на нее и забываю свой возраст. И все остальное забываю тоже. Только ее лицо в круге света и пальцы, без конца наматывающие прядку волос... Она поднимает глаза и застает меня врасплох – каждый раз. Ее глаза бездонны, как Марианская впадина. Однажды я сказал ей об этом, и она засмеялась – только и всего. Только и всего...

И я снова утыкаюсь в капеллу Роншан...

Странно... Я могу молчать рядом с ним часами. И чувствовать себя на двадцать лет старше. А ведь все совсем наоборот: старше – почти на тридцать – как раз он. И ему уже сорок шесть. И он почти мой отец...

– Скажи... А почему ты все время разглядываешь в своих альбомах одно и то же? Одни и те же чертежи, фотографии? Я давно обратила внимание – каждый раз одни и те же. У тебя там даже закладки обтрепались. Или вот этого здания или еще одного. Вернее, церкви, да? И все. В них есть что-то особенное?

Он поднимает голову, и я вижу его губы с вертикальной складкой-ложбинкой на нижней. Потом он морщит лоб и произносит:

– Наблюдательная ты...

У него недовольное лицо, и он хочет казаться серьезным, но мне смешно, я-то ведь знаю его как облупленного. На самом деле он готов сейчас заурчать от удовольствия.

– Мне вдруг стало интересно, правда, скажи.

– Ну, это... Ты ведь знаешь, как настраивается музыкальный инструмент? Гитара, скрипка... А эти чертежи, эти фотографии настраивают меня. Чтобы я был готов сыграть ту мелодию, которая во мне, понимаешь? Которую я должен исполнить. Не зря ведь архитектуру называют застывшей музыкой. А эти два здания, как камертоны, мои, личные. Я смотрю на них, и мой мозг, мое восприятие настраиваются определенным образом. Вот и все.

– Расскажи мне про них, а? Что это? И почему именно они?

Он глядит на меня несколько секунд, потом вздыхает и говорит:

– Вот это, то, что ты видишь, это капелла Роншан. Маленькая католическая церковь во французской деревне, только и всего. Архитектор Ле Корбюзье, тоже француз. А вторая – церковь неподалеку от Москвы, на реке Нерли. Она так и называется – Покрова на Нерли. Двенадцатый век. Я не знаю, почему именно они. Не могу сказать. Хотя... Ну, вот, послушай. Это, конечно, только мое восприятие, но ведь ты об этом и спрашиваешь, да?

Я киваю. Оно-то мне и нужно – его восприятие.

– Роншан – странная церковь. Совершенно непохожая на церковь вообще. Совсем. Ни на какую. Когда приближаешься, она выплывает на тебя из зеленого луга, как корабль. Луг, лес и вдруг – корабль. Белый. Сначала даже не понимаешь, что это. Что это – дом. А потом вдруг осознаешь, что так оно и есть – это не дом, как дом, как церковь, как что-то еще, ну... привычное, то, что вписывается в твои представления, соответствует ожиданиям. Это – ворота куда-то в над... Тыходишь вовнутрь, и на тебя смотрит Бог. И свет. И ты чувствуешь воздух и Бога в себе...

– Ты красиво рассказываешь. А та, другая?

– Покрова на Нерли – совсем другое дело. Можно сказать, что Роншан и она антиподы.

– Почему?

– Потому что она как раз соответствует всем канонам православной церкви. Абсолютно традиционная архитектура, традиционный выбор места – на берегу реки, как и большинство православных церквей. Все, как везде. Но не как везде, потому что это – церковь-женщина.

– Не понимаю, – я смотрю ему в глаза, слежу за его губами, слышу его голос, и все во мне...

– Я и сам не понимаю, – Вик ухмыляется. – И никто не понимает. Если бы понимали, смогли бы построить еще такую же. Но вот не построили... У нее уникальные по совершенству и изысканности линии. Она проста до гениальности. Понимаешь, все совпало, пропорции, природа вокруг. Она вся – простота, покой и нежность. И вера. Церковь-женщина...

– А я?

Этого я не сказала...

Каждую минуту, все время, жить невозможностью любви.

Не помню, когда это началось. Или делаю вид, что не помню. Или не хочу вспоминать. Или делаю вид, что не хочу вспоминать...

... Они плавали вдоль берега и незаметно оказались около гряды камней, выступающих из воды метрах в семьдесят от нас, – Магда и кто-то из ее подруг. Мы даже не поняли сначала, что происходит – две девчонки просто играют, плещутся, размахивают руками. Потом я услышал ее крик:

– Вик!!!

Мы успели. Их, конечно, побило о камни, но могло быть гораздо хуже. Могло быть. А крика, кроме меня, не слышал никто...

... Я несу ее исцарапанное тело, и она обнимает меня за шею. Глаза дикие. Прижимается и дрожит – вся. Потом, уже лежа на расстеленном полотенце, пока я промываю ее раны пресной водой, вдруг разжимает ладонь и шепчет:

– Гляди, что я нашла...

На ладони маленькая круглая раковина нежного розового цвета, похожая на ухо.

– Правда, похоже? – она отбрасывает в сторону мокрую прядь волос и показывает мне ухо.

И мне начинает жечь глаза, словно в них попала соль.

И запах моря – от ее тела.

С влечением можно бороться. Как бороться с нежностью, которой – задохнуться...

Я до ужаса несовременна. У меня мало друзей и много книг. Я не пробовала наркотики, но исподтишка покуриваю. И боюсь, что об этом узнает Вик. Он меня опекает, и мне это нравится. Чувствовать на себе его взгляд, ощущать его беспокойство и видеть, как он хмурится, если что-то не так. Он думает, что знает все лучше меня, и я не мешаю и слушаюсь, как маленькая. Знаете, почему? Мне просто хочется его слушаться. Вот просто...

Даже факультет мне выбрал он. Интересно, мы так и будем молчать весь вечер?

– Вик! Вик, пойдём в кино. Или погулять и в кафе, а? И дождь уже кончился.

Он качает головой, даже не глядя на меня.

– Нет, сегодня не могу. Завтра, с самого утра, мне нужна свежая голова, а после прогулок с тобой там путаница, – он качает головой и снова погружается в свои чертежи.

Я иду ва-банк.

– Меня звал Макс, а я не пошла...

– Куда?

– Да в кино же, в кино!

– А-а-а-а...

– Вик, а он тебе как?

– Кто?

– Да Макс же!

– Э-э-э... А я его видел?

– Он заходил к нам на прошлой неделе. Мы вместе пили чай.

– Ну, я... не помню.

Врет. Он все помнит. Все и всех. Он моих ухажеров знает и оценивает огого как.

Раз говорит, что не помнит, значит, не очень. И шансов у Макса, стало быть, минус ноль. Но, в общем-то, он и мне не так, чтобы... Честно говоря, мне они все – не так, чтобы. Потому что...

«Ну чего я упрямлюсь? Время ведь не остановить, и этот вечер тоже. И себя. Или себя можно? И ближайшую тысячу лет – по обе стороны от зеленой лампы...»

– Ну, хорошо, идем, – я встаю из-за стола.

Она визжит от восторга и бросается мне на шею. Я кружу ее, не касаясь руками. Главное – не касаясь руками...

Мы сидим плечо к плечу, и я ничего не вижу. Что-то там мелькает на экране, Магда иногда хихикает, а я чувствую ее узкую ладонь в своей, и у меня совершенно пустая голова. Она говорит, что у меня теплые руки. Вот как...

Ужинать я увела его в кафе. У меня был особый расчет: во-первых, не надо будет посуду мыть, а во-вторых, у меня к нему разговор – серьезный, а в кафе разговаривать легче.

– Все-таки очень вкусная у них лазанья.

Вик пожимает плечами.

– Что ты хочешь, итальянцы всегда знали толк в еде.

– Вик...

– Что?

– Ничего...

Он замирает на секунду с поднятой вилкой и смотрит на меня.

– Ну, говори, говори, я же вижу, что-то у тебя...

– У меня проблемы с учебой.

– Продолжай, – и он возвращается к еде.

– Я не справляюсь.

– Угу.

– Ну что ты угукаешь?

– А что мне прикажешь делать?

– Мне нужен совет, а не ругачество...

– Я уже давно тебя не ругаю.

– Как же... Ты просто так смотришь, что мне стыдно.

Я смотрю на нее и... Господи, дай мне сил...

Чтобы скрыть смущение, я делаю вид, что подавился, и начинаю судорожно кашлять. Магда похлопывает меня по спине, и я с трудом успокаиваюсь – цирк да и только.

– Ты взрослая, Магда. Ты умная. Если ты не справляешься, значит, тебе неинтересно. Это я настоял, чтобы ты пошла на этот факультет. Значит, есть и моя вина. Скажи, чего ты хочешь, и мы поступим, как ты хочешь. Можно перейти на другой или...

Чего я хочу... Иногда мне кажется, что я не хочу ничего. Просто сидеть вот так и говорить, говорить...

Я знаю его лицо до мелочей. Его губы с ложбинкой на нижней. Его спокойные руки. Его плечи и его походку. Его дыхание. Запах его одеколona и его пота...

И как он морщится. Я знаю его женщин. Он никогда не приводит их домой, но меняется его запах и его взгляд. Едва-едва, неуловимо. Становится чуть более рассеянным.

Тогда я бешусь.

Это никогда не длится больше месяца, да и случается нечасто. Но я – бешусь...

Вот как сейчас, потому что он спрашивает, чего я хочу.

А я не могу ему сказать. Потому, что все сказано уже так...

И так ясно...

Уже поздно, и мы идем домой. Он ведет меня за руку.

Проза

Перед сном я прихожу пожелать ему спокойной ночи. Он по-прежнему сидит нал своими чертежами. Прямые плечи, аккуратный затылок.

– Вик...

– Что?

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, заяц...

Мы никогда не целуемся. Даже обычный чмок в щеку – никогда.

Я просто подхожу сзади и обнимаю его за плечи. Прижимаюсь щекой к его щеке и замираю. Вик не шевелится. Молча ждет, когда я уйду, и я понимаю, что мешаю.

– Вик...

?..

– Мама смотрит на нас. Видишь?

Он едва заметно кивает. И молчит...

Фотография на столе, прямо перед глазами – темные волосы, счастливые глаза... Мама... Моя мама и его – Вика – жена. Его женщина. Они поженились, когда мне было десять, и я все помню. И как они смотрели друг на друга – тоже. Потом она умерла, а мы остались.

Прошло уже целых пять лет.

Мне восемнадцать. И каждый час, как день, каждый день, как год, я живу невозможностью любви.

Ах, эта зеленая лампа между нами, которая всегда...

Ее звали Тирца. Она была моей женой три с половиной года. Последние пять с половиной месяцев – неоперабельный рак поджелудочной железы. Это не лечится.

Каждый день я благодарю ЕГО за каждый день с ней. Каждый день я проклинаю ЕГО за каждую минуту ее страданий.

Последнее слово, которое она уже не смогла произнести. Только одно слово. Одно имя – Магда... Потом она просто закрыла глаза и перестала дышать.

Мне понадобилось целых четыре года, чтобы научиться умирать от нежности к ней. И с этим – жить.

На то Рождество я заболела.

Озноб, температура под сорок и жуткий выматывающий кашель. И тупая боль в груди. Воспаления легких мне только и не хватало. Да еще двустороннего, крупозного.

Три дня я почти не помню, все было, как в тумане. На четвертые сутки, ночью, я проснулась, вся насквозь мокрая от выступившего пота. И сорочку, и меня можно было отжимать. Но грудь уже не болела, и хотелось есть. Вик лежал рядом со мной, поверх одеяла, одетый, и дремал. И огромная луна прямо в окно...

...Он обтер меня всю насухо и переодел, а потом принес бульон. А еще потом я забралась к нему подмышку и уснула. До утра.

Наша первая ночь вместе...

Та ночь... Она болела очень тяжело. Конечно, ее лечили и все такое, но три дня она была почти без памяти. Я совсем не спал эти дни, все время рядом с ней, сон – урывками, не раздеваясь. На четвертую ночь я проснулся от яркого лунного света в окно и увидел ее глаза. Она растянула губы в улыбке и прошептала:

– Есть хочу...

Я принес ей бульон, она поела немного и уснула, прижавшись ко мне.

И ничего не случилось.

Кроме счастья, которое – рядом...

А потом...

Она снова пошла учиться, вернулась в университет, и жизнь пошла, как обычно. Через какое-то время появился... он. Все было, как раньше, только ночами мы почти не спали – ни она, ни я. Я прислушивался через стенку к ее шагам, скрипу половиц или створок шкафа. К ее покашливанию, и как она негромко напевает себе под нос. Через полгода Магда переехала к нему. Еще через год они поженились. Я сам подвел ее к нему и вложил ее руку – в его.

Назавтра, накануне моего отъезда, когда уже стемнело, она пришла ко мне в спальню. Села на постель и взяла мою руку. Потом улеглась поверх одеяла, прижалась, и мы уснули. Посреди ночи я проснулся. Ее уже не было. И хотя мы по-прежнему не сказали друг другу ни слова...

Много лет я ни разу не оставался с ней вдвоем, наедине. Ни разу...

У них родился сын, и вскоре они переехали в другой город. Я навещал их раз в год, всегда на Рождество.

Она не приходила ко мне больше никогда.

Потом позвонил ее муж, и я приехал. В то утро выпал снег. Мне сказали, что она никого не узнает. И я подошел к ней, и взял за руку, и погладил по щеке. И она, как была, с закрытыми глазами, произнесла:

– Боже мой, наконец-то...

Я многое забыла из прошлого – почти все. Зато я знаю все про будущее. И жду первого снега. С первым снегом он придет и заберет меня отсюда. И я сразу увижу его следы – темные проталины на белом покрывале. Завтра...

– Магда, девочка моя, я пришел.

– Вик, Вик, Вик...

Проза

– Видишь, все, как ты хотела – первый снег, – посмотри за окно.

– Да-да, я знаю, я знала, что ты придешь именно сегодня.

– Конечно, милая, я ведь тебе обещал, помнишь? Сегодня я заберу тебя отсюда. Теперь мы можем жить вместе, понимаешь?

– Да. Я ведь так долго этого жду. Всю жизнь...

– Мы оба, любимая. Всю жизнь мы жили вместе – я и ты – невозможностью любви...

– И мама...

– Да, моя хорошая, она всегда была с нами – ты ведь помнишь.

– Скажи, а я все еще нравлюсь тебе?

– Конечно. Ты моя самая желанная. Моя любимая...

– Тогда уедем поскорее, ладно?

– Магда!

– Что?

– Скажи, а как твоя память?

– Т-с-с-с, не спрашивай. Никогда не спрашивай того, кто любит и кого любишь ты. Просто люби и позволь любить себя. Беда придет сама, радость надо суметь вынянчить и вырастить...

– Хорошо, я сделаю все, как ты скажешь.

– Я так давно не была дома. Вик, а можно я тебя о чем-то попрошу?

– Ну, конечно.

– Тогда обещай мне. Обещай мне жить долго. Ведь ты – моя жизнь, и если не станет тебя...

– Не беспокойся обо мне. Я буду жить, пока живешь ты, у меня просто нет другого выхода, правда? Я ведь должен заботиться о своей дочке, о своей Магде.

– И еще...

– Да?

– Я хочу... Я хочу снова сидеть напротив тебя. И чтобы стол и зеленая лампа посредине. И ты рассказываешь мне про Роншан и ту, другую, церковь-женщину...

– Покрова на Нерли.

– Да, про нее. И круг света от зеленой лампы...

... – Ты, кажется, что-то говорил о невозможности любви?

Александр М. Кобринский

СЛОВО СТАРЦА

Брагу мужики в тот день не пили,
Насупились не от гнилой погоды –
Враг идёт! – в домах заголосили
Жены муторнее, чем «ду-ду» удоды.

Весь апрель осада продолжалась...
Молодым теплом сменился холод
Не к веселью – где ты, Божья жалость?
Жителей схватил за горло голод.

И Перуну бьют челом, и Богородице –
Молятся, а лихо ходит щёголем.
Девкам жизнь походную придётся
Услаждать поганцам – печенегам.

Главный вход старейшины решили
Отпереть – ждать помощи пустое.
Бесы город люто окружили:
Ждёт чужбина пленных – все чужое.

Над рыданьем горестным, над всхлипами
Сквозь просвет в листве луна светила
И над вечем, собранным под липами,
Тень резная блики разносила.

Явлен был глазам людей столетний
Белобровый старец – волхв убогий.
Чётко на земле клюкой наметил
Равных круга два и молвил, строгий:

«Надобно, чтоб здесь две ямы вырыто
На две кадки было побыстрей:
В первой кадке приготовьте сыту,
Во второй – кисель из отрубей!»

Наскребли в медуше княжей меду,
Отрубей в амбарах наскребли –
Слово старца выполнили сходу
И в надежде хитрость обрели:

«Мы уйти вам с миром предлагаем,
Потому что мором нас не взять;
Как пришлёте ваших, обещаем
Им на деле это доказать!»

И послы ответно приходили –
С любопытством к кадкам подошли,
Сыту и кисель хлебнув, решили,
Что еда идет из-под земли.

Приумолкли – спешно возвратились
Вниз – к реке – к высокому шатру,
На котором змейно колотились
Ленты голубые на ветру.

Доложили – и сказал, сжимая
Плеть властитель: «С ними не берусь
Воевать я!»... Спасена святая,
Только что крестившаяся Русь!

10 ЯНВАРЯ 1775 ГОДА

И направо, и налево
Низко-низко поклонясь,
Уторопливо при этом
На собор перекрестясь:

«Отпусти, – сказал народу, –
И прости, в чем согрубил
Пред тобой» – и экзекутор
Палачей поторопил.

На настил Емелька падал
Навзничь – в небеса ничком.
В тот же миг топор на взлёте
Засветился серебром.

Хлестанула кровь толчками.
Казни жуткая картина
Совершилась... Овдовела
В этот день Екатерина!

* * *

*Любо, братцы, любо...
Из народной песни*

Любо прищуренным светом
пройтись и заметить, при этом,
в звоннице медно-лобастой
четвертованного себя –
серпастыми и молоткастыми
глазами базарного дня.

ЭХО НЕЗЕМНОЕ

Клином сосны к небесам,
клином ели,
потому что только там –
в глубине достигнут цели
кроны...

Кроны,
кроны,
кроны –
королевские короны.

Одноногие принцессы
убегают от надзора,
от фотографов и прессы...

Очень скоро,
очень скоро
анжелики и агнессы,
золушки и баронессы
огненные рассекут просторы –
канут звёздно.
Кронам нужен
вольный воздух,
а не тот,
где шито-крыто
под орнамент малахита
сумрак из палеолита
меж стволами
вдоль опушки
смотрит стражно
и острожно.

Тут же шёпот –
осторожно! –
цыц, замри:
молчанью клёво
наблюдать,
как гибнет Слово.
В обиходе только ахи –
ахи жалкие
и охи...
Им подыгрывают
вздохи.

Но вне контура эпохи,
возглас – ЕОН МЕЗЕНОХЭ!
На холмах
танцует хвоя.
Близок март.
Теплее стало,
чтобы ЭХО НЕЗЕМНОЕ
гнёзда на земле свивало.
Как свивало? –
по земному.
Ближе к собственному дому
быть не может
по другому.

К ливням,
к молниям
и грому
на краю воздушных ям
пляшут сосны,
пляшут ели...
Вверх.
Все выше –
так, что корни
прирастают к небесам!

ОБМАНУТЫЕ

Куролесилось жуткое, внебытийное –
прибывало нежданно-негаданно –
растекалось по переднему и по тыльному,
как нечто само по себе Богоданное...

И люди дров не заготовливали –
в раю обещанном не топились печи,
и старухи райское сквозь темноту выглядывали,
и щурились, и к окнам подносили свечи...

И когда Преподобная Богородица зелень марта
серебряным звоном отметила,
село уснуло после долгой бессонницы
и стало похожим на оглохшего тетерева.

Леонид Колганов

ЧЁРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

Король до кончиков ногтей
Шекспир. «Король Лир».

Земле как будто вскрыли вены,
Как плугом перерезав их,
Из жил её – из сокровенных –
Всплывали души дорогих!

Тела и души поколений,
Зарытых заживо в земле,
Пред ними падал на колени,
Едва их различив во мгле.

Друзей подспудные рыдания
Земные глубины потрясли,
Как чёрный передел сознания
И чёрный передел земли!

Как будто волею Господней
Я в бездну шёл навстречу им
И восставал из Преисподней
Шутом бродячим, словно дым.

Через чернозём судьбины горькой,
Друзья прошли, как миражи,
О, чёрный передел подкорки
И чёрный передел души!

Дошёл я с ними до предела,
Давно мой волос поредел,
И предо мной, как Хаос Белый,
Седой последний передел.

Он словно Лир, среди бури стойкий,
Парит, величием дыша,
И вслед за ним летит на тройке
Моя, в бубенчиках, душа.

Я вместе с ним, как шут, скитаюсь,
В шотландско-русской пустоте...
И он над всем, как Белый Хаос,
Король до кончиков ногтей!

КОМУ Я НУЖЕН

«Сестра моя жизнь».

Борис Пастернак

«Смерть, гордая сестра».

Томас Вулф

«Смерть героя»

Ричард Олдингтон

Кому я нужен, сам меня найдёт,
Как смерть, что ищет своего героя,
Иль пуля, чей таинственный полёт
Закончится, когда войдёт в родное

Земное тело, где царить лишь ей,
Отбросив все грядущие болезни,
Прикрыв меня от будущих смертей,
Приход их будет жизни бесполезней.

Возьмёт меня, когда придёт пора,
Я с ней повязан не водой, а кровью,
Не жизнь, а смерть, как гордая сестра,
Обнимет крепко с братскою любовью!

Как жизнь одна, так и она одна,
Со мною до последнего предела
Дойдёт, и в тот же миг умрёт она,
Ей нечего на свете будет делать.

Не жизнь, а смерть, как верная жена,
Уйдёт со мной дорогой гробовою,
И будем мы лежать: я и она,
Как два любовника, покончивших с собою!

ТЕНЬ ГОРЫ

Все мы только тени от горы Джойса.

Джон Апдайк.

Не взял языковой барьер,
Но взял сверхзвуковой,
И с места я лечу в карьер,
В карьер свой роковой!

В карьер, что выше всех карьер,
И выше всех постов,
Где встали тени Кордильер
На вечный свой постой.

Там бессловесный разговор
Бессмертные ведут,
На языке безмолвных гор.
Как взять мне их редут?

И робко прячусь я за них,
Как тень от их горы,
Я должен быть под сенью их,
Без них я вне игры.

Я должен дописать за них
Все песни, но без слов,
И прислониться к горю их
Средь горных рукавов.

Сплести из веток свой плетень,
И, выйдя из игры,
Тихонько удалиться в тень,
Как тень своей горы.

ШРАМЫ

Считаю я на теле шрамы,
Их очень много у меня,
Они – как взорванные храмы,
Среди погрома и огня.

Но есть невидимые шрамы,
Их не увидишь в неглиже,
Они – как взорванные храмы,
Что не на теле, а в душе!

Они – как взорванные дружбы
И оскверненные любви,
Они – монастыри без службы,
Молчат, кого ни позови.

Молчит моя душа пустая,
Как онемевший монастырь,
И лишь рука судьбы сухая
Листает каменный Псалтырь.

О, эти взорванные храмы,
Святыни юности моей,
И не затянут сердца шрамы
Пустоты от былых друзей!

И не надеюсь я на что-то,
И мне совсем невоготу,
Я провалился в их пустоты,
В одну Большую Пустоту.

Прошёл по душам оскопитель,
Осталась сорная трава....
Так провалился Храм-Спаситель,
В провал по имени Москва!

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ КЛАДБИЩЕ

Альтернативными кладбищами в Израиле называют кладбища, где похоронены люди, не исповедующие иудаизм. Иногда они находятся в пустыне.

Как будто пришлые варяги,
В пустыне выстроились в ряд,
Надгробья, словно саркофаги
Миниатюрные, стоят.

И меж камней плывут верблюды,
И страусы трусцой снуют.
Ценя одно и то же блюдо,
Цветы бумажные жуют.

И переварят их желудки
Альтернативные цветы,
Из жёлто-красных тряпок жутких,
Словно цыганьи лоскуты.

Я сам в душе альтернативщик,
Принадлежу к иной Орде,
И дух мой, как ордынец, рыщет,
В надгробно-каменной беде.

Меня пустыня переварит
Желудком страусов своих,
Колючкою верблюжьей станет
Мой дух, что получил под дых!

Но, словно джинн, опять восстанет,
И как верблюд колючки бед,
Он всю пустыню переварит,
Тому альтернативы нет.

Валентина Бендерская

* * *

А у нас с тобой затишье.
Между нами вновь – ничья...
Я шагаю еле слышно
В одиночестве дождя,
В одномерности незримой,
В невесомости пустой,
Единицей, не коримой
Ни другими, ни тобой...

* * *

Обиды не помню. Сама обижала,
Колола словами больнее кинжала...

Отмщенья не надо – жизнь так отомстила!
Такого бы и для врага не просила...

Со злом и с добром всех, кого вспоминаю,
В незримых объятьях к себе прижимаю:

И бывших, и будущих, и настоящих,
Роман под названием «Жизнь»
мне дарящих...

* * *

Я подкову на счастье повесила
У входной двери.
Часто были без денег, но весело
Пели – вплоть до зари.

Ту подковку, истёртую пахотой,
Передам по цепи,
Как наследство, с любви бархатом –
Своё счастье лепи...

Оно, верь мне, не плоть сытая
Во дворце у паши...
Счастье – это подкова, сбитая
Работой души.

* * *

Лист зелёный винограда
закрывает свет, как жезь.
Я обманываться рада,
что мир лучше, чем он есть.

Я обманываться рада,
что вокруг меня друзья,
выходящих вон из ряда
уравнять под всех нельзя...

Диких порослей лиана
оплетает дом, как лесть.
Я обманываться рада,
что мир лучше, чем он есть.

* * *

Ель ветвистая, ель лапастая
приютила берёзку юную...
Опускалась темень лобастая
на речушку гор многострунную...

Цельнолитая и многопадная,
испытавшая засуху века,
пережившая голь перекатную,
серебрилась журчанием смеха,

искромётной пречистойю синью.
Я смеюсь с ней над вымыслом фальши,
пролетая крылатою тенью
за потоком всё дальше и дальше...

Зачерпну хрусталя в ковш ладони,
окачу всю себя с головою,
преклоню пред Величьем колени,
наслаждаясь живою водою.

Напитаюсь магической силой,
захмелею от волюшки-воли –
необъятной, и грозной, и милой,
от щемящего счастья до боли...

Дина Меерсон

АДАМ

Скучно мне, Господи, в райском твоём саду.
Яблоки зреют. Лев развлекает ягненка.
Щиплют газели траву, лебеду, резеду.
Солнце сияет, и птицы щебечут звонко.

Скучно, Всевышний, под небом, всегда голубым.
Близится отдых – конец многотрудной недели.
Есть же вопросы, к примеру вот: «Быть или не быть?»,
Ну, не с ягненком мне их обсуждать, в самом деле.

Скучно мне, Господи. Некому слова сказать.
Может быть, выделишь ангела для разговора?
Вертится фраза в мозгу про родные глаза.
Древо Познания? О, плод там созреет нескоро.

Боже Всесильный, источник любви и добра!
Меркнет сознание, и губы так странно немеют...
Что это, Господи? Нет, мне не жалко ребра.
Пусть плоть от плоти моей. Это даже вернее.

В ПАРКЕ

Здесь ветер скачет, как упругий мячик,
Блестит солнца золотистый ком.
На горизонте облако маячит
Неотменимым носовым платком.

Мой пес кругами носится по склону,
И мир его свободен и велик.
Мангал в сторонке, под тенистой кроной,
Так нежно намекает на шашлык.

Минуты безмятежного покоя,
Их знает ветер, им верна река.
А нам, забывшим, что это такое,
Напоминают в небе облака.

И в жизни той, где вычурно и стильно,
Где сеть интриг и горьких мыслей круг,
Нас бережет, наивна и всесильна,
Щенячья прыть на ласковом ветру.

ЗЕРКАЛО ВИНОВАТО

Во всем виновато зеркало.
Оно придумывает мне морщины,
Которых вчера еще не было,
И все встречные мужчины
Видят, как я стара.
Оно гонит меня в магазины,
Полные рекламной были и небыли,
И я скупаю кремы на вес, как апельсины.
А зеркало смеется надо мной по утрам.

Во всем виновато зеркало.
Предательский свет из окна косыми лучами.
Откуда у меня этот жесткий взгляд?
И эта складка меж бровей меня удручает.
Зеркало делает хмурым мой вид.
Оно не утоляет мои печали.
Оно считает мои года, как цыплят.
Но еще рано, осень еще в самом начале.
И знаете что? Это зеркало меня полнит.

Да, во всем виновато зеркало.
Я разжалую его, сошлю в чулан.
И время заблудится, не отыщет ко мне дороги.
Армия встречных мужчин разделится пополам..
Половина влюбится в меня сразу.
А другие, бросив жадный взгляд из-за угла,
Будут штабелями валиться мне прямо под ноги.
Так что во всем виновато зеркало,
И пора извести эту заразу.

Так я говорила. Речь вдохновенно журчала.
Зеркало мои морщины держало, не пряча,
Баловалось косым солнечным лучом,
Молча отражало свет,
И вдруг говорит:
– Что ж бросаться такими речами?
Взлеты, грабли, поцелуи, неудачи –
Ты все теперь знаешь. Хочешь сначала?
Я осеклась. Сказала:
– Спасибо, нет.

ДЕЛОВОЙ РАЗГОВОР

Кто-то бродит кто-то бредит
Кто посвищит кто обрящит
Люди просто жгут глаголом
Только я сижу без дела

Только я стою без дела
Только я лежу без дела
Вся в заботах как в заплатах
Только я живу без дела

Дело ходит по опушке
По экватору шагает
Но меня не замечает
До меня ему нет дела

В мире много географий
Геометрий тоже много
И не встретятся дороги
Параллельных наших линий

По планете ветер бродит
На рассвете море бредит
Я ищу себя ищу я
Тот кто ищет он обрящит.

РЫЖАЯ ДЕВЧОНКА

Осень, рыжая девчонка, что ж ты плачешь?
Что ты золотом исходишь вдрызг и в крик?
Каждый ветер задирает тебе платье.
Каждый вечер в лужах моет фонари.

Молодым казалось лето да зеленым,
Но остыло, повзрослев от неудач.
Как щечины, пылают листья кленов.
Осень, рыжая девчонка, ну, не плачь.

Заплети потуже косы золотые,
Обогрей волной последнего тепла...
Осень. Серые глаза ее застыли.
Передернула плечами и ушла.

РОШ А-ШАНА

Мир, как свежечеканенный пятак,
Как младенец который не ведает, что творит,
Цельный, чистый, безгрешный пока,
Ест да спит и ничего еще не говорит.

Адам наг, и Ева пока не спозналась со змеем.
Волк ходит в друзьях у молодого барашка...
А теперь мы имеем то, что имеем,
И приходится отвечать за грехи свои тяжкие.

В тот Первый день Первого Года, не знавший ни о чем,
Новенький мир уяснил: будет Запись о каждом человеке.
Еще не рожденный Авель обречен,
Еще не зачатый Каин осужден навеки.

Замерев от ужаса, опьянев от восторга,
Стою. Звезды мне свидетели и соседи.
– Открой Книгу Жизни, – прошу я Бога. –
Эль мале рахамим, Бог, исполненный милосердия.

ГДЕ-ТО БРОДИТ МОЯ ДУША

Где-то бродит моя душа.
Не скулит, не зовет – и ладно.
Жизнь бездушная хороша:
Все неспешно и так... прохладно.

Отгремели мои громы,
Отпылали мои зарницы.
Чаще – Я, и все реже – Мы.
А в руке не журавль – синица.

Нету плаванья кораблю,
Если ржавчина дно пробила.
Я давно никого не люблю,
Потому что себя разлюбила.

Дождь по крышам шумит, как назло.
Сырость, серость – ползут и душат.
Чувства, сбритые наголо,
Отрастают.
И колют душу.

Ариэла Марина Меламед

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ЛЯГУШКИ

Сначала – блюз. Только ритм, ничего, кроме ритма, свинг, два, три, четыре...

Говорят, в древности лягушка часто прыгала, поглядывая в небо. Там, на небе, жила звезда, и по вечерам лягушка с ней здоровалась.

– Как дела? – спрашивала звезда.

– Ничего, помаленьку, – отвечала лягушка, и от радости, что видит свою звезду, пыталась до неё допрыгнуть.

Прошли годы, века, тысячелетия. И вот, молодая лягушка, в точности похожая на своего пращура, здоровается со своей звездой.

– Как дела? – спрашивает звезда.

– Ничего, помаленьку, – отвечает лягушка.

Картина первая. Сказки все это

Мы сидели в кафе на ул. Бен Еуда в ожидании бутерброда. Восточный народ расслабленно обтекал столики, иногда усаживался и тут же закуривал. Мы беседовали о счастье. Что человеку нужно? Свободное время и лишние деньги? Сыграть босанову на саксофоне? Человеку нужно всё и ещё немного. Лучше всего – странного.

– Людям нужен спектакль, – сказал Гриша Француз, – современный, неожиданный, в стиле шоу... Песни, куклы и судьба. Например, про царевну-лягушку. Ты представь – она живёт на болоте, а принца всё нет и нет, уже все сроки прошли, и неизвестно, удастся ли снова превратиться в принцессу... А вокруг – тритоны, осьминоги, глубоководышащие, поговорить не с кем. Одинокая синяя лягушка смотрит на звёзды. А звёзды смотрят на неё. В конце концов, каждый из нас в какой-то степени царевна. Или лягушка...

Идея не особенно увлекла поначалу, но...

– Тут главное – трансформация, – рокотал Гриша, – сбросить шкурку... стать неизвестно кем, хоть жар-птицей.

И вдруг я увидела лёгкую галлюцинацию в жарком воздухе: люди, жующие шварму, выстроились в очередь, напоминающую китайского дракона, хвост очереди тянулся отсюда до Тель-Авива. Очередь била чечётку и закусывала на ходу. А в распахнутом синем небе летела лягушка.

Француз – это фамилия и одновременно кличка, еще с детства. Гриша пенится, как шампанское, и утоляет жажду, как горный ручей, у него вкрадчивые бархатные интонации конференсье, переходящие в шкиперский хрип, он рождён создавать проекты, увлекать и зажигать. «На это пойдут!» – твёрдо заявляет Француз, и в Москве закупают «Нотр Дам» вместе с декорациями. Барды, эти носители народных чаяний, выпекают диск «Смех сквозь струны». Правда, без Гриши, но идея – его. Гришины идеи носятся по земному шару, пытаюсь догнать своего автора.

А не так давно, гуляя по миру, Француз нашёл в Мелитополе туристскую фирму с ударным названием «Сбыча мечт!». Город Мелитополь выходил на международную арену: продавал билеты на Сейшелы, Мальдивы и Чангу.

Под плакатом, изображающим Чангу, было написано крупными буквами слово «эсклюзив», а рядом нарисован доллар. Вернувшись в Иерусалим, наш неожиданный друг организовал круиз на Чангу в сопровождении жонглёров, композитора Шаинского и международной группы массовиков-затейников. Рекламу крутили по всем каналам. После заголовка «Сбыча мечт!» под неповторимую музыку «Маккарены» пальмы распускаются на шершавом асфальте и начинают пахнуть удивительным ароматом чая ибискуса...

Теперь Француз собирался превратить меня во что-нибудь практичное, почти в демисезонное пальто. Вы понимаете, как мне повезло?

– Пора, – сказал он своим неповторимым голосом, и я услышала, как бьют склянки на корабле, – пора, чтобы все узнали, какая ты царевна!

Очень лягушка должна была этому способствовать... Первые несколько вариантов сценария мы выкинули, я не хочу о них вспоминать. Правда, там был счастливый финал... Сколько было написано счастливых финалов, все пришлось выкинуть в корзину.

– Нет, – сказал Француз, – это никого не интересует. Ты будешь петь, потом кукла, потом текст, потом снова песня, кукла, текст... Это должно быть шоу. Тогда его купят, а ты разбогатеешь.

Я осознала и впряглась. Даже стала приплясывать в нужных местах. Скаковая лягушка...

Итак, дамы и господа, «Шоу в сопровождении лягушки»! Давным-давно, или совсем недавно жила-была на свете лягушка. Рослой умывалась, в пруду купалась, хорошая, интеллигентная лягушка.

У каждого из нас есть своё созвездие, мои дорогие Скорпионы, Львы, орлы, куропатки, рогатые олени...

Но все мы, сами того не замечая, живём под созвездием Лягушки. Вы скажете – нет такого созвездия, и будете абсолютно правы! Но такое созвездие есть.

Картина вторая. Концепция прыжка

Режиссёр Лёша Ленский, похожий на небольшого рыжего Бармалея, двигался быстро, а говорил ещё быстрее. Когда-то он поступал в Щукинское пять лет подряд – и поступил! – сразу же уехал в Израиль. Тут он успел поставить «Здравствуйте, Доктор!» с Французом, «Обыкновенный диагноз» без Француза и собрался покорять Москву.

– Мой путь во тьму, – мрачно говорил он и трагически закуривал. – Из темноты – во тьму.

– Нам не по пути, – отвечала я, – у меня рельсы кончились. И вообще, я люблю Иерусалим.

– Люби на здоровье, – соглашался он, – целуй свои мезузы... Везде одно и то же болото. Все наши прыжки – до соседней кочки. Прыгать с места на место, – это мы неплохо умеем...

Лёша Ленский, кстати, успел пожить в Америке ещё до нашей встречи с «Лягушкой». Продержался год, но ранчо так и не приобрёл. Вернувшись в Израиль, он придумал радиопередачу «В тихом омуте», разыгрывал почтеннейшую публику с пяти до шести пополудни.

Звонит герпетологу, к примеру, и требует приехать в редакцию, чтобы перевести, чего хочется очковой змее. А то она шипит как-то странно... Герпетолог готов, записывает адрес студии. Тогда Лёша увлеченно шипит в микрофон «Ш-ш-ш-шумел камыш-ш-ш-ш-ш», потом чистосердечно признаётся в розыгрыше и отпускает герпетолога домой кормить ужей. Затем новая идея: позвонить известной портнихе и предложить ей выкроить костюмы ансамблю «Березки» из Кременчуга для поездки в Израиль. Потому что старые таможня сюда не пропускает, какой-то металл звякает...

И позвонит, и она, безусловно, согласится! Такова сила искусства. В конце он, конечно, признается в розыгрыше. Хотя мог бы и не признаваться, сколько бы людей сутками ходило вокруг телестудии и било чечётку...

Каждому из нас хоть раз в жизни хочется прыгнуть выше собственной головы, этим мы здорово отличаемся от лягушек. Потому что лягушка не пытается, а прыгает.

Считается, что лягушки живут на болоте, занимаются гимнастикой, ведут здоровый образ жизни. Царевны – наоборот... А как поют лягушки! Откровенно говоря, царевны так вообще петь не умеют...

Кстати, бывают такие царевны, которые сами постепенно превращаются в жабу. Но мы не об этом... Каждая лягушка хочет... Кстати, хороший вопрос – чего хочет лягушка? Как вы думаете?.. Каждая лягушка хочет быть счастливой. Ква?

Принц в сказке тоже есть. То есть, был. Правда, не у Лягушки, у Автора. Так уж сложилось, с первого взгляда, хотя и одно-стороннего. Мы тогда шлялись с друзьями пешком по ночному городу и чокались шампанским, кажется, именно это называется молодость...

Теперь мой Принц разъезжает на «Фиате» в далекой стране Америке и конечно, любит – жену, детей, страну... Возможно, даже меня, в глубине души, иначе – зачем все?

Может быть, поставить спектакль о том, как Принц уже плохо помнит свою Лягушку, а на безрыбье полным-полно тритонов, и никто царевне-лягушке не нужен по-прежнему, кроме него.

Тут обязательно танец с тритонами, чечетку. Иначе кто мы – без чечетки?.. Кстати, у меня есть куклы, большие, профессиональные, мы с ними танцуем на улице, развлекая детей и взрослых. Караулит наши уличные танцы собака Шельма, молчаливая, рыжая и раскудрявая. Единственный практичный человек в моей семье.

Говорят, в подводном мире живут маленькие существа, похожие на кленовые листья, – «морские листики». Через пять минут после рождения они находят себе пару и больше никогда не расстаются...

Картина третья. Из жизни земноводных

Однажды, Лягушка так высоко прыгнула, что взлетела в открытый космос. Там, между Орионом и созвездием Гончих Псов, она наткнулась на змею. То есть на Змееносца. Это созвездие, которое носитя со змеей.

Может быть, оттого, что с ней носитя целое созвездие, змея становится добрее и лучше? Каждой змее тоже хочется счастья, простого человеческого счастья.

Режиссер Лёша Ленский снова разводился. Репетиции мы стали посвящать разбору подлой змеиной женской сущности, правда, своих жён он бросал сам, но это не имело значения.

Он уходил от одной жены, страдая от непонимания, переселялся к следующей, снова начинал страдать от непонимания, возвращался к предыдущей, чтобы окончательно уйти навсегда, продолжая страдать от непонимания...

Уходя, он забирал с собой магнитофон и первые сутки обычно слушал в одиночестве Малера. Закуривал. Туман вился кольцами и оставался висеть над всклокоченной Лёшиной головой, никакой сквозняк не мог его унести.

Это был Лёшин собственный чад, горечь и дым трёх отечеств. Хотя нет. Это тянули гарью сожжённые мосты. Я задыхалась и отказывалась репетировать...

Кстати, на хлеб насущный я зарабатываю совсем другим способом, – перевожу с иврита на русский брошюры о сионистском воспитании для детей, проживающих за пределами Израиля. Пишутся эти материалы без учёта национальных особенностей бабушек и воспитательниц детских садиков, приходится подыскивать слова, незнакомые сионистским романтикам.

Иногда я улетала в Новосибирск – ненадолго, учить тамошних людей рассказывать детям про еврейские религиозные мистерии, которые мы празднуем из года в год, из жизни в жизнь. Играть в переход пустыни.

Рассыпать песок, идти след в след к свободе, не жалея о том, что брошено и метелью запылено...

Боже мой, как же там было холодно, а я так и не обзавелась демисезонным пальто. Правда, когда летели обратно, оказалось, что в Москве ещё холоднее.

Потом я возвращалась, и мы снова репетировали нескончаемый спектакль про болото. Но вот Гриша уехал выходить из Египта куда-то в Португалию с группой пенсионеров, и мы с Лёшей, безнадзорные и увлечённые полётом в никуда, стали писать новый сценарий. Там тоже не было счастливого финала, но зато появился уклон в «Чайку». Понимаете? Лягушка с уклоном в чайку.

...Там – река. За рекой – болото, на болоте – я. Я – Заречная. Я – чайка!..

Как там у Антон Палыча... Жабы, львы, орлы и куропатки! Рогатые олени... земноводные, хордовые... все! Все похожи на чайку, когда она летит!..

А ко мне недавно приезжал ква... квавалер.

Он сказал: с такой внешностью, с таким голосом грешно сидеть в болоте, у вас талант, вы так похожи на чайку! (поёт)

Он говорил мне: будь ты моею, и стану жить я, страстью сгорая...

А? Конечно, талант! Но не любил он, нет, не любил он...

Нет, может, и любил... в конце концов, и кальмары кого-то любят, и блохи, и комары...

Наступила ночь, и только созвездие Змееносца освещало путь.

Картина четвёртая. Счастье вдруг, в тишине...

Всю жизнь Гриша Француз пробуждает в окружающих творческие порывы. И похож на Моисея, как мы себе это представляем: борода, горящий взор, словом – харизма. Только говорит Француз получше – Моисей, по легенде, был косноязычен, а Гриша – наоборот. Моисею бы такие способности – увёл бы за собой весь Египет и Сирию в придачу, и фараон бежал бы впереди, сверкая пятками...

Не так давно Француз стал вести телепередачу на одном из каналов израильского телевидения. Лёшу взяли туда режиссёром программы, и название придумали близкое: «С кочки на кочку».

Теперь они вдвоем объезжают просторы нашей небольшой родины, маячат на природе перед видеокамерой. Их красные рубахи трепещут на ветру, они уверенно улыбаются друг другу, повторяя только что придуманный текст. Подтекста в этих улыбках тоже хватает.

– Дорогие телезрители, вы непременно должны здесь побывать – во-первых, это красиво! Место выбрано со вкусом, полагаю, царь Давид был хорошим царём, хотя его современники могли бы со мной поспорить...

При этом Гриша поет в самых неожиданных для гитары местах. Однажды спел в клетке с попугаями. Снимали прямо внутри. Ара вспорхнул прямо на гитарный гриф и повернулся в профиль к оператору.

В другой раз Гриша сидел на страусе, лихо удерживая гитару, и пел про то, что «летят перелётные птицы».

Страус не выдержал и побежал, а Гриша очень удачно свалился мимо кирпичной стены прямо в песок и ничего не сломал, даже гитару.

Нас с Лягушкой он не забывал, давал ценные указания: брать уроки чечётки, слушаться режиссера, внутреннего голоса и репетировать.

Тем более что пальмы нам уже построили из устрашающих резиновых труб. У нашего оформителя Сени прорезалась концепция: болото из сантехники и домашней утвари, тропической расцветки.

Сеня, молчаливый некурящий художник, похожий на ремесленника времен раннего средневековья, единственный сочувствовал нам с Лягушкой и иногда подкармливал пельменями. Но концепция казалась сильнее нас обоих.

Потому что идея должна была дойти до полного абсурда, иначе зачем вообще все? Так что Леша продолжал настаивать на болоте, а я уходила в полет вплоть до написания стихов.

Штраус, «Сказки Венского леса», вальс – лёгкий, воздушный, нескончаемый...

– Вообще-то на болоте удивительно красиво, – вздыхает Лягушка. – Качаются кувшинки и лилии, пролетают бабочки и стрекозы...

(Можно погрузиться в необычайную трясиину... – увлеченно подсказывает Леша.)

Однажды к лягушке прилетела стрела. Вы только представьте – в ваше родное болото шлёпается не боинг, не крылатая ракета, а стрела. И теперь лягушка не может расстаться со своей стрелой. Она потеряла аппетит, похудела, пишет стихи и поёт Бог знает о чём.

Когда у вас вырастают крылья прямо из души, вы замечаете, что вокруг – не болото, а земля. И даже – земля обетованная.

Кстати, вы слышали?

В Иерусалиме строят трамвай. Улицы встают дыбом. Из глубины проступают жилы вечного города, словно ему делают операцию на брюшной полости. Везде висят объявления «Спасибо за терпение!», трубы, горы щебня, святая земля летает в воздухе.

Это нам – спасибо, это мы терпим. Да пожалуйста...

А на днях у поэта N, живущего на соседней улице, взорвали автомобиль. Рядом с домом, в тишайшем районе Иерусалима. Тихая улочка, машины стоят рядком, в затылок.

Почему не взорвалась вся улица, никому не известно. Тем более, что воды не было, – уличный кран кто-то повредил, готовя событие тщательно и вдумчиво – видели там двух арабов незадолго до взрыва.

В машине сгорели книги. Много книг. Но кое-что уцелело непостижимым образом: остался сгоревший остов, чёрный, неузнаваемый, на тихой улочке долго пахло гарью.

И посреди чёрного пятна лежал почти неповреждённый лист. На листе были стихи. Точнее, одно стихотворение, названное как молитва – «Шма Исраэль».

Картина пятая. В тихом омуте....

Тут должен быть кусочек обычной жизни – с походом в магазин, покупкой цветной капусты, картошки и баклажанов – что-то в таком духе...

Мою собаку любят в ближайшей бакалее, позволяют зайти, обнюхать хозяйские ноги и съедобные полки.

Обычно собак в магазины не пускают, но для нас делают исключение. Я тут ни при чём, Шельма обаятельная, позволяет почесать себя за ушком, пока я очередной раз отказываюсь съездить с хозяином магазинчика к Мёртвому морю.

Но Шимон, молодой красавец, смахивающий на Алена Делона, надежды не теряет. Поехали, у меня плавки от Гаучо, гордо говорит он на прощание, ты не пожалеешь...

Возвращаемся, включаем вентилятор, Шельма принимается облаивать входную дверь – так, на всякий случай, там нет никого. Разве я кого-то жду?

Романы приходят и уходят, а ты остаешься – голос в телефонной трубке. Ты уверяешь, что там, в Америке, у всех другое чувство юмора. Другие расстояния между домами и между людьми. Мне кажется, тебе там не хватает меня. Мало ли что мне кажется...

Утешала меня Лаура, хорошее имя для девочки из Бельц. Похожая на меня, как кошка, которая молча смотрит с забора на другую такую же молчащую кошку, которая смотрит на неё с ближайшего дерева.

С ней мы угощались легким вином и бесконечным трёпом, хотя у неё совсем другая судьба, – семейная горная речка со своими камушками и бурными водопадами. Кстати, муж Лауры открыл школу каскадёров. Вот он – прыгал...

– Бедному сердцу так говорил он...– напевает царица. – Но не любил он, нет, не любил он...

– Квас не любил? – удивляется лягушка. – Он?

– Нет, не любил меня...

– А, ну, если тебя – это совсем другое дело.

Откуда на мою голову взялся режиссер, он достоин лучшего, драмы эпоса, трагедии... Прошлой весной Леша стал отвечать за городские праздники в мэрии Иерусалима, и в святом городе сразу начались фестивали, карнавалы и шествия.

Тогда актёрам, музыкантам, фокусникам и другим оформителям нашей жизни нашлась, наконец, работа. Счастье, бесплатные булочки на чистом сливочном масле... Но Лёша не сработался с советником по культуре. Тот хотел давать руководящие указания, а Леша не переносит, когда ему указывают.

Советник по культуре честно предупредил, что этот недоделок (то есть Лёша) никому тут не нужен, а остальные слова гадкого содержания я даже повторять отказываюсь.

Советник по культуре – большой, высокий, вальяжный красавец, организованный, уверенный в себе, непьющий, некурящий, единожды женатый. Чёрные блестящие волосы, немигающий победоносный взгляд – море должно расступиться. Просто обязано. Не нужно было стоять на пути, когда такой человек захотел пройти по коридору власти. И Лёша остался без места. Хорошо, что он умел немножко шить, то есть режиссировать и выступать на радио.

Однажды Лягушка встретила со Змеей. Это была кобра обыкновенная, питается, кстати, лягушками... в полёте подсекает, одним плевком... только вот на людей жаловалась.

Моя Лягушка обаятельна, как артист Лев Дуров, она моментально поздоровалась и сочувственно поинтересовалась:

– Скажите, а вы кусать не пробовали?

– Один раз, – Змея светски обмахнулась хвостом. – И отравилась, боже мой, как я отравилась!.. – Её хвост мелко задрожал. – Ах, милочка, люди ядовиты. Остерегайтесь-с-с-с-с. Отравление людьми не леч-ч-ч-читс-с-с-ся.

– Как же вы спаслись?

– Ну, дорогая, я же заколдованная. То есть – ц-ц-царевна. А вы – нет?

Картина шестая. Немного о любви

Приезжала Лаура из Тель-Авива, а на самом деле из Бельц (по-молдавски – болото), она специалистка по фен-шуй, рассчитывает людям жизненное пространство, чтобы квартира расширялась как бы сама собой, и космическая гармония легко проникала в кухню и спальню, включая туалет.

Эту благодать Лаура изводила литрами на непутёвую меня.

– В твоём случае, – задумчиво решала она, – необходимо иногда пожить на крыше, вдали от цивилизации.

Идея мне нравилась, но пока не находилась подходящая крыша. Лаура заявила, что дорога к Храму начинается с исцеления собственной неврастении. Что надо убрать в доме и переставить мебель. Оказывается, я не туда наливаю воду.

– В этот угол – цветы, сюда – статуэтку, лучше – две, это приведёт хорошего ква-валера в дом. А здесь необходима чистая вода, налей во что хочешь, пускай стоит и притягивает деньги. Посуда желательно хрустальная, тогда вода останется прозрачной надолго, а деньги в доме осядут сами.

Проза

– Откуда у меня хрусталь, – вяло отпихиваюсь я, – наливаю в пластиковую бутылку.

– В пластик, – ужасается она, – потому и живёшь неправильно, и работа нужная не притягивается.

– Почему не притягивается, вот мы с Лягушкой уже почти... скоро премьеры...

– Ну ладно, – недоверчиво отзывается она, – желаю удачи. Но пластик – замени! Убью!

Пришлось искать хрустальную вазочку.

И вдруг ты приехал – мой Принц, живущий в Америке. Когда никто и ожидать не собирался. Когда на часах было двенадцать без пяти...

Пока ты добирался из аэропорта, я успела сделать генеральную уборку и приготовить обед. Можем ведь, когда захотим, биточки с рисом – пожалуйста, борщ натуральный, запеканку...

Звонок в дверь. Дверь пришлось открыть самостоятельно, но ничего, я справилась. В дверном проёме стоял ты и порывался обнять. Объятыя – это было чересчур, мой организм и так был на грани обморока. Когда кружится голова, самое важное – удержать центр тяжести. Я отстранилась и уступила дорогу. Ты поставил сумку и внимательно улыбнулся. Затем легко обнял и поцеловал, налаживая первый контакт.

Такой деловой правильный поцелуй, и вовремя. Чтобы я стала ручная и послушная. Недаром ты директор фирмы, профессионал должен уметь владеть собой, он себе ещё пригодится. Думаете, у меня мания?

Ничего подобного, просто повышенная чувствительность. Ты собирался жить у меня три дня и должен был быть уверен, что с тобой все будет в порядке, без неожиданностей.

Мы слышим подтекст, это у актёров профессиональное. Чтобы сочинить иллюзию, ты обязан знать правду. И три дня я была счастлива, хотя знала правду.

Ночевали мы в разных комнатах, хотя спать я не могла, а судя по отсутствию обещанного храпа, ты тоже. У меня тонкие стенки и маленькая территория...

Ты боялся и ждал, что я найду и потеряю голову, но голова, знаете ли – очень ценный предмет, его нельзя терять. Ты же не знал, что на самом деле я – принцесса, которая никогда не приходит сама. Должно быть, ты вообще не догадался, что я – принцесса.

Через три дня Принц уехал, наладив свои рабочие дела, я отключила телефон и на пару недель перестала разговаривать с окружающими. Центр тяжести скоро вернулся, и всё покатило дальше, дальше...

Однажды лягушка увидела страшный сон: то ли рак, то ли змей морской нежно шептал ей: «Лапка... шейка... гузка... крылышко». Звал в Париж, пообедать в Париже – и умереть...

Говорил, на Елисейских полях все лягушки хороши, вопрос, под каким они соусом? Потом жаловался на потерю аппетита, на несварение желудка...

И они расстались навсегда.

Да! На прощанье подарил белую розу, эмблему печали, и меню из французского ресторана.

Картина седьмая. Трансформация как форма жизни

«Лягушка» продолжалось, выросла, готовилась к трансформации. Назревал бунт. В Лягушке пробуждалась Принцесса и собиралась разрушить все это болото вдребезги пополам. Уж если строить – или дворец, или хотя бы воздушный замок...

Воздушные замки – это наше все. Хотя, если уже строить, то храм, причем из собственной жизни. Самый правильный материал, для того мы и рождаемся, проблема в том, что когда переходишь пустыню по направлению к морю, рискуешь построить замок из песка.

Так что, ни в качестве концепции, ни в качестве ландшафта болото нас больше не устраивало. Очень много грязи на квадратный метр. И будем мы с лягушкой прыгать-взлетать с кувшинки на кувшинку, в поисках прозрачного озера в прекрасном лесу. Мы с ней оказались очень старомодны.

И тут, очень вовремя, от нас с лягушкой ушел режиссер.

– Ты меня не вдохновляешь, – сказал Леша. – Как актриса. Я должен ставить «Ольгу Сергеевну». Будешь играть Ольгу Сергеевну? Нет? Тогда извини, но у меня больше нет времени на твой спектакль.

Я вздохнула с облегчением. Вы не помните «Ольгу Сергеевну»? Там подростки ради аттестата доводят учительницу чуть ли не до самоубийства. Играют драматические актёры подробно, входят в образ... Как они только выживают после таких ролей? И с болотом там всё в порядке – практически, натуральное...

Хорошо бы построить дом или хотя бы посадить дерево, да всё некогда, разве что сайт в интернете с таким уютным названием: «Домашняя страница». А дерево я там сама нарисую.

Покрываясь льдом, мы становится гладкими и блестящими, как статуэтки. Мы выглядим достойно и уверенно, мы такие лёгкие и, кажется, прозрачные.

Проза

Знаете, как выглядят глубоководные на дне океана? Различить их почти невозможно в темноте, и каждый сам себе освещает путь маленьким фонариком...

Заодно и мой платонический роман с односторонним движением закончился, наконец, и стал сказкой – неплохой финал для этой истории. Они и нужны исключительно для литературы.

Для жизни нужно совсем другое. Хотя и для сказки, наверное, тоже...

Через полтора месяца стала наступать весна. Вдруг в подъезд забежал гигантский дикобраз, похожий на бегущую сосну.

На улице Наоми, с красной головой, в чёрном фраке – дятлы! Стучат. Удоды, колибри цвета туркис...

И всю весну над Иерусалимом летали орлы.

Они парили в воздушных потоках, скользили по воздуху, как планеры.

Может, у нас экология возрождается? И синий вол, исполненный очей? С ними золотой орёл небесный...

Француз вернулся из Америки, организовал рок-фестиваль в монастыре молчальников и вспомнил о «Лягушке». Мы своих не бросаем, даже когда дорога такая длинная, а ночь такая лунная...

– Ну и прекрасно, – сказал он неунывающе, появившись ненадолго в пределах видимости. – У тебя все получится и без режиссера. А давай прыгать вприсядку, – предложил он увлечённо. – Или поголодай, на пятый день, говорят, происходит просветление...

Сказочная традиция гласит, что лягушка сбрасывает кожу и теряет её навсегда. И у меня послушно началась аллергия на всё, кроме воды и лимонов. Я стала непрерывно чихать, почёсываться и худеть. От одного вида еды меня тошнило. Вот она, трансформация, сказала я себе обречённо, что ли имя поменять?..

Должно же у Принцессы появиться имя! Рахель, например. Тогда мой характер станет нежным, а жизнь – страдальческой, всё во имя мужа и Всевышнего. И я заявила всем, что отныне я Рахель.

Неделю жизни в качестве Рахели я была ангелом, доброй, отзывчивой, со всеми и во всём согласной. Агрессия, она же темперамент, растворилась как не была, в стремлении всем помочь и всех любить. Правда, всё стало казаться странным, колеблющимся, как при высокой температуре, – двери, фонари, люди...

– Все Рахели психически больны, – заявила Лаура. – Даже если не сумасшедшие, то всё равно у них серьёзные проблемы. Я ещё ни одной нормальной не встречала...

Так что, Рахель не подошла, стали придумывать новое имя, в еврейской энциклопедии имена гнездились на последних страницах и были прекрасны, благоуханны, изысканны... Элиноор, Даниэла, Рут, Ципора, Кармен (?!)... А как мои друзья хотели, чтобы я стала Рухамой! Положительной, спокойной... Конечно, чем я не Рухама? Рухама и есть. Особенно в профиль.

Были когда-то и мы динозаврами! Были и мы птицей археоптерикс! Когда деревья были большие, деревьями были тоже мы!

А теперь я – чайка. Чудеса партеногенеза...

Картина восьмая. Четвёртый сон Иды Марковны.

Стрекоза танцует, скользит по поверхности, потом застыивает над прозрачной водой.

Но зимой муравей отправляет её на принудительные работы, иначе потом не впустит погреться.

Мне часто снится один и тот же сон – учебное заведение, то ли школа, то ли университет. Все учатся, а я – бездельничая, стою в коридоре. Скоро должны начаться экзамены, и точно знаю, – там, во сне, – что на историю и английский не ходила ни разу.

Хотя наяву я как раз неплохо училась – но подсознание во сне, видимо, высказывает всё, что оно о тебе думает. Это они, чувство вины и голос совести...

Потому что всё человечество ходит по утрам на работу, рожает детей, кормит мужей, убирает-стирает-готовит и смотрит на меня укоризненно, а я, потупясь, ковыряю пуговицу, краснею, но всё равно не могу иначе, хотя, надо бы, наверное.

Сегодня мой повторяющийся сон наконец сдвинулся с мёртвой точки, и сюжет стал развиваться. То же здание школы... Все учатся, я в коридоре...

Вдруг подхожу к учительнице истории, той самой истории, которую в этих снах я и не думала посещать. Учительница оказывается молодой, уверенной в себе дамой, такой в других снах выглядит «распорядительница судьбы», дежурная пионервожатая, короче говоря, ответственная по мне.

Подхожу и говорю, потупясь, как двоечница перед директором школы:

– Простите, что не ходила на уроки, живу одна, вечерами работаю...

Она смотрит на меня с выражением: «Ну что ты несёшь?!», и легко отзывается:

Проза

– Да-да, я помню, тебя не было ни на одной из лекций, как забудешь... Не бери в голову, идём, покажу аудиторию. Может, сыграешь у нас «Под созвездием лягушки»?

Лаура сказала, что сон хороший, в руку, в правую. Что мне позволено играть в куклы, пока другие мучаются семейной жизнью (она имела в виду себя). Потому что так уж сложилось, профессия – клоун, возможно – судьба.

– А может, твой Храм – это избавление от комплекса жертвы, то есть превращение из Лягушки в Царевну? – сказала Лаура и уехала растить ребенка, мириться с мужем, а я осталась продолжать репетировать.

Гостья нашей передачи – бабочка-махаон, совсем недавно она была гусеницей, ползала по небольшим растениям, грызла зелёные кусты...

В этом у неё большой опыт, и мы надеялись, что она поделится этим опытом с публикой... Но сейчас она пьёт нектар, то есть пыльцу. Ест. И у неё амнезия. Должна ли помнить бабочка своё гусеничное детство? Ведь она же теперь – летает.

Забыла рассказать, при чём тут Ида Марковна. Да так... ни при чём оказалась. Простите...

Картина девятая. Летят перелётные птицы

Кстати, о полёте – помните, у лягушки была стрела? Волшебная стрела, но, возможно, и не волшебная, и не стрела, а просто гигантская игла с надписью «Индпошив. Мужская и женская одежда от Яши». Яша – портной, далёкий от сказок, но шьёт превосходно. Должен же быть в сказке положительный герой... Работает с утра до ночи, не поднимая головы к небу. У него просто нет на это времени.

А лягушка летит себе со своей стрелой индпошива, конца-краю не видно этому полёту. Что же поделать, если Яша не может поднять голову к небу...

– Премьеру будешь играть в Ури Цви Гринберг, – сказал Француз, – там собирается вся элита. Не едят, не шуршат бумажками... то есть едят, конечно, и шуршат, но в соседней комнате. Там мы, наконец, выпьем за всё хорошее, а закуска найдётся. Я привез из Египта солёные орешки.

И был вечер, день пятый, четверг, и премьера состоялась в назначенное время, с опозданием на полгода. Время пришло.

После премьеры хорошие люди говорили мне добрые слова. Образ Лягушки вам удался. Змея неплоха, но, может, стоило кого-нибудь укусить? Для наглядности... Хотя лучше было бы без кукол, зачем тебе вообще куклы?

За премьеру! За удачный дебют!

Лягушка плавно опустилась на мостовую. Был вечер. Горели огни. Люди возвращались с работы.

На перекрёстке улицы Яффо и Кинг Джордж стоял портной Яша и от усталости постепенно превращался в серую ящерицу. У него потухли глаза, опустились руки, и машина не заводилась.

Яша увидел лягушку и тут же перестал превращаться. Потому что он увидел не лягушку, а царевну!

От его взгляда лягушачья кожа улетела куда-то вверх и исчезла! Потому, что он – не портной Яша, а царевич. Это в сказке он обыкновенный портной, а на самом деле – царевич. И вот стоит царевич со своей царевной и от счастья не находит слов.

А в это время летит лягушка по синему небу, уже и сказка кончилась, а она всё летит...

На следующий день, на очередных съёмках, Гриша Француз прыгнул в море с Башни Мира. С утра мне было не по себе, и вдруг дом качнуло из стороны в сторону, как люльку, мягко и успокаивающе. Собака продолжала мирно спать.

«Просто у меня температура, – подумала я, – голова кружится.

Через пару часов передали в новостях: в Израиле было землетрясение, всё в порядке, обошлось без жертв и разрушений. В то же самое время Гриша прыгнул с «Мигдаль а-Шалом»...

Весь день мы звонили и спрашивали, а в больнице отвечали «проверяем, ждите», и мы звонили друг другу, сходя с ума от беспокойства. Слава Богу, жив. Даже не сломал ничего.

Господи, береги его, пожалуйста... пускай он будет всегда, и мама, и ребята, и Лёша, и ненормальный народ мой, и все-все-все, и защити Иерусалим, очень Тебя прошу...

Картина десятая. В полете

Прошло два месяца.

И вот, наш оформитель и декоратор, художник и электрик в одном лице, незаменимый Сеня, тот самый, который создал все эти пальмы из вешалок для шляп, чочки из диванных подушек и дивную ширму под цвет дерева...

Проза

Тот, которому я постоянно высказывала все, что думаю по разнообразным поводам, включая Француза, исключая Принца...

Тот, о ком я никогда не говорю ни с кем и не пишу. Зачем писать, когда можно просто жить, пожимать руки на прощанье, встречаться глазами, улыбаться и понимать друг друга с полуслова.

Идти, поддерживая друг друга. Однажды Сеня обнял меня на прощанье, и мы больше не смогли расстаться.

Иногда не сразу это понимаешь – что тебя уже двое, бежишь, скачешь, танцуешь, некогда посмотреть по сторонам.

Вдруг оказывается, что ты летишь не один, и небо стало шире.

...Мы с Сеней идём по волшебному городу, стреляют конфетти, повсюду продаются леденцы на палочке. Улыбки, кафе, негромкая музыка, ранний вечер. На бывшей железнодорожной станции Иерусалима открыли карусель и дивный деревянный городок под американские пятидесятые, деревянная мостовая и рельсы остались на память. Праздник, сладкая вата и леденцы на палочке.

Гриша Француз усадил своё семейство кататься на колесо обозрения, а сам с Лёшей уселся на двугорбого верблюда на карусели. Размахивая руками, они выкрикивают что-то замечательное: то ли «Мы идём на последнем крыле», то ли «Ты лети с дороги, птица», отчего карусель постепенно начинает вращаться...

Море синее за бульваром, как и положено морю, а по бульвару степенно прогуливаются два поэта, беседуя о своей новой пьесе в стихах – нужна ли там любовная история, должна ли быть драма и кому она вообще нужна? Если театр – это столкновение стихий...

А главное, должен ли строитель Храма для начала уйти в пустыню и провести там целую жизнь, для того, чтобы можно было наконец построить Храм?

2002 – 2018
Иерусалим – Маале Адумим

ДЯДЯ ВЛАДЯ СЕЛЮТИН

Дядя Владя Селютин не любил Израиль всеми фибрами души. Не евреев – против них он ничего в принципе не имел, а именно Израиль. Ему не нравилось здесь абсолютно всё. Язык, в котором он не понимал ни слова, за исключением, конечно, ругательств, почти полностью заимствованных из великого и могучего. Аборигены, с которыми у него, помимо языковой, была полная психологическая несовместимость. Магазины, раздражающие своим навязчивым изобилием и отсутствием понятным любому русскому человеку этикеток на товарах на родном языке. Погода... А уж о местном климате в присутствии дяди Влады вообще заикаться было крайне неосмотрительно.

Он и не поехал бы сюда ни за какие коврижки, а доживал бы свой век в живописном Подмоскovie, если бы не жена – тётя Света, которая вслед за своими братьями и сёстрами потащила в Израиль своё семейство во главе с русским мужем. Когда решение об отъезде созрело, дядя Владя промучился несколько дней в раздумьях, а потом махнул рукой, мол, была не была. Ему, отставному подполковнику бывшей Советской Армии, к трудностям не привыкать. Лётчики – люди решительные и закалённые, они и не то выдерживают. Переезд на чужбину как-нибудь вытерпим, не оставаться же одному, когда вся семья канет в какую-то заграничную неизвестность, а он останется куковать в пустой квартире один-одинёшенек. Этот аргумент оказался решающим, поэтому он согласился на переезд без лишних уговоров.

Однако жить одними лишь печальными воспоминаниями о прежнем сытом офицерском существовании и резким неприятием новой среды обитания дядя Владя, естественно, не мог и не хотел. Не без сопротивления привыкая к новым условиям жизни, он всё же соглашался, что существовать здесь можно. Неважно, что здешняя сметана не в пол-литровых банках, а в пластиковых стаканчиках, тем не менее, она вполне съедобна, и не нужно вставать спозаранку, чтобы успеть купить её в магазине. Да и исследовать её на предмет разбавления молоком проходимцами-продавцами тоже не нужно, здесь такие номера не проходят.

Однако авиация – то, в чём он считал себя непререкаемым авторитетом, – показалась ему здесь какой-то легкомысленной и несерьёзной. То ли дело там...

– Дисциплина здесь хромает на все четыре ноги, – злорадно общал он знакомым. – А форма – ну, просто поглядеть не на что! То ли дело у нас было – кожаная куртка, галифе – пальчики порежешь, сапоги хромовые, голубые околышки... А уважение какое к авиации было! А тут? Какие люди расхлябанные – такая и авиация. Да и всё остальное...

Однако со временем мнение своё он изменил, потому что пристально следил за всем, что передают по телевизору про лётчиков, порой даже не понимая комментариев на иврите, но доходя до сути своим разумом. Специалистом он был всё-таки неплохим, потому и разбирался в тонкостях, на которые кто-то другой просто внимания не обратил бы.

– Молодцы местные летуны, – соглашался он с ивритским диктором, – дело своё знают. У нас, авиаторов, один лишь показатель качества – выполнение боевой задачи. А они её выполняют на пять с плюсом.

Как великий секрет, сообщил он коллегам-пенсионерам, что знаком с израильской авиацией не только по картинкам и телерепортажам. В начале семидесятых, когда он был совсем ещё зелёным лейтенантом и летал на самых лучших по тем временам советских истребителях, ему доводилось исполнять интернациональный долг и обучать лётному мастерству сирийских лётчиков. Он даже совершил несколько боевых вылетов на самолётах с сирийскими опознавательными знаками. Нет никаких сомнений, что израильские «фантомы» и в подмётки не годились советским ястребкам. А то, что сбить ни один «фантом» ему не удалось, можно полностью отнести на счёт мастерства пилотов-израильтян, но уж никак не на счёт их небесных машин. Человеческий фактор в авиации многое значит!

– Ври да не завирайся, – посмеивались недоверчивые коллеги-пенсионеры, – если ты воевал против Израиля, то как тебя сюда пустили? Тебя бы Моссад в два счёта раскусил!

– А вот не раскусил, – запальчиво отвечал дядя Владя, – да и надо ему это?! Я ведь ничего ни от кого не скрывал, спросили бы – ответил бы. Разведчики, они не дураки, понимают, что в армии приказы не обсуждают. Сказали лететь, я полетел, а стрелял, потому что в меня тоже стреляли.

– Стрелял... по нашим?! – замирали пенсионеры от ужаса. – Как ты мог?!

– Мог, – спокойно отвечал дядя Владя. – Я же тогда был коммунистом. И никакой другой идеологии не знал, а в Израиль ехать даже в мыслях не держал. Всех, кто уезжал в то время, считал чуть ли не своими персональными врагами.

– И ты об этом можешь говорить сейчас спокойно?! – охали пенсионеры и даже плевали в его сторону.

Дядя Владя хихикал, как нашаливший первоклассник, но ни перед кем не оправдывался. Для кого-то эта страница его жизни, может, и казалась позорной, только не для него. Да и что он мог поделывать, будучи всего лишь маленьким винтиком в огромной и, наверное, самой сильной по тем временам армии? Отказался бы выполнять задание, вылетел бы с треском со службы и сгинул бы в северных лагерях или спился бы под забором. Разве посмотрела бы на него тогда красавица Света, дочь преуспевающего московского хирурга?

То, что она оказалась еврейкой, ровным счётом ничего не значило, ведь и её отец был правоверным коммунистом и заученно бубнил в общем хоре проклятья «ставленникам американского империализма израильским агрессорам». И слёзы жалости по поводу угнетаемых арабских детей лил вполне искренне. Конечно, пятую графу в паспорте не скроешь, как ни старайся, но кому в голову придёт поставить знак равенства между вальняжным московским врачом и «агентами мирового сионизма» с глуповатыми кукрыниксовскими карикатур. Дядя Владя, как и его покойный ныне тесть, не был человеком двуличным. Если во что-то верил, то верил безоговорочно. Держать камень за пазухой – это не для него...

С тех пор прошла целая эпоха. Дядя Владя дослужился до подполковника, вышел в отставку и о своих неудавшихся боевых подвигах вспоминал всё реже, потому что с годами ситуация изменилась: сирийцы, как, впрочем, и остальные азиаты показали всем, кто помогал, что не такие уж они им и братья, а резко отрицательное отношение к израильтянам в стране постепенно становилось всё более нейтральным, а со временем и вовсе переросло в какой-то жгучий и болезненный интерес к крохотной средиземноморской стране, в одиночку противостоящей громадному арабскому миру.

А тут ещё дочь выскочила замуж за еврея, и оба они тотчас собирались на землю обетованную. Следом за ней мама Светы – куда после этого, скажите, деваться дяде Владе?

Ничего страшного, без куска хлеба не останусь, рассуждал он, силёнок у меня ещё хватит на какую-нибудь подработку, а вот останься я на старости лет без семьи – такой фигуры высшего пилотажа мне не выдержать точно.

Была ещё одна немаловажная причина, не оставлявшая сомнений в целесообразности отъезда в Израиль, – внук Миша. Его отца, своего зятя, он недолюбливал за то, что тот был слишком книжным и имеющим на всё своё категорическое суждение, никак не подтверждённое практикой. По мнению дяди Влади, люди прямолинейные и непреклонные изначально обречены на неудачу, а этого он, естественно, не желал ни дочери, ни внуку. Поэтому по мере сил пытался оградить Мишу от тлетворного влияния отца и воспитать настоящим солдатом. Ведь настоящие солдаты нужны всегда и всюду, даже если это и не связано с непосредственной службой в армии. Государство должно опираться на чьи-то крепкие плечи и быть уверенным в незыблемости своей опоры. Такому хлюпику, как Мишин отец, дядя Владя не доверил бы даже собственную безопасность, что уж говорить о государстве. Короче, грош ему цена. Такие, как он, устроили в своё время перестройку в России и разумную, в общем-то, идею довели в своих книжных мозгах до абсурда, а так как ни деловой хватки, ни ясного понимания цели у них не было, пошли старым революционным путём – до основания всё разрушили, а взамен ничего не построили.

Впрочем, об этом судить не ему, потому что живёт в настоящее время дядя Владя здесь, а не в России. Как настоящий офицер, он знал, что о войне можно судить, только посидев в окопе, но уж никак не в сытом обозе.

Когда Мише пришло время служить в армии, дядя Владя облегчённо вздохнул. Наконец внук станет настоящим мужчиной. Правда, в израильской армии некоторая неувязочка с дисциплиной, ведь, по глубочайшему убеждению дяди Влады, солдат должен быть всегда подтянут, аккуратен, уметь блеснуть перед штатской публикой хорошей выправкой, а здесь – что здесь творится? Уму непостижимо. Ну, что это за солдат, который не знает строевой, а форма на нём сидит так, что смотреть стыдно. Боевое оружие – а с ним здесь не расстанутся, берут с собой даже в увольнительную домой, – так вот, своё боевое оружие они носят, как землекопы лопату! Может, в бою этот солдат и хорош, и стоит пятерых обученных советскими инструкторами сирийских вояк, но, согласитесь, армия всё-таки должна выглядеть... как армия!

– Просись, внук, в авиацию, – напутствовал он Мишу перед первым походом на призывной пункт, – продолжай, так сказать, славные традиции деда. Авиация – элита любой армии. И потом, небо – это такая красотища, такая... – Он не смог найти более впечатляющего эпитета и только смахнул непрошенную слезинку.

– Как получится, – без особого энтузиазма ответил Миша. – Куда отправят, там и будем служить.

– Вот ещё! – вступала в разговор бабушка Света. – Ты, Мишенька, в нашей семье единственный ребёнок, и тебя по закону не могут отправить в боевые части, если сам не попросишься. Так ты и не просись...

– Не городи, мать, глупости! – обрывал её дядя Владя. – Как это можно отсиживаться за чужой спиной, когда другие на переднем крае?! Он у нас что – дефективный? Мужчина должен быть мужчиной, не то что твой драгоценный зятёк!

Но Света отмахивалась от воинственного супруга и строила планы похода с дочерью на призывной пункт, чтобы пресечь все попытки внука служить в боевых частях.

Неожиданно на сторону дяди Влады встал нелюбимый зять:

– Если бы каждый приезжающий в наше сионистское государство строил планы отсидеться в минуту опасности за чужой спиной, как бы оно выстояло и защитило себя от окружающего врага? Иди, сын, и служи там, куда пошлют. И служи достойно, как дед велит. Хоть в той же самой авиации...

Но вопреки надеждам дяди Влады в авиацию Миша не попал, а попал в артиллерию.

– Тоже неплохо, – прокомментировал дядя Владя, – артиллерия – бог войны, и в ней служат настоящие парни.

– Типун тебе на язык! – охала Света. – Какой войны?! Нашему Мише учиться надо, а не воевать. Пускай готовится в университет поступать, а воевать... и без него есть кому.

– Дай Бог, чтобы воевать не пришлось, – соглашался дядя Владя, – но армия на то и армия, чтобы быть готовой к любым неожиданностям. Мы же видим, какая обстановка на наших границах. А на войне, между прочим, не все погибают. Я же вернулся живым и здоровым.

Как себя вёл на войне дядя Владя, тётке Свете было неизвестно, ведь вышла она замуж за храброго лётчика уже после того, как тот вернулся из Сирии и вышел в отставку, стал работать на одном из подмосковных военных заводов и красиво ухаживал за нею. Он регулярно дарил невесте цветы, благоразумно не распространяясь в доме будущего тестя о своей помощи «братскому» сирийскому народу. На всякий случай.

Семейный поход на призывной пункт до самой Мишиной отправки так и не состоялся, тем более курс молодого бойца – тиронут – он проходил на военной базе хоть и далековато от дома, но не на границе, и всех это успокоило.

Когда Мише впервые после начала службы дали увольнительную, дядя Владя наконец открыл внуку страшную тайну, о которой до последнего времени дома не распространялся. Но на сей раз он излагал свою историю без бравады и приукрашений, как бы даже оправдываясь в безысходности ситуации и невозможности нарушить воинскую присягу.

– Понимаешь, внук, – вздыхал он, – в армии ты человек подневольный. Приказы командира не обсуждаются. Если бы каждый рассуждал и поступал так, как считает нужным, то это была бы не армия, а разбойничья банда.

Миша в ответ только усмехался и бормотал, словно отмахивался от назойливой мухи:

– Ладно, дед, проехали! Больше так не поступай – не помогай врагу.

Дяде Владе его реакция не понравилась, и продолжать разговор он больше не стал.

Мишино увольнение закончилось, и он уехал на базу, а на душе у дяди Влады остался неприятный осадок. Ничего особенного вроде не произошло, отношения между домочадцами остались прежними, а всё равно появилось чувство какой-то застарелой и до конца не искуплённой вины неизвестно перед кем. Это лишало дядю Владю покоя, и он желчно бормотал самому себе:

– Чёрт меня дёрнул рассказывать Мише о том, как я воевал в Сирии! Кому это интересно? Ему, молодому парню, это нужно знать?! А мне – помнить... Дурак я старый!

Теперь, после отъезда внука, он уже с нетерпением дожидался новостей по радио, напряжённо вслушивался в слова дикторов и всматривался в телевизионные репортажи, отыскивая скрытые ню-

ансы в сложных и всё более обостряющихся отношениях с северным соседом. Он понимал, что рано или поздно развязка наступит, но не хотел, чтобы война началась в ближайшее время, потому что в ней придётся участвовать и Мише.

И ещё одна вещь беспрерывно сверлила его мозг: находятся ли сегодня среди сирийских лётчиков российские инструкторы? Этого он не знал и очень боялся одного: если вдруг выяснится, что есть, как он будет смотреть в глаза внуку-солдату? Как ни убеждай себя в том, что ты к этому уже никакого отношения не имеешь, непонятная вина всё равно гнездилась в сердце, иногда выстреливая острой невыносимой болью...

А в последнее время дядя Владя пристрастился по утрам час-другой проводить на автобусной остановке на выезде из города. Но это была не обычная автобусная остановка. Рейсовые автобусы тут не останавливались, зато останавливались автобусы, развозившие солдат по базам. Она и называлась по-особенному – тремпиадой, – и была отгорожена со стороны дороги толстыми железными столбиками, выкрашенными в жёлтый цвет. Столбики должны предотвращать наезды на ожидающих солдат машин с террористами-смертниками. А такое, к сожалению, случалось... С этой тремпиады каждый раз уезжал и Миша, возвращаясь из увольнения.

Находиться среди солдат дяде Владе нравилось. Ему казалось, что он тут молодеет: выпирающий животик сам собой втягивался, движения становились более уверенными и по-солдатски скупыми, а ноги начинали немного гудеть, будто вместо сандалий на них тяжёлые армейские ботинки, в которых он уже совершил длинный пеший переход при полной выкладке... Короче, дядя Владя здесь был в своей среде, по которой, оказывается, сильно скучал, только никому, и даже самому себе в этом не признавался. Он даже попросил как-то поддержать в руках тяжёлый армейский автомат. Наверняка солдаты тайком посмеивались над чудаковатым стариком в смешной соломенной шляпе, почти не говорящем на иврите, но разглядывающим их с восторгом и любовью...

На тремпиаду дядя Владя приходил с маленьким транзисторным приёмником, по которому слушал русскоязычное радио, и с каждым, кто стоял, вежливо здоровался. С некоторыми из солдат даже подружился. А один и вовсе приглянулся ему. Звали его, как и внука, Мишей, но в отличие от плотного черноволосого внука, он был худым и рыжим. И выглядел он несколько иначе: остальные солдаты были в армейской форме цвета хаки, а этот в светло-сером, почти гражданском костюмчике.

- Нет, я не лётчик, хоть и служу в авиации, – охотно разъяснял он, – я техник, обслуживаю самолёты. Чтобы стать лётчиком, нужно поступить на лётный курс, а это в сто раз сложнее, чем в университет. Там требования огого какие! Лётчики – элита не только в армии, но и в гражданской жизни...

- Это я и без тебя знаю, – кивал дядя Владя, – сам служил в авиации. Там нужны только самые серьезные и ответственные парни... Кому ты рассказываешь!

- Я заметил, что вы постоянно приходите сюда, – как-то обмолвился рыжий Миша. – Наверное, скучаете по армии?

- Конечно, скучаю, – признался дядя Владя. – Сейчас-то я уже старый, сердечко побаливает, язва-зараза нутро грызёт, а раньше... Эх, годы молодые! – Потом немного помолчал и прибавил: – Внук у меня тоже в армии. Только не в авиации, как ты, а в артиллерии. Жаль...

- Ничего страшного, – утешил его Миша, – главное, чтобы служил хорошо, а где – неважно.

- Нет, важно! – запротестовал дядя Владя, но вовремя спохватился, чтобы ненароком не выдать историю своей службы. Ему было стыдно перед этим безусым солдатиком, который даже не летает, а только обслуживает самолёты.

Хотя, если говорить по существу, в чём я виноват перед ним? – рассуждал он, когда оставался один. – Кто мог знать, что жизнь так повернётся? Женился бы, к примеру, не на Свете, а на какой-нибудь, прости Господи, Зульфие, и жил бы сегодня в той же самой Сирии – чем чёрт не шутит?! Не грыз бы себя, а наоборот, считал героем. Мол, воевал с евреями, то да сё... Три барана за каждый боевой вылет получал в награду!..

Ближе к полудню, когда солнце вставало в зенит, а солдаты разъезжались по своим базам, дядя Владя уходил домой.

Странно, но после знакомства с рыжим Мишей воспоминания о своей давней службе стали посещать его чаще и чаще. Он видел, с каким уважением парень поглядывает на него и, вероятно, ждёт рассказов о былых лётных приключениях, но врать дяде Владе не хотелось. Можно было бы, конечно, и не ходить на тремпиаду, но дружбой с Мишей он всё-таки дорожил и продолжал упорно ходить туда каждое утро.

- Ты как Штирлиц, – рассмеялась как-то Света, узнав причину его утренних походов, – в рядах противника повоевал, а теперь к нашим примазываешься...

- Ни к кому я не примазываюсь! – не на шутку обиделся дядя Владя. – Тебе, женщина, не понять, что такое воинская присяга и служба в армии!

Спустя некоторое время он неожиданно нашёл подработку – сторожить склад сельхозинвентаря одного из кибуцев неподалеку от города. Вечером его забирал на машине неразговорчивый кладовщик и отвозил на работу, а утром, когда склад открывался, уволил домой. Походы на тремпиаду сами собой прекратились.

Каждый вечер, расположившись под сделанным специально для охранников матерчатым навесом, дядя Владя доставал из сумки термос с чаем и бутерброды, а потом включал транзисторный приёмник, по которому до полуночи слушал русскоязычные передачи.

Когда они заканчивались, ловил какую-нибудь музыку и слушал до утра. В это время было удобнее всего предаваться неспешным воспоминаниям обо всём на свете, в том числе и о своей любимой авиации.

Одно мешало. Недалеко от кибуца находился аэродром военных вертолётов, и едва темнело, тяжёлые зелёные стрекозы с ракетами по бокам поднимались в воздух с надрывным рёвом и, мигая сигнальными огоньками, уходили в сторону Газы. Отсюда до неё было чуть больше двадцати километров, а там, судя по сводкам новостей, было неспокойно. Часто дядя Владя замечал, что с задания вертолёты возвращаются без одной, а то и без двух ракет, а в утренних новостях потом сообщали, что в Газе уничтожена ещё одна машина с террористами или очередная пусковая установка «касмов».

А через некоторое время и в самом деле началась настоящая война в Газе, которую почему-то называли в газетах и на радио высокопарно и косноязычно – «Литой свинец». Лился ли там свинец или какой-нибудь другой металл, неизвестно, но ракеты падали и на наши города – не только на Газу.

Сидя на своём ночном посту и чутко вслушиваясь в доносившиеся издали звуки сирен и гулкие хлопки взрывов, дядя Владя не находил себе места. Как там Миша? Он пока не в Газе, но нет сомнений, что артиллерию рано или поздно туда введут. О другом Мише, который обслуживал самолёты, он тоже беспокоился, но меньше. Военные аэродромы вряд ли переводят куда-то, но ведь и на них тоже опасно...

Пару раз дядя Владя даже выбирался на тремпиаду, но там никого не заставал – во время войны увольнений солдатам не полагалось.

Больше всего теперь дядю Владю угнетала неизвестность. Ясное дело, что в сводках военных действий, передаваемых по радио, рассказывают не обо всём. Хотелось живого общения с участниками боёв, хотелось каких-то деталей, а этого не было. Дядя Владя даже сравнивал свои нынешние ощущения с теми, что были тогда, в Сирии. Там тоже неизвестность была почти полной, ведь никто ни о чём русским инструкторам не сообщал, но кое-что удавалось узнать, когда он взлетал на своём истребителе в небо. К тому же в воздухе он был полным хозяином самому себе, контролировал ситуацию, хотя бы визуальное общение с коллегами-лётчиками – из своих звеньев или из звеньев противника.

И хоть разное случалось в воздухе, вспоминалось почему-то лишь неприятное. Например, когда уступающие по всем параметрам советским «мигам» израильские «фантомы» шли в отчаянную лобовую атаку, наверняка готовые даже к смертельному тарану, и «миги» пасовали перед ними. Теперь-то дядя Владя уже догадывался: израильтяне воевали за свою землю, а мы... мы воевали за деньги. Об «интернациональном долге» как-то никто не вспоминал, а если бы и вспомнил, его высмеяли бы свои же. Много неправды было в той

войне – он и тогда уже кое о чём догадывался, но раздумывать об этом не хотелось.

И хоть с начала военных действий в Газе прошло всего несколько дней, дяде Владе казалось, что минула целая вечность. Ночью, когда он охранял свой склад, ему было легче, потому что была работа, за которую он отвечал. Днём же, когда находился дома, ему становилось совсем плохо. Пошаливало сердце, было тяжело дышать – не хватало воздуха, а голова становилась чугунной, что-то непрерывно звенело в ушах. Словно он опять, как когда-то в молодости, резко взмывал на своём «миге», и перепад давления звонкими молоточками барабанил в виски под его лётным шлемом...

Дядя Владя выходил на улицу, присаживался на скамейку и глядел вверх, в небо, по которому теперь уже в черте города пронеслись тарактящие вертолёты. Когда редела сирена и нужно было прятаться в бомбоубежище, он не уходил, лишь горько посмеивался в ответ на уговоры жены:

– Меня ракеты в воздухе не брали, а тут испугаюсь я какого-то обрезка трубы, который назвали «касамом»!

Он даже ходил смотреть на упавший на соседней улице «обрезок», но полиция не разрешала подойти поближе, однако обломки, оставшиеся от ракеты, он всё-таки рассмотрел. После этого совсем успокоился: ничего страшного в них не было, а страхи, нагнетаемые повсюду, сильно преувеличены. Это ему, военному человеку, ясно, как Божий день.

И вдруг абсурдная мысль раскалённой иглой впиалась в его мозг: если бы он каким-то чудом снова стал молодым, продолжал служить в авиации, и при этом потребовалось бы воевать, чья сторона была бы ему ближе? Сел бы он в кабину сирийского «мига»? Мысль была невероятной и даже глупой, но... как бы он поступил? Выполнял бы свой денежный «интернациональный долг» или был бы с теми, кто защищает его семью, его внука-артиллериста и другого Мишу, обслуживающего военные самолёты?

Дядя Владя гнал от себя эту мысль, но понимал, что пока не даст себе однозначного ответа, не успокоится. Какая может быть связь между той войной и этой, убеждал он себя, ведь тогда была Сирия, а сегодня Газа, и тогда я был совсем другим, а... сегодня? Ситуация в мире изменилась, а изменился ли я сам? Всю жизнь я преодолевал трудности, да и сейчас их не меньше, но ведь жизнь-то стала совсем другой! Тогда я исполнял свой гражданский и воинский долг, защищал – чуть не вырвалось – родину. Какую родину? Сирию?... Это уже сейчас, даже когда я не в армии, могу сказать, что защищаю родину – землю, на которой живу, на которой живут мои дети и внуки. И защищаю её хотя бы уже желанием победы над врагом, ведь мне по-настоящему есть что терять. Не то, что тогда...

Эти рассуждения дядю Владю успокаивали, головная боль становилась меньше, дыхание налаживалось, а любимый, постоянно

снившийся «миг» больше не взмывал вверх, лишь плавно парил над холмами и горами новой родины.

А однажды ему приснился сон. Вот он, молодой и энергичный с непослушными русыми вихрами из-под шлема, щёгольски сдвинув на кончик носа затемнённые лётные очки, снова управляет боевой машиной. Как всегда, он звеньевой тройки и привычно ощущает чуть позади, справа и слева, своих боевых товарищей, которые его никогда не подведут. За показаниями приборов он не следит, потому что чувствует самолёт, как часть своего тела. И «миг» платит взаимностью – слушается во всём и, может, даже догадывается о чувствах, переполняющих своего бравого и отчаянного пилота...

Воздушный бой с самолётами противника – такая задача поставлена перед вылетом. Дядя Владя обводит взглядом горизонт, но он чист – ни самолётов, ни облаков. Лишь где-то вдали крохотная тёмная точка. Самолёт? Не похоже. Что же это всё-таки?

= Вижу цель, иду на неё! – докладывает он ведомым, но те его почему-то не слышат.

Ничего страшного, решает он про себя, справлюсь и сам. Он снова осматривает горизонт и переводит взгляд вниз. Под ним бесконечные холмы и ленты шоссе, города и посёлки рассыпями белых кубиков домов, вдали морской берег, пропадающий в низких желтоватых облаках. А сверху, почти у самой кабины, белое ослепительное солнце.

Нет, вдруг догадывается он, это не самолёт, это пресловутый «касам» из Газы, летящий по огромной дуге к кубикам-домам внизу...

– Буду сбивать! – кричит он в переговорное устройство своим ведомым. – Или... таран...

Слышит ли его кто-нибудь? Уже неважно. Цель – самая настоящая, которая не уклоняется, а идёт на него, и ей нельзя дать долететь. Отчаянная решимость пьянит дядю Владю, и нет больше для него никаких сомнений, никаких преград...

И вдруг тишину, окружающую его, взрывает мощный и чуть хрипловатый рёв сирены воздушной тревоги, когда нужно подхватываться и бежать в убежище. Но дядя Владя его не слышит: он по-прежнему парит на своём небесном «миге», таком волшебном и послушном, и вместе с ним уже никогда не приземлится на землю – ни на ту, ни на эту...

ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ФАКТЫ воспоминания и размышления

*Как правильно замечено, громче всех «отсигналит»:
держи вора – сам вор! Вот и Липа – яркий тому пример!
Позор еврейского народа, сбежавший от праведного гнева
соплеменников на берега Земли Обетованной. А слова-то
какие говорит!*

Петр Глушаков

Вот такой эпитафия к моей новой «Еврейской тетради» я прописал...

Эх, жизнь, уже почти окончил я эту самую тетрадку, а тут – бац! В моём родном Нижнем Новгороде недели наручники бывшему мэру Олегу Сорокину...

В социальных сетях начались дискуссии: права или не права власть государственная в таком деянии. Я возьми, да и вставь пару слов от своего видения данного вопроса. И пришел комментарий Петра Глушакова, который в первых строках повествования выставлен эпитафией.

Спасибоочки, Пётр Глушаков! Дал ты мне козырного туза в руки, чтобы я раскрыл житейскую тему: «Есть ли в современной России, уже после перестройки, государственный антисемитизм».

Буду я размышлять-сказывать далее, после заповочки, которая с эпитафия началась...

* * *

Так что вот! Высказался Владимир Владимирович Путин: «Сейчас в нашей большой, многонациональной стране государственно-антисемитизма нет. Раньше? Раньше – при царизме и развитом социализме страдало государство таким заболеванием».

И вот получилось так, что я – Липа Грузман, «позор еврейского народа», – с октября 1998 года стал гражданином двух стран: Израиля и России. Подтверждается это двумя международными паспортами, есть и внутренние, с указанием места прописки – где я живу, когда нахожусь в этих странах. Собственно, три месяца в каждом календарном году я обитаю в Нижнем Новгороде, а девять месяцев – в Иерусалиме. И прав, прав Петя Глушаков: я действительно сбежал из родного города, бросив в нем еврейскую синагогу, которую сам же и возродил...

И конечно, этот самый Петя и ему подобные антисемиты, а в особенности так называемые культурные, образованные евреи, стоящие во главе крупных и богатых частных фирм, не знают и никогда не узнают, что такое в 1981 году, будучи простым советским евреем, прийти в неофициальный еврейский молельный дом, обливаясь холодным потом от страха.

О, Боже! Прошло тридцать шесть лет, а в моём сознании впечатано то время...

Все новостные передачи советского телевидения сразу после сообщений о Брежневе начинали антиизраильские истерики. В газетах писалось, в журналах выставлялись фото о зверствах евреев в палестинах – и прочее-прочее.

Поносились и клеймились позором «изменники родины», уехавшие из СССР, а также собирающиеся оставить тогда еще шестую часть суши аборигенам.

Соседи, друзья, товарищи по трудовому коллективу, однокурсники, одноклассники – часто, очень часто – задавали вопрос: «Лёня, почему вы, евреи, распоясались в Израиле, и наших братьев-арабов убиваете?»

При этом забывалось о расстреле израильской олимпийской команды в Мюнхене, в 1972 году и о прочих деяниях.

Так было в быту, то есть такое словоблудие называлось бытовым антисемитизмом.

Чуток про государственный обмолвимся.

В конце декабря 1973 года я сдал все курсовые зачеты в ГИСИ имени В.П. Чкалова. С января 1974-го по законам того времени я «уходил на диплом», то есть имел право на оплачиваемый четырехмесячный отпуск, в течение которого должен был подготовить двенадцать чертежей на ватмане размером А1, чертежей, согласно ГОСТ, по теме «Газоснабжение микрорайона в городе Горьком».

Также нужно было написать пояснительную записку к проекту в сто двадцать листов форматом А4...

Получая задание на кафедре теплогазоснабжения во втором корпусе института от руководителя дипломного проекта Геннадия Матвеевича Климова, я вместе с необходимыми «формами», получил и неофициальную записку, сделанную простой авторучкой от руки. В записочке было приглашение устроиться в лабораторию кафедры металлоконструкции Горьковского инженерно-строительного института.

Я положил в папку необходимые документы для выполнения дипломного проекта. Записку-приглашение я взял в правую руку и пошел в соседний корпус. Там произошла моя встреча с начальником лаборатории, который сказал, что он приглашает меня на работу, потому что знает, что я начал свою официальную трудовую жизнь слесарем.

Добавил: инженер – испытатель металлопроката, если он не работал слесарем, классным специалистом как правило не становится. Кроме того, работая в лаборатории, я смогу готовить диссертацию на защиту учёной степени кандидата технических наук.

После десятиминутной беседы начальник попросил меня написать заявление с просьбой о принятии на работу в его «мини-шарашку». Уже через пару минут на моем заявлении на имя ректора института А.С. Мейерова красовалось ходатайство начальника лаборатории, говорящее о том, что Леонид Аронович Грузман просто необходим в этом творческом коллективе.

Как говорилось в те далекие времена, остальное было «делом техники». На следующем этапе всё было, как в поговорке.

Заведующий кафедрой, профессор Лампси, посмотрев на меня изучающе, тут же подписал документ со словами: «Вы молодец, коллега: армию отслужили, слесарем поработали, теперь – мастер, в июне диплом о высшем образовании получите. Лет через десять буду гордиться таким своим студентом! Идите в отдел кадров, оформляйтесь – и с первого сентября приступаем к работе».

Радостный, я помчался в отдел кадров ГИСИ, но в том кабинете «дело техники» не сработало... Вальяжный, при галстукке, с орденскими планками на бостоновом пиджаке, отставной полковник, отслуживший тридцать лет в войсках НКВД, забежал глазками. Он смотрел то на заявление, то на меня. Осматривание продолжалось две минуты.

Потом, положив заявление на стол, он зло зыркнул на меня и процедил сквозь золотые зубы: «Я пишу отказ и расписываюсь. Должность, на которую тебя приглашает Лампси, должна быть занята специалистом с высшим образованием. Пока что у тебя диплома нет. С неоконченным высшим образованием специалиста я оформлять не буду. Тем более, что работать ты бы начал через девять месяцев. Это мой официальный ответ.

А неофициальный будет такой: много вас, евреев, кормится в институте! Ректор Мейеров, еврей хитрый, был Мейер, а стал вроде как русским. Устроили здесь синагогу из всяких: Беагон, Колодный, Рубин, Барахович, Шульц, Зильбербер, Гильфер – только Грузмана не хватает!

Ты ведь тоже мог, когда паспорт получал, к своей фамилии пару букв добавить, был бы – Грузманюк, может быть, и сошло бы. А так получается, что только *ваши* в институте и работают. Перебор еврейских фамилий в отделе кадров».

* * *

Вот так! К огромному багажу антисемитских выхонок я прибавил еще одну, далеко-о-о не последнюю, за свои двадцать семь лет жизни на тот год.

Ответил, конечно, я ветерану-партейцу про себя, тихо, то есть подумав: «Б..дь ты! ...! ...! И ...!!!» – и пошел дальше по жизни. Вот уже прошло сорок четыре года с того мгновения.

Сейчас в Иерусалиме буря: сильный-сильный ветер, который дождевые потоки из тяжелых туч кладет на землю под косым углом. Слышен свист ветра и стук тяжелых ливневых потоков.

Так называемые «русские» отгуляли, повстречали новый 2018 год. Через день в России будут отмечать Рождество. А я беру и открываю дверцу памяти...

И отправляюсь в Иерусалим талмудический, вспоминая, что в этом городе две тысячи лет назад говорили мудрецы-евреи об этом самом антисемитизме. Кто еще не знает – прочтет, а для тех, кто знает, будет повторением – матерью учения.

Пять тысяч лет назад перешел Авраам, потомок Шема (Сима), реку Иордан и поселился в Земле Обетованной. И был он «перешедший», «иври», то есть человек из-за реки, своего рода предшественник варягов. Закрепилась кличка за семейством его, так и жили с ней сын его Ицхак, а потом и внук Яаков, от которого народилось племя в 72 человека, через несколько веков превратившееся в народ Сынов Израилевых.

И если был первый еврей на планете, то, конечно был и первый злодей, желающий убить евреев, имя которому Авимелэх.

Так и пошло с тех давних-давних пор, что параллельно с племенем еврейским живут люди, страдающие душевно, то есть ненавидящие евреев, или антисемиты.

Так из-за чего же эта самая ненависть жгучая к евреям?

Постараюсь как-то, из-за соблюдения объема тетрадных страниц, рассказать о своем видении возникновения этого психовируса, вызывающего зависть, ненависть, раздражение, неприязнь и прочее-прочее к еврейскому народу... Который в Торе определен как народ-первенец на планете Земля. Так Творец устроил, а больше и некому. Конечно, летит этот вирус из-за того, что каждый еврей может сказать: «Я потомок праотцев Авраама, Ицхака и Яакова, праматерей Сарры, Ривки, Леи и Рахели. Живут во мне гены великих праведников и великих праведниц. То есть, мой психотип отличается от твоего: арийского, или...» – далее не будем перечислять все народы мира, их на сегодня более двух тысяч.

И определено в Библии, что еврей должен выполнять шестьсот тринадцать заповедей, живя на планете Земля, чтобы потом, по истечении срока, уйти в Царство небесное. Нееврею же нужно выполнять только семь заповедей сыновей Ноевых, и уготован человеку рай.

«Жизнь прожить – не поле перейти», и живут люди, поделенные на евреев и неевреев. Всё ясно.

И живут в разных народах антисемиты – куда деваться, так Всевышний обустроил!

Мудрецы прокомментировали так: на черном ночном небе разбросаны звезды, и их очень хорошо видно. Поэтому из антисемитов и прочей нечисти сотворил Всевышний фон, на котором евреи видны...

И вывели составители Талмуда: «На фоне зла мы можем добро видеть, а иначе без чувств жить будут люди». Возникает вопрос: а еврей – подлецом и даже антисемитом быть может?

Ответ мною был услышан тридцать пять лет назад, в неофициальной синагоге (точней, в «еврейском молельном доме») на улице Приокской в Канавине: «Смотря какой еврей! Есть еврей, что может быть хуже Пуришкевича...»

Это ответ всем антисемитам, которые воняют: «А вы, евреи, революцию устроили, вы в НКВД у Сталина служили. Вы, евреи...»

Да. Были, есть и будут в среде еврейского народа выродки, которым сказано в Талмуде: «За ваши грехи будут запинаться другие евреи, поэтому помни, что, вытворяя бесчестные поступки, ты сделаешь так, что люди будут говорить: все вы ТАКИЕ!»

Вот тут талмудисты, под словом «люди» имели в виду прежде всего антисемитов, которые, говоря о мерзавцах, как бы забывают про величайших евреев, первооткрывателей человеческих преобразований в мире людском...

* * *

А теперь – вернемся в новейшую еврейскую историю, которая, вроде бы, ушла, и что ее вспоминать! Но есть такая наука – история, которая не может жить без памяти...

Много лет я, Липа Грузман, как говорится, был прямым участником истории, но после приезда в Иерусалим, по воле Всевышнего, стал еще и ее хранителем, то есть на 6 января 2018 года мною написано и издано пять томов книг.

Эта тетрадоочка, пятая по счету, будет одновременно и главой моей новой книги, уже шестой, которая будет называться «Винегрет» – ибо в моей жизни намешано хорошее и плохое, то есть что я увидел и получил от людей, лично мне знакомых.

Главы будут чисто мемуарные, в литературной обработке, будут простые сказы, а также немножко вымысла и бредней. Так называемым «врагам» я не выношу никакого ОТМЩЕНИЯ, мне на них начхать, я оставляю в литературной памяти только их деяния, из которых состояла жизнь, и память о них должна сохраняться.

А как им бы хотелось – Сорокину, например, чтобы его дружба с РУОП была сохранена в тайне.

Но директор Распопин рассказал мне о «крыше» Олега. Можно сказать, что директор завода лгал.

Но я, Липа Грузман, как говорится, за что купил, за то и продаю. И если жена Олега – еврейка, и мне говорят, что она мне отвалила много-много денег, то тут точно – полное враньё.

В далеком 1981 году я встал на путь познания иудаизма. Я тогда не думал о деньгах: на жизнь я всегда мог заработать, что делаю и сейчас, в возрасте семидесяти с гаком.

* * *

Сделаны мазки, придавшие фону повествования оттенок, на котором будут более ярко видны деяния людей, говорящие о том, что антисемитизм жил, живет и, увы, будет жить...

Итак, начал посещать я «еврейский молельный дом» постоянно, с осени 1983, в 1981 году, придя туда впервые, я убежал в страхе от той непонятной энергетики, которая невидимо присутствовала в тридцатиметровой комнате, поделенной перегородкой на кухню-прихожую и молельный зал.

Какая-то неведомая сила тянула меня туда, но другая – это был страх – заставила пуститься в бегство. Но за два года страх как бы отступил, оставаясь где-то в глубине души. С этим глубинным страхом я прошел первые «субботы» в кухне-прихожей, перед молельной комнатой, омываемый звуками и мелодиями никогда не слышанного древнееврейского языка.

И тут же среди евреев города пополз слухок: «Липа Грузман окончательно сошел с ума...»

Шла так называемая «холодная война» между сверхдержавами, котрая внутри СССР поддерживалась моральным террором. Руководили террором, соответственно, гэбисты, исполнителями были простые советские люди, в первую очередь – коммунисты.

Явно, то есть издавать разные книжонки и писать статьи, было поручено профессору Колобову и писателю Шамшуруну – были в то время еще преданные партии и правительству интеллигентные люди, но я их не вспоминаю, ни к чему. Партийная дисциплина и прием на работу в номерное госучреждение также обязывали быть секретным сотрудником ведомства. То есть, моё досье в спецархиве, за железными стенами, начало расти как на дрожжах: писали люди от третьего лица, все, что слышали от меня и про меня. Собственно, получали они задание говорить про меня то-то и то-то. Государственная машина работала.

Маховик крутило Пятое управление КГБ. Кстати, официально эта структура называлась: «Управление по борьбе с идеологическими диверсиями и сионизмом».

Вот так-то! Вооруженный до зубов отряд КПСС лез грязными лапами в людские души и разум, чтобы удержать их в коммунистическом рабстве.

И конечно, от той жизни, когда в твой адрес со всех сторон летит: «Вы, евреи, вы, евреи, вы, евреи, такие да сякие...» – с ума сойти вполне можно было. Но я не сходил, потому что у меня его еще не было, то есть не было «еврейских знаний», которые я начал приобретать в молельном доме, общаясь с евреями-стариками, получившими познания еще в те времена, когда жили в еврейских местечках царской России.

К началу перестройки такого спец-еврейского контингента в городе Горьком оставалось чуть более двадцати человек, все в возрасте от семидесяти лет и старше. Притом, по официальной переписи населения, в городе Горьком проживало 12.300 советских граждан еврейской национальности, то есть еврейская самобытность, основанная на наставлениях Святых Книг, была потеряна почти полностью.

И, как должно было быть, самые сильные ненавистники и выступали против иудаизма были тоже евреями: коммунисты, торгаши, мошенники, заведующие складами и базами...

Еще бы! Ведь КГБ рано или поздно обязательно начнет прямые антисемитские деяния, лес рубят – щепки летят, и представители этой когорты богатых и вальяжных первыми могут попасть под раздачу.

Так оно и получилось: власть, разжигая антисемитизм, с особым смаком отправляла в тюрьму евреев-преступников.

Фамилии и дела евреев-страдальцев сейчас я прописывать не стану. И все же пятнадцатилетние срока они получили – как говорится, честно заработанные.

Еврей должен знать, что ему нельзя красть, как всем, потому что всех нельзя арестовывать, а только выборочно, а если начнут выбирать – кого выберут, если не еврея? И после того, как этого «нищасного» арестуют, хотя крали все, еще и будут говорить: «Вы все, евреи, жулики!» – это и есть бытовой антисемитизм. Но ввиду того, что из всего «ворующего сообщества» выбрали еврея, – это будет еще и государственный антисемитизм, при том, что обвиняемый еврей – таки жулик.

Посему я говорил всем жуликоватым евреям: «Ты – провокатор, от твоих деяний пойдут антиеврейские акции. Из-за тебя простым честным евреям будут пальцем в глаза тыкать».

Приведу-ка я парочку примеров, так, для красного словца.

Назову-ка тех, кто «творил шахер-махер» до недавнего времени в Нижнем Новгороде.

Очень это были почитаемые, уважаемые, влиятельные и прочее-прочее...

И, как говорит лагерный конвой, «первый – пошел».

Ефим Юрьевич Немцин, явный провокатор, разжигатель национальной ненависти и главный герой провокационных разговоров.

Он был хозяином магазина «Л-Монти» на улице Большой Покровской, друг Бориса Немцова, Жени Крестьянинова и прочих великих, то есть областная власть его крышевала.

Также крышевал его мент – Саша Лев, а без бандитов в те времена жить было нельзя, поэтому крышей служил еще и небезызвестный в городе Нурик.

А теперь – чисто житейский эпизод.

В его магазине продавщицами работали обычные девушки. Но были и исключения.

Соответственно, зарплату этим девчонкам за тяжкий труд – весь день на ногах! – платил он очень и очень низкую.

И то, что называется, с голодухи, одна из продавщиц пришла на работу в домашних тапочках, а ушла поздно вечером в дорогих туфлях...

Ефим Юрьевич «подтянул» вначале к себе Сашу Льва, майора РУОП, вспомнив вновь про «дело техники» – и материалы уголовного дела оказались в руках у благородного, милого, мягкого человека – директора магазина.

Еще пара часиков времени пробежала – и в квартиру продавщицы-воровки заявился Нурик с двумя помощниками. В руках у Нурика была папка с «делом». В «деле» был болезненный вариант для женщины, но он спасал её от возможного заключения.

Вначале один из помощников Нурика использовал женщину по прямому назначению, а потом – предьява: полгода работаешь без зарплаты, а брыкаться будешь – уголовное дело окажется в ментуре, и бесплатно в тюремном цехе годика три работать будешь, а мы – видишь, какие милосердные, да еще и удовольствие тебе доставили.

Через несколько дней пришла ко мне эта молодая женщина-продавщица, вся в слезах, со словами: «Липа, ну что ж это вы, евреи, вытворяете?»

Получив секретную информацию с языка женщины в свои уши, я вначале её успокоил, а потом пошел к Ефиму Юрьевичу и повел разговор, ему растолковывающий, что он не только конченная мразь, но еще и разжигатель антисемитизма.

В ответ я получил от главного организатора кучу угроз: «Ты меня плохо знаешь! Я тебе устрою! Я собственник и оберегаю свой товар и деньги, как умею и считаю нужным!»

Правда, издеваться над продавщицей он перестал, зная, что в перекале напряжения за меня вступятся особые профессионалы...

А по городу, среди евреев, пополз слухок, что Липа Грузман – платный агент КГБ.

Насчет последнего – всё верно: начиная со студенческих лет, а потом, работая директором промтоварного магазина и Горьковского горторга, этот самый Фима был секретным сотрудником ведомства, а его друг и одноклассник «Маффеич» возглавлял спецотделение, которому Фима сдавал информацию по графе «работа с контингентом».

Такая у Маффеича работа была: всех одноклассников, всех однокурсников, всех жителей военного городка, в котором он родился и рос, «мягко» завербовать (а может, и не мягко?). И, получив задание от майора Маффеича, Ефим Юрьевич трепал, что он очень много денег отваливал синагоге. А я, человек, которого он побаивался, якобы, их украл.

Прошло двадцать пять лет от того противного момента жизни, когда мне пришлось вытаскивать русскую девушку из лап «милого, делового, благородного, душевного» человека еврейской национальности. Противно вспоминать и писать, но надо! Если не я – то кто?

Так что строчим далее.

Но вначале посмеюсь-ка я: ха! хахаха! хахахаха!!!

Прописано в сказе – «дело техники», так тому и быть. Идет это дело. Вначале смех, а потом вернусь-ка я к эпиграфу Петра Глушакова, который себя считает закадычным другом великого нижегородского поэта Димы Бирмана.

Если бы этот Петя не сунулся туда, куда кобель нос не сует, то, может быть, гниль души Димана-поэта так и осталась нераскрытой, уехав из города вместе со мной. Но ведь Дима Бирман рассказывал другу Петьке «за Липу Грузмана» – каков он, тот Липа, а главное – сколько бабла он в Липу вкачал...

* * *

Дело было в дни открытия салона «Камея», в котором полагалось наладить прибыльную торговлю итальянской мебелью – возможно, той, которую производил Диман в прихвачиванной мебельной фабрике в Канавино. И пригласил хозяин-барин на торжество в день открытия: митрополита Николая, муфтия Умара Хазрата и габбая синагоги Липу Грузмана. Ну, и губернатор Боря Немцов в той тусовке участвовал. Речи, выступления, поздравления, пожелания – и, конечно, благословления, чередующиеся с заглотом рюмок с «огненной», подошли к концу.

Провожая меня и митрополита (муфтий Хазрат не пришел), Дима дал нам по конверту, предварительно запусив слушок, что он, предприниматель Дмитрий Петрович Бирман, жертвует на три исторические российские конфессии: Русской православной церкви – десять тыщ баксов, а также для синагоги и для мечети (суммы не оглашались, тем более, что муфтий не явился вовсе).

По дороге в синагогу я посмотрел содержимое конверта – и наступило прояснение: в нем были российские купюры того времени, в переводе на доллары – четыре сотни. В принципе, я так и предполагал, поэтому пожал плечами: «С паршивой овцы – хоть шерсти клок».

Через пару дней после мероприятия я вновь повстречался с владыкой Николаем. Тот выглядел озадаченным и сразу после рукопожатия сказал: «Брат Липа, открой мне тайну: какую-то сумму в долларах отвалил на синагогу единоведец твой Дмитрий Петрович. А потом и я скажу, сколько долларов в конверте было».

Я, смеясь, назвал сумму и добавил, что так себя ведут почти все «новые русские», в том числе еврейской национальности: их алчность раньше них самих родилась.

«Что делать, брат Липа? В еврейском народе должен вторично родиться Мессия. Поэтому я не могу говорить: все вы, евреи, такие!»

А скажу как думаю: во время перестройки, как и спокон веков, было много мерзавцев среди евреев, хотя весь народ считается богоизбранным!

И перекрестился владыко со словами: «Прости меня, Господи! Кабы они сапожниками были, а не интеллигенцией, так бы себя не вели. Бог с ними!»

В последующие годы отхватила синагога от этого Димы-поэта диван и два кресла с его фабрики в Канавине, да и те бракованные. Тут опять, как в русской поговорке: «Лучше в вас, чем в полойный таз».

* * *

Вот так-то, Петя Глушаков: лажанулся ты, заставив тайное сделать явным. Не слушай больше сплетен грязных в наш, в том числе в мой, адрес. Но вообще-то можешь и слушать. И делать что угодно: мне начхать.

* * *

И вот – первый пошел, второй пошел и прошел...

Звучит команда: «Третий пошел!» Третьим в этом сказе будет сам его сиятельство – великий, уже не просто поэт, как Дима, а Великий Нижегородский Поэт, плюс писатель, общественный деятель и (тайно, без права передачи) юдофоб Валерий Анатольевич Шамшурин.

Чуток пробежимся назад на «машине времени». Первый раз этот «почётный гражданин» попался мне на глаза в конце шестидесятых...

Я уже был тогда дембелем, возраст к двадцати пяти, а это значило, что каждый вечер Лёня не шлэндал по Свердловке в поисках приключений, а только тихо-мирно, изредка прохаживался по ней, слушая от знакомых: «Эх, Лёня, а помнишь, что было...»

В одну из таких прогулок, а дело было летом, я остановился около киоска «Газ-вода», рядом с театром драмы, захотелось пить. Передо мной стояло три человека, крайним был Николай Иванович Кочин, в то время очень популярный в городе писатель. Конечно, мы были знакомы: кто не знал Лёню Грузмана – тот не горьковчанин, и кто не знал Николая Кочина, тоже не горьковчанин.

Николай Иванович, почувствовав спиной, сзади себя, человека, обернулся и увидел меня. Его бородатое лицо засияло в радостной улыбке, он сказал:

– Лёнь, угощение ставлю я: давно не виделись! Я так понял, что ты отошел от шпаны с улицы Центральной? Сейчас там верх держит шкетенок ваш, Витька Косарев-Жаринов, за него говорят, что он очень высокий ширлач, не только у нас в городе, но и во всём СССР.

Писатель протянул мне свою широченную, мужицкую, сильную пятерню...

Я подал ему свою и при рукопожатии почувствовал на своей руке силу человека, отбившего в колымских лагерях десять лет.

Выпив по стакану холодненькой газировки, мы прошли с Николаем Ивановичем до стоявшей в двадцати метрах от киоска скамейке, сотворенной из прочной рейки, выкрашенной в голубой цвет, – это был атрибут городского благоустройства в то время...

И, мягко присев, повели беседу о недавнем прошлом, которое еще кипело в моей памяти – то есть о моей службе в рядах Советской Армии.

Во время нашей короткой беседы вдруг к Кочину подскочил подхалимски улыбающийся молодой мужик с ярко выраженным обликом советского коммуняка, что чувствовалось с первых же слов, произнесенных при рукопожатии:

– Здоровьица вам, Николай Иванович! Рад вас увидеть здоровым и бодрым. Мне некогда, я выполняю важное поручение райкома партии, но, несмотря на это, очень рад поздороваться с вами.

Потом пошло какое-то подхалимское словоблудие, после чего партиец убежал.

Кочин как-то насупился, сказав больше себе, чем мне:

– Вот из-за таких червяков, Лёня, я просидел десять лет, а потом жил на Бору, на сто первом километре. Это Валерка Шамшурин, поэт как бы, ему НКВД поручило следить за мной. Улыбается, а в «пытошный дом» доносы строчит! Ты-то не помнишь, но в 1937-м здание НКВД на Воробьевке – так называли, а что сейчас это управление КГБ – это всё одно...

Николай Иванович глубоко вздохнул и на выдохе добавил:

– А еще он антисемит, Шамшурин, перед евреями, как и передо мной, заискивает, но в душе – ненавидит!

Вот так в мое сознание вошел почётный гражданин Нижнего Новгорода, заслуженный и прочее, прочее, прочее...

И Юра Адрианов тоже как-то под пьяный разговор характеризовал своего коллегу-литератора: «Проститутка!»

Имея такую исходную информацию на председателя правления Горьковского отделения Союза писателей СССР, то есть, на Шамшурина, я обратился к нему через двадцать лет после беседы с Кочиным, чтобы он, Валерий Анатольевич, поставил подпись под заявлением «О передаче здания бывшей еврейской синагоги, в котором располагается ЭПКБ Лесмаш, вновь созданному Религиозному объединению иудейской религии».

Хотя над СССР витал дух перестройки, этот «наследник Сталина» – так Евтушенко назвал при мне это поэтическое чучело – заюлил. Врал, обещал, тянул резину: дескать, лучше это сделать на общем собрании писателей...

В годы, когда я возглавлял Нижегородскую синагогу, старался общаться с Шамшуриным вежливо, с прощением ему сталинской «душевной закваски»; три первые мои «Еврейские тетради» он даже взялся редактировать (не за «спасибо», я за работу привык платить!), а потом написал предисловие к первому двухтомнику...

Но потом... Что было потом, о том еще вспомним.

А сейчас давайте вернемся к евреям города, «справедливо разгневанным» на Липу Грузмана за то, что он возродил для них синагогу.

В 1996 году «великий советский еврей» Владимир Гусинский создает для всех евреев страны единую организацию, РЕК (Российский еврейский конгресс). Красиво, конечно, если бы не цель: когда ему, олигарху, придёт времечко сесть на скамью подсудимых, то можно будет декларировать – человеку «завернули ласты» не как преступнику, а как еврею. Придуманно было неглупо, но всё было слишком ясно-понятно. О чем я и сказал ему прямо, 11 февраля 1996 года, на учредительном съезде РЕК.

Дальше – больше: во всех регионах России начали создаваться еврейские комитеты, которые возглавляли, как правило, мошенники и подлецы крупной руки. В Нижнем Новгороде такую общественную еврейскую организацию возглавил редкостный мерзавец, Юрий Константинович Раскин. В свою команду он созвал, в основном, нечистую на руку еврейскую элиту города.

Например, Боря Горелик. Его прибыльный бизнес в фирме «Триумф» был основан при поддержке (скорей всего, и материальной тоже) «крыши», бандита Лёхи. С ним этот еврей, бывший комсомолец, и в синагогу впервые заявился.

Самому-то страшно было! Как раз в это время Горелик пытался отжать квартиру у одной толковой журналистки – и она пришла ко мне, чтобы община и лично я постарались остановить это ограбление «законным путём». Знал ведь, что ему будет сказано, но думал, что при виде Лёхи мы все притихнем.

Как бы не так! «Парнокопытному» Горелику я сказал, что его деяния порождают антисемитизм. Не можешь нормально вести бизнес – иди работай портным или сапожником, но не позорь свой народ, балбес!

...Поздней на «толковище» высказался сам Лёха, разъяснив мне, непонятливому, особенности текущего момента: «Дядь-Лёня, это в твоей юности пацаны на кармане втыкали и на гоп-стоп подписывались. Сейчас времена другие, сейчас в суде вполне “законно” можно ограбить человека». Как говорится, о времена, о нравы!

И таких эпизодов, увы, было предостаточно для того, чтобы «законно» обозлить как иноверцев, так и соплеменников. В свою шоблу они подтянули и бульдозериста-раввина Зяму, типичное еврейское местечковое быдло, кое-как научившееся молиться на иврите. Ему посулили «отвалить бабла», если он меня вытеснит из синагоги. (Кстати, раскинская шобла его, как положено, кинула, не заплатив за труды ни гроша. Да еще и рожу «святоше» набили, потому что он пригрозил в суд на них подать.)

Смешно сказать, но – благодарен им за то, что творилось, потому что иначе еще не знаю, как долго бы прособирился. Дело становилось всё «веселее». Фияксель бросался избивать. Сатановский намекал, что может «заказать». Чапрак грозился разрядить в меня полную обойму из пистолета: «Я знаю, что ты мою крышу – Одноглазого – отодвинуть можешь, поэтому буду в тебя стрелять, как во врага».

Конечно, страшновато каждый раз было: ведь нанять убийцу или лично грохнуть мог любой из этих мерзких соплеменничков... Это Творец остановил праотца Авраама, готового принести в жертву Ицхака, но иди знай. Слава Превечному, что сделал то же самое по отношению ко мне! Чтобы, упаси Боже, не пролить еврейской крови, я принял решение выехать с семьёй в Израиль.

А уж после моего отъезда в уши Пети Глушакова и таких же антисемитов, как он, «глашатаи» общины – Ефим Юрьевич Немцын и такой же интеллигентный-добрый-мягкий Фияксель запустили по городу слухи. Всё это, в конце концов, заставило обкаяться разного рода глушаковых – то есть я написал эту тетрадь с грифом «Только 50 экземпляров для служебного пользования». А зачем широкие массы общественности в антисемитских помоях полоскать?

А, чуть не забыл, обещал ведь вернуться к Шамшуруну. Коль уж по городу покатила антисемитская волна, запущенная самими совершенно озверевшими от денег евреями, то мой дружище Валера, заседаая в разных комиссиях, делал всё, чтобы из библиотек по всей области мои книги были изъяты, чтобы их никто не переиздал. Ну, и премию Нижнего Новгорода дважды зарубали...

Поскольку он не мою грядку в огороде вытоптал, а предпринимал действия как официальное лицо, его личный антисемитизм бодро превращался в государственный, вот оно как.

Ау! Ау, господин Путин, Владимир Владимирович, а вы говорите, что государственного антисемитизма в России нет!

Правда, в данном случае запустили машину сами люди, именующие себя евреями. Помните, как говорил митрополит Николай: «В вашем народе спокон веков, к сожалению, мерзавцев было много... Как и в нашем, и в любом другом. За то, что еврей – мерзавец, его можно и должно не уважать. Но в еврейском народе должен вторично родиться Мессия. Поэтому я не могу говорить: все вы, евреи, такие, как Дима Бирман. Вот он – именно урод!»

Конечно, когда эта рукопись будет оформлена и издана отдельной брошюрой, большую часть тиража (а он реально не превысит 50-ти штук) лично разошлю по адресам: Путину, Никитину, Панову, Шевченко и прочим государственным деятелям. Так что – с поклоном из Иерусалима!

P.S. Чует моё сердце, что читателю одной этой тетрадки будет маловато. Но хочется переключиться на что-то хорошее, доброе. А то за три недели работы над материалом в такой воннице искупался, что вначале пойду и окунусь в микву, потом помолюсь у Стены Плача.

Сброшу скверну с души и с Превечным далее пойду по дороге «Сказов». Так-то лучше. Это мы, Господи, слава Тебе, нашему Творцу и Защитнику!

30 декабря 2017 г.
Иерусалим.

Дина Ратнер

«ТО, ЧТО СТРАШИТ, ТО ВОЗДАСТ НАМ РОК...»

(Отрывок из романа об Ибн Гвиrole).

Что человек, как не прах земной, с другой стороны – он образ и подобие Бога. Сколько бы я ни уговаривал себя сделать сверхусилие и подняться над своей телесностью – преодолеть материальность, измучившая меня давнишняя хворь парализует желание жить. Я устал от постоянного страха приступов боли. Устал и от непонимания, враждебного отношения коллег по перу. Нет отклика моим мыслям, я словно в пустоте, я ничто. «Всё суета, – сказано в Экклезиасте, – нет выгоды человеку от всех дел, над которыми он трудился под солнцем». И тут же приходят на ум придающие жизни смысл и таким образом, спасающие от безнадежности слова наших мудрецов: «Под солнцем – в мире переходящем нет выгоды, а над солнцем – в мире вечном есть выгода. Если человек ограничивает себя многострадальным и быстротечным земным существованием, жизнь его лишена смысла».

Чтобы отвлечься от боли, стараюсь вспомнить что-нибудь хорошее в моей жизни. Возвращаю видения детства. Вот мы с отцом на берегу моря вглядываемся в далекий, едва различимый горизонт, где вода смыкается с небом. Или идем по тропинке в гору среди нагретых солнцем сосен; струящийся живительный воздух, запах смолы, пение птиц. Впереди холмы, покрытые виноградниками, дальше темный густой лес и светящиеся снеговые вершины гор. Мы вбираем в себя это великолепие, растворяемся в нем. И я мысленно повторяю за отцом: «Дивны деяния Твои, Господи...»

Не помню, было ли то на самом деле или мне только привиделось: я с мамой иду по нескончаемой черной степи, вокруг ни деревца, ни кустика. Время от времени из-за облаков проглядывает краешек луны, и степь начинает белеть в её свете. Мы с мамой одни, но мне не страшно, я ощущаю свою причастность ночному светилу и этому бесконечному пространству. Должно быть, это и есть космическое религиозное чувство. Кто-то ещё, глядя в таинственное, манящее лицо луны, почувствует ничтожность своих желаний и целей.

Наблюдая чудесный порядок в мире природы, усилием воли пытаюсь преодолеть границу своего материального существования и приобщиться к Мировой Душе, освобождающей от страданий и соединяющей с Первоосновой бытия. Боль отступает, и снова возрождается желание оставаться в этом мире, где столь совершенные законы природы не могут существовать без Творца, создавшего их. Возвращается и сознание своей сверхзадачи – познать непознаваемое.

При всех измышлениях ума тоска по сопричастности, сердечные переживания нас волнуют не меньше. Подобно всякому мужчине, я не могу относиться равнодушно к мужу недавно встреченной сеньоры, ибо он занимает мое место. Невольно мерцает надежда: она полюбит мои стихи и меня. Если это и случится, то не раньше, чем в другом, новом воплощении, и тогда мы не разойдемся в разные стороны – каждый в свою жизнь; она – к мужу, а я – к своим писаниям, которыми мысленно делюсь с ней. Радость союза мужчины и женщины – это, главным образом, духовное единство. Мы будем вместе: двое как один. Не в наших ли мудрых книгах написано: «Пусть сердце твое будет весело... Иди туда, куда влечет тебя твоё сердце, куда устремлены твои взоры...» Кончается это напутствие словами: «...и будь уверен, что за всё это Господь вызовет тебя на суд Свой». (Козлет 11:9). Я не боюсь суда, потому как помыслы мои чисты.

В минуты воскресшей надежды вспоминается юношеское нетерпение, когда становилось невмозможным сидеть за книгами, и я спешил выйти из дому, уповая встретить ту, что станет единственной в моей жизни. Однако не находил я отклика в глазах идущих навстречу прелестниц, они улыбались, но не мне. Мне же только и оставалось – в стихах избыть свою неприкаянность.

Моя песнь подталкивается заботой,
Моя радость – стоном.
Когда вижу улыбку, мое сердце
плачет о моей погубленной жизни.
Друг мой, неужели подобает
плакать о дне смерти шестнадцатилетнему
юноше, который должен увлекаться детскими
забавами и сиять румянцем щек?

«Царская корона». Пер. В.Н.Нечипуренко

Случалось, я забывался, и надежда змеей заползала в сердце – желаемое брало верх над действительностью. В такие минуты я смотрел на себя в зеркало, и то, что видел в нем, отрезвляло меня. От ощущения безнадежности спасала страсть к знаниям, она помогала преодолеть горести, сиротство души. Кто-то из античных философов сказал: «Человек – это то, что он ест». Это неправда. Человек – это то, о чем он думает. Я разделяю по этому поводу мнение Сократа: «Мудрец, питаюсь хлебом и водой, состязается в блаженстве с Зевсом».

На жизнь я зарабатываю писанием стихов на заказ по случаю семейных торжеств, чаще приходится сочинять печальные элегии по умершим родственникам. Мог бы зарабатывать больше и снять удобное жильё, но на устройство быта жалко времени.

Не хочу отвлекаться от своих занятий, делавших меня причастным постижению вневременной мудрости; чувство взлета, прозрения не может сравниться с погоней за материальным благополучием. Свою дорогу к звездам и выше я осознал ещё в отрочестве:

Ценнее нет мудрости в мире, и я бы
глубоко себя презирал, если бы
сердце моё мудрость отвергло,
и слизню подобно, я бы ползал
за успехами жизни.

Пер. С. Парижского

Я всё про себя знаю: нетерпимый, резкий в общении, ссорюсь даже с теми немногими, кто проявляет ко мне интерес. Неудержимое желание говорить то, о чем думаю, невозможность идти на компромисс всякий раз возвращают меня к самому себе, к обособленности от окружающих. Зато «врата мудрости, неприступные для сынов народа моего, широко раскрыты предо мной». В минуты прозрения, предощущения переключки мыслей в веках, благодарю Создателя за дух, стремление к постижению, за то, что «я есть!»:

Я даже до рожденья своего
Твоею был любовью окружен,
Ты сотворил меня из ничего
И жадный рот мне вырезал ножом.

Кто плоть мою в сосуде замесил?
Кто в грудь мою горящий дух вселил?
Кто мое тело смерил и отлил?
Кто подарил мне зрение и слух?

Кого я в сердце вечно берегу?
Всей мудростью обязан я кому?
Я – только глина на Твоем кругу,
Во всем Тебе подвластен одному.

Не утаив греха ни одного,
Я пред Тобою стою, преображен,
Ведь даже до рожденья своего
Я был Твоей любовью окружен.

Пер. В.Лазариса

«Ты бы на землю спустился, хватит в облаках долю свою искать – там мир бесплотных духов», – высмеивали мои чувства и мысли друзья-поэты. Советовали обратить свои помыслы на конкретные, практичные заботы, или потратить время в поисках заказов на написание хвалебных од, благодаря которым можно приобрести друзей, опять же за них хорошо платят. «Ведь сколько радостей можно купить за деньги, не живи отшельником, – настаивали они. – Что с тобой будет потом?» Потом со мной будет то же, что и со всеми. Ну, а за деньги можно купить всего лишь радости плоти, что на земле, разум же пребывает на небесах:

К высотам небес устремлен мой путь,
И среди светил и созвездий
Я свой шатер воздвиг...

Я и в элегиях, которые заказывают родственники человека, ушедшего в лучший мир, стараюсь воплотить его душу. Прежде чем засесть за эту работу, подобную труду каменотеса, вырубającego надгробие, выясниваю у наследников о характере, поступках покойного. Ищу в жизни того, кто уже не с нами, пусть даже не реализованный, но высший смысл – идею, поднимающую над повседневностью.

Помню, с каким отдохновением писал элегию на смерть в Вавилоне в тысяча тридцать восьмом году последнего Гаи – Гаона, интерпретатора Талмуда. В отличие от многих, он не был догматиком; его принципы применяются согласно обстоятельствам текущего времени.

Будучи также верховным судьей Сурской и Пумпедитской академий, мудрец обладал и судебными полномочиями. Изучал весь круг тогдашней учености и на все богословские вопросы смотрел глазами философски просвещенного человека; считал, что правду следует воспринимать от всех, не исключая иноверцев и даже язычников; истина универсальна и не может принадлежать к какой либо отдельной культуре.

Арабы называли Гаона «мутекаллимом», то есть ученым. Рассказывают о его удачных диспутах с мусульманскими философами.

Блестящий логический ум! Я воображал мудреца воплощением Божьей справедливости, о которой грезили одинокие в пустыне еврейские пастухи, вглядываясь в звездное небо над головой. Именно одним из этих блуждающих пастухов я представляю себя в предыдущем воплощении.

Гаи-Гаон считал, что древние мистики и пророки «вовсе не восходили на небеса, но видели и созерцали чертоги своего сердца». Другими словами, он говорил о внутреннем видении, об осознании и проявлении высшего «Я» человека.

Взаимодействие между Абсолютом и физическим миром мудрец описывал в категориях двадцати двух букв еврейского алфавита и десяти сфирот, составляющих космическое древо жизни. Этот подход получил признание в вавилонской традиции прошлого века.

Будучи не только первоклассным ученым, но и литератором, последний духовный лидер еврейского народа почитался в Персии, Египте, Испании. С его смертью «отсечен рог – слава и почет Вавилона, бывшего царем всех стран».

Так случилось, что мой стих на смерть столь прославленного Гаона затмил даже элегию Шмуэля ха-Нагида. Самого непревзойденного ха-Нагида! Я помню восторженные рассказы отца о мудрости и дипломатических способностях Шмуэля ха-Нагида, который стал знаменитым царедворцем.

Что я – одинокий, нищий, больной, по сравнению с одаренным судьбой сановником? Он покровительствует наукам и искусствам, делает щедрые пожертвования еврейским общинам, синагогам, библиотекам, и известен во всех мусульманских странах. Зато в стихах я взял реванш! «Здесь я краса всех тех, чьи сердца жаждут мудрости тайны...»

Я князь,
а стих – мне раб...
И песнь моя –
как венец для царей.

Мы в сегодняшний день несем всё, что пережили вчера. Сознание своих творческих возможностей, мысли о том, что удача и слава ещё впереди, сменялись депрессией, ощущением бессилия, пустоты. Вот и сейчас не хочется выходить из дому, сгорбившись, втянув голову в плечи, сижу у жаровни с дотлевающими углями.

Невольно вспоминаю о том, что не был я признан в Сарагосе шумными коллегами по перу; они вовсе и не коллеги, а противники, досаждающие своими советами, что «не так живешь, не о том и не так пишешь».

Ну да, я в своих стихах обращался не к ним, а к воображаемому читателю; писал о своих настроениях, изливал душу по поводу нашего тысячелетнего изгнания, не только физического, но и духовного.

Большинство из тех, кто окружал меня, воспринимают поэзию как ремесло по созданию красиво оформленного произведения, которым можно любоваться, не особенно вдумываясь в его смысл. Ругали меня все вместе – дружно в один голос.

Я как-то прочитал под видом своего отрывок из стихотворения «Приглашение на пир» Дунаша ха-Леви бен Лабрата, который был учеником Саадии Гаона в Багдаде, а затем, с середины прошлого века, поселился в Испании и жил при дворе Ибн Шапрута в Кордове. В авторитете прославленного Дунаша никто не сомневался. Настроение признанного поэта созвучно моему; для него также развалины на Святой Земле привлекательней красот и изобилия Испании. В его строчках горечь изгнания и неуместность веселья и вина, когда у нас нет родины и «Господень Храм врагу принадлежит».

Он мне сказал: «Мой брат,
Проснись и пей вино,
Пока цветет гранат
И фиников полно.

Мы будем есть щербет
И чаши поднимать,
Которым счета нет
И дна не увидеть...»

По ходу чтения я пропускал некоторые строфы, дабы слушатели не догадались, чьи они. И вот ответ поэта на приглашение друзей предаваться веселью:

Но я ответил: «Срам
Тому, кто пьян лежит,
Когда Господень Храм
Врагу принадлежит!

Твои слова глупы,
И что с тебя возьмешь:
Твои глаза слепы,
И мыслей ни на грош.

Божественный Закон
Тобою позабыт,
Ты счастлив, а Сион
Весь лисами разрыт.

И как мы можем пить,
И как глаза поднять,
Когда нам негде жить
И негде умирать!»

Пер. В.Лазариса

Последние строки вызвали у коллег-стихотворцев дружные обвинения в пессимизме. Когда же я сказал, что это стих Дунаша ха-Леви, веселая компания смутилась, но ненадолго, а затем все пришли к решению, что пока человек в этом мире, он должен наслаждаться всеми радостями жизни и не оглядываться назад, на землю, которая давно не наша. На это я заявил, что свою судьбу не отделяю от галута, и прочел недавно написанные строки:

Есть у всего конец, но нет
конца у зла.
Несчастиям моим и ранам
нет числа.

Судьба меня в галут,
в изгнание занесла,
и в грязь, и в тяжкий труд,
как вьючного осла.

Нет лодки, чтоб уплыть,
и нет в руке весла,
и Божьей Воли нет,
чтоб наш народ спасла...

Пер. Эрнста Левина

Не только этот, но и следующий мой стих на тему изгнания также не вызвал одобрения у собратьев по перу. Для меня же тоска по утраченной родине, неприкаянность души на чужбине – упование будущего, когда народ станет в Израиле единым, свободным и снова окажется хозяином своей судьбы.

О бедной пленнице молю я,
Боже мой.

В Сионе рождена, она
в стране чужой.

Взята врагами в плен
и сделалась рабой,

Страдать обречена
безжалостной судьбой.

Когда же Элия – пророк
и вестник Твой,

Благую весть неся,
Вернет её домой...

Пер. Эрнста Левина

Меня снова обвинили в плаксивом настроении, занудстве. Но о чем же нам писать, как не об изгнании в настоящем и надежде на будущее. Обвинили и в том, что пренебрегаю естественными отношениями – любовью. Это правда, у меня нет опыта отношения с женщинами. Наставляли: «Если человек любит Бога, большинство других страстей уместны и ведут к добру – к веселью и радостям плоти. А от твоего уныния и соблазнов разума ничего хорошего не будет». Мне бы смолчать, или объяснить, что мой аскетизм вынужденный. А то, что они называют «соблазнами разума», ничто иное, как следование наставлениям наших мудрецов о том, что приобретенные естественные и метафизические знания готовят душу к будущему миру. Короче, всё больше раздражаясь, я стал доказывать свою правоту и наговорил всяких дерзостей.

В очередной раз, ругая себя за невоздержанность, утешался тем, что, несмотря на все напасти, могу оставаться со своими мыслями, трудами, с тем, чему отдаю жизнь; человек конечен, мысль бесконечна. О том же говорил царь Соломон, мудрость которого вне времени: «И увидел я, что нет ничего лучшего, чем радоваться человеку делам своим, ибо это доля его» (Козлет 3:22).

Ну, а что до того, что мой образ жизни и философские воззрения чужды окружающим, так ведь не было согласия между иудеями и тысячу лет назад. Саддукеи не верили в бессмертие души и потому предпочитали заботиться лишь о своем земном благополучии. При этом насмехались над фарисеями, которые не страшились разных лишений, уповая на возвращение души к Богу.

(Продолжение следует)

Надежда Болтянская

Московская поэтесса Надежда Евгеньевна Болтянская (1963-2015) успела выпустить при жизни четыре небольших сборника стихов. Пятый сборник вышел уже после ее смерти и включал в себя в основном не публиковавшиеся ранее тексты. У Болтянской не так много журнальных публикаций, она не удостоивалась престижных премий, о ней не писали известные критики, о ней не судачил литературный цех. Отчасти это можно объяснить тем, что она не стремилась активно участвовать в литпроцессе и бороться за призовые места, как это сейчас принято у столичных литераторов. Шутка ли – у нее даже не было страниц в социальных сетях и на литературных сайтах. По нынешним временам – нонсенс. Но это факт. Самопиар был ей совершенно чужд. Главным своим делом она считала написание стихов – таких, которые останутся после ее смерти, заинтересуют читателя, обратят на себя внимание литературной общественности.

Тяжелая болезнь не позволила Болтянской прожить еще и написать все, что она хотела. Но уже сейчас можно с уверенностью утверждать, что поэтессу не забыли. Напротив – о ней публикуются статьи, готовится литературоведческая монография по ее творчеству, ее стихи появляются в газетах и журналах. И многие критики, прочитав эти материалы и почесав затылок, теперь недоумевают: «Как же мы раньше не обратили на нее внимание?» Однако отрадно, что такие вещи в нашей стране, все больше отдаляющейся от литературы, еще случаются. Жаль, что сама Надежда Болтянская этого не видит; но остается надеяться, что она все это предвидела.

Игорь Панин

В ДРЕМУЧЕЙ СВЕЖЕСТИ НОЧНОЙ

* * *

Тени рыб в голубом заливе,
Стекловидны тела медуз.
Чуть колышется ветвь оливы,
Лёгкий бриз навевает грусть.

Наползая на гальку змеем,
Еле слышно шипит прибор.
Небеса всех небес синее,
Опрокинулись надо мной.

* * *

В полнолуние снятся тревожные сны,
Утро жуткие шорохи слышит;
Вылезают из гнезд фавориты луны,
Вурдалаки – летучие мыши.

Их пронзительный писк все сильнее и сильнее,
Тени крыльев огни закрывают,
Притаились гадюки меж мокрых камней
И вервольфы в лесу завывают.

А наутро исчезнут и ужас, и мрак,
Вурдалаки попрячутся в щели,
И луна нам подаст свой таинственный знак
Только через четыре недели.

КОНЕЦ ЯНВАРЯ

Ёлку разобрали,
Угол опустел.
Ох, глаза устали,
Вроде не у дел.

Надо бы проститься.
Как нам дальше быть?
Хочется тряпичей
Зеркало закрыть.

* * *

Я из породы длиннокрылых,
Боюсь зимы и белых вьюг.
А значит, время наступило
Лететь на юг.

Ориентируюсь по звёздам
В дремучей свежести ночной,
И возвращаться к стуже поздно
Не мне одной.

Чем путь южнее, тем больше света,
И я, теряя звёздный клад,
Спою невзрачные сюжеты
На новый лад.

* * *

Мне не смешна извечная игра –
Ведь я ещё зимой не насладилась,
Не надышалась, снегом не умылась –
И вот весна, как чёрная дыра.

Ах, это слишком – слишком много света,
Зрачки от синевы исчезли – нету!
Как в обруче чугунном голова.
Опять весна, а я ещё жива!

* * *

Не играет пастух на своей трубе,
Тёмный шорох в моём окне.
Хочешь, я что-нибудь расскажу тебе,
А потом ты расскажешь мне.

Отгремели литавры былых времён,
Я теперь уж совсем не та.
Я тебя так люблю, ты в меня влюблён,
А всё прочее – суета.

Тихой музыкой слов я тебя найду,
Расскажу что-нибудь ещё.
Я когда-нибудь в синюю даль уйду,
Всё держась за твоё плечо.

* * *

Год лошадей иссиня-вороних
Рождает слабый, вымученный стих.
Замёрзшие цветы кричат о свете,
Пожары, снег и войны на планете.

Горят сто ватт. Мой труженик уснул.
Как слабый фон, далёкой стройки гул.
Красотка улыбается с обложки.
На суетной душе скребутся кошки.

Заплакать, что ль? Гордыня без конца,
Подайте ж лошадь с красного крыльца!
Не вялую, не клячу, не больную –
Ту самую, иссиня-вороную.

* * *

Спрячься в норку, как барсук,
И читай плохие книжки.
Мне вдаваться недосуг
В эти глупые страстишки.

Пища скудная дана
Размышленьям на диване.
Я – одна и не одна,
Словно капелька в фонтане.

* * *

Мы в этом мире новосёлы,
И жизнь любая хороша.
Собаки, кошки, мухи, пчёлы –
У них, конечно, есть душа.

Цикличных жизней наважденье –
Как буквы в имени моём,
И буду в новом я рожденье
Стрижом, а может, воробьём.

* * *

Слабой свечки мерцанье,
Звон беспомощной льдинки,
Тонких крыльев касанье
Иль разрыв паутинки,

Комариная плёнка
Над застывшей водой –
Это лепет ребёнка,
Нерождённого мной.

* * *

До утра порой не спится,
Скорпион – пурга – ноябрь...
Думала поймать синицу,
Оказалось, что журавль.

Стая – клином, стая кличет,
Призывает птичья стая.
Он курлычет и курлычет,
Но не хочет улетать.

ОТКУДА ПРИХОДИТ СЧАСТЬЕ?

Сириллу Флейшману посвящается

Что он – самый несчастный человек на свете, Яков Перельман понял, когда ему минуло пятьдесят. Он налил стакан кипяченой воды, выпил залпом, и этот стакан был символом Чаши страданий, которую ему пришлось и придется испить. Потом повернулся к Андрею Нелюбо, своему шурину, и продолжил прерванную фразу:

– ...поэтому, милый мой голубчик, вы хорошенечко подумайте прежде, чем что-то говорить о евреях.

– Да чего же здесь думать, Яков Эдуардович?! – Нелюбо поднялся на голом ухабистом матрасе, где лежал, укрывшись старой кроличьей шубой. – Здесь и думать нечего! И так всё предельно ясно: миром правят евреи!

– А вы всё же подумайте, Андрей Викторович, – Перельман грохнул стакан на подоконник, отчего вздрогнули шаткие стекла в разношенной раме, – подумайте хорошенько.

– Нечего тут думать, – ответил Нелюбо.

– А вы подумайте, – повторил Перельман.

Андрей Викторович отвернулся к стене и притворился, что не слышит. Яков Эдуардович отвернулся к окну и сделал вид, что ничего не замечает.

За окном мело, и в зияющие щели между створок пробивались холодные джины голубого зимнего воздуха. Температура в квартире не слишком отличалась от уличной, но Якову Перельману это нравилось, потому что к холоду он давно привык. Привык он и к своей квартире, где кроме двух небольших комнат, холодильника, обеденного стола да пары хворых табуретов не было ничего, и где желтые дрянные обои, вдоль и поперек исписанные авторучкой, говорили об увядании и нищете. За окном мело, и метель приносила с собой грустные мысли. Метель жалобно выла, поскуливала, и Перельману хотелось выть вместе с ней, потому что всё было хуже некуда, потому что ушла от него жена, потому что у него нет здоровья и денег, потому что в жизни бывает время, когда хочется немного повыть.

А тут этот неугомонный шурин, еще более нищий, чем он, которого Перельман приютил у себя и который вот уже несколько месяцев досаждал ему, как...

– Нет, это никуда не годится, – вздохнул Перельман и отвернулся от окна.

– Что не годится, Яков Эдуардович? – очнулся Нелюбо.

– Ваши домислы по поводу еврейского заговора никуда не годятся, мой котик.

– Нет, Яков Эдуардович, не могу с вами согласиться, – ответил Нелюбо и сел на матраце, прислонившись спиной к стене и плотнее закутываясь в шубу.

– Придётся, дорогой мой, придётся! – Перельман опустился на диван, набросил поверх ватного пуховика шерстяное одеяло и серьезно посмотрел на Нелюбо. – Вот вы, Андрей Викторович, утверждаете, что евреи правят миром. – Перельман опустил запотевшие очки на кончик носа. На этот манёвр Нелюбо ответил контратакой, всколыхнув рукой прядь седых волос на крупной лысеющей голове. – А между тем, – продолжал Перельман, – с вами живёт еврей, вернее, вы, котик, живёте с евреем, который ни в каких заговорах никогда не участвовал. И даже более того, всячески их избегал.

– Ага, стало быть, заговоры-то были! – обрадовался Нелюбо.

– А то, голубчик, вы не помните, – гнул Перельман, – как ваша кровная сестрица, которую я любил и которой был предан с юности, наняла одного очень невоспитанного молодого человека, чтобы он прибил в тёмной подворотне вашего покорного слугу?

– Как не помнить? Помню, – вздохнул Нелюбо, – только причём тут евреи и мировой заговор, я, Яков Эдуардович, никак не пойму.

– А притом, – сказал Перельман, снял очки и протёр линзы краем одеяла, на что Нелюбо ответил резким выпадом левой ноги на холодный крашеный пол, – притом, что если бы я был заговорщиком мирового масштаба, я бы как-нибудь да ответил на этот её крайне радикальный и неблагородный поступок.

– Да что вы всё о себе да о себе, Яков Эдуардович! – взвился Нелюбо. – Вы во двор выйдите, поглядите, что там творится! Кругом евреи! У власти – евреи! В кафе – евреи! По радио – евреи! Даже в магазинах, и там – евреи! И вы после этого говорите, что никакого заговора нет!

– Вы знаете, котик, – Перельман грозно хрустнул костяшками пальцев, – я отказываюсь понять, что вы с вашим копеечным заработком дворника делаете в магазинах и тем более в кафе.

– Вы знаете, Яков Эдуардович, – Нелюбо уверенно высморкался, – я там провожу изыскательное следствие и только утверждаюсь в своей гипотезе.

– Вы знаете, котик, – Перельман расстроено покачал головой, – это диагноз.

– Вы знаете, Яков Эдуардович, – Нелюбо обстоятельно откашлялся, – диагноз – это ваше неверие и слепота.

– Ах, котик, котик... – вздохнул Перельман.

– Ах, Яков Эдуардович... – передразнил Нелюбо.

Так проходили тёмные зимние дни, в которых, кроме долгих, бесконечных стенаний охрипшей на морозе метели и долгих, бесконечных споров, не было почти ничего. Рано утром Нелюбо уходил на работу. Уходил, с шумом закрывая за собой дверь, и каждый раз Перельман просыпался, посылая безмолвные проклятия вслед

своему шурина. Нелюбо возвращался ближе к вечеру и с порога приветствовал Якова Эдуардовича очередной грубой колкостью, от которой Перельман обязательно заводился и вступал в новый диспут, хотя и понимал весь его абсурд. В другое время Перельман ходил по квартире, слушая стон ветхих половиц, или же шёл прогуляться в парк. В эти минуты ему было нечем себя занять, поэтому Перельман строил планы. Планы были большей частью фантастические, и это Перельману нравилось, потому что помогало отвлечься, ведь не воплощённый в жизнь смелый план куда приятнее, чем приземлённый и бытовой, который тоже вряд ли когда-нибудь осуществится.

Жена покинула его, забрав с собой детей и вещи, переехала в другой город и теперь жила в таких условиях, которым не позавидовал бы сам Перельман. И вроде бы он должен был радоваться – слишком много горя принесла ему эта женщина, но он страдал. И страдал больше, чем в те смутные, беспроглядные двадцать лет, которые провёл с ней. Страдал за неё и за детей, за молодость, полную надежд, за мечту в лучшее. Ему хотелось что-то изменить, и он тут же менял это. Из сидящей коренастой старухи с хищными, цепкими глазами жена превращалась в девушку, нежную, хрупкую, которая часто просила его принести ей кузнечика или сверчка, а когда он исполнял просьбу, смеялась и называла его настоящим охотником. У неё были тонкие кисти и простое, красивое лицо. Она была молода, и Перельман тоже вдруг становился молод. Пропадали боли в спине, сутулость, проходила одышка. Перельман расправлял грудь и кричал что-то громко; она смеялась, закрывая уши. Перельман шутил, говоря, что способен оглушить своим криком, своей силой и молодостью даже самого стойкого боксера, но тут появлялся Нелюбо и всё портил.

– Яков Эдуардович, возвращаясь к нашему спору, скажу, что история знала много случаев кровавой расправы над еврейством, и Холокост – далеко не единственный инцидент. И это всё очень плохо, но что такое Холокост в сравнении с миллионами обманутых и погибающих в нищете землян (да, да – землян!), когда кучка евреев захватила...

И так далее, и в том же духе.

Перельман хватался за голову и прятался от шурина в соседней комнате. Нелюбо повышал голос и настигал родственника даже за плотно прикрытой дверью.

Наконец Перельман сдавался и отвечал Нелюбо из-за стены отборной словесной шрапнелью. На что Нелюбо откликался редкими выстрелами, поджидая удобного случая, чтобы зарядить разом из всех крупнокалиберных орудий. Так продолжалось изо дня в день до самой ночи, и иногда Перельман засыпал на табурете в соседней комнате, а Нелюбо, принимая его молчание за свою победу, тихо торжествовал. Утром он снова громыхал входной дверью, уходя дворничать, а Перельман снова чертыхался и молил

Бога о том, чтобы этот надоедливый украинец если не покинул земную обитель, то хотя бы покинул его, Перельмана, жилище. Но когда Нелюбо не вернулся в своё обычное время, к семи часам вечера, Перельман немного забеспокоился. Пробило одиннадцать, и беспокойство переросло в лёгкую панику.

Бывало и раньше, Нелюбо задерживался где-то по причинам, о которых потом долго, увлечённо рассказывал, вызывая у Перельмана очередные вспышки раздражения, которые он так невинно скрашивал своей проникновенной вежливостью. Но одиннадцать часов – это не шутка. Особенно в большом зимнем городе, где у старика Нелюбо нет родных, кроме Перельмана, и нет друзей, кроме Перельмана.

Яков Эдуардович подошёл к окну и долго смотрел в ночную пропась, где загадочными фантомами темнели кривые деревья, где плавали в тусклом свете фонарей усталые снежинки, и чувство одиночества налетело на него вместе со сквозняком, вместе с ледяным уличным воздухом, проникающим в пустую комнату сквозь щели, и Перельман вдруг почувствовал, что ему холодно, холодно даже в пуховике, который он носил не снимая, холодно оттого, что ему идет шестой десяток, а у него ровным счётом никого и ничего нет. Он прошёлся по комнате, вышел в коридор, посидел на кухне, греясь у плиты – на ней то цвели, то увядали голубые бутоны горящего газа. По серым, нечистым стенам бродили пятна синюшного цвета, и кухня вдруг преобразилась, поплыла, а вместо нее проступило что-то тяжёлое, душное, дремучее, и Перельман начал медленно опускаться, хватаясь руками за воздух, и чем ниже он опускался, тем труднее было вдохнуть, и он подумал, что, наверное, так и приходит смерть, что та влага, которую он чувствует на своём лице и не может смахнуть, это слезы, что нет на свете более жалкого существа, чем умирающий в слезах старик... Но вдруг где-то наверху, в синюшной непроглядной тьме, послышался шум, чьи-то невидимые руки схватили его за плечи и рванули вверх с такой силой, что Перельман тут же очнулся.

– Я вот что думаю, Яков Эдуардович, – сказал Нелюбо, с подозрением глядя на Перельмана, – надо нам с нашими разговорчиками завязывать... Собственно, евреи не такие уж и плохие люди, если смотреть на каждого из них в отдельности, я это хотел сказать.

Перельман младенцем взглянул на шурина.

– Кто? Евреи? Евреи – хорошие люди? – спросил он, приходя понемногу в себя. – Да что же вы говорите, дорогой мой?! Евреи – ужасные люди! И я, я самый ужасный из всех евреев, потому что позволил вам, котик, так долго задержаться. Нет, не говорите, ничего не говорите. Сядьте-ка лучше и выпейте чашечку горячего чая из чайника, который ваш покорный слуга поставил на плиту целую вечность назад...

Анна Креславская

МАНДЕЛЬШТАМ

Куда ты, один, ребёнок?
Там лес до небес и тьма.
Там плачет луна спросонок
И глухо вопит сова.

Куда ты, щегол, проказник!
Там лагерь и Колыма.
Спешишь, ротозей, на праздник?
А вместо него – чума.

Да – бреда беда, да – бездна.
За посох, что взял, не спросив,-
И кости твои исчезнут,
И вещей строки курсив.

А пыль – это тоже – Камень,
Измученный за века,
И звёзд первозданный пламень,
И даже... поэт в облаках...

И ты вспоминаешь слово,
Забытое навсегда,
Найдя его, как подкову,
За совестный дёготь труда.

Того, кто с веком сражался,
И равному не убить.
Стиха виноградное мясо
Тебе удалось пригубить.

Дверными звеня кандалами
В подъездах чумных эпох,
Посмеешь остаться с нами –
Расхожий чертополох. –

Ты всё не устал метаться:
За спичкой жилья, житья
И жечься ещё и рваться
Стежкам твоего шитья!!!

Стигийские бьются птицы
О Дантовых дисков стан.
И клетка пуста! Клубится
страницы морской туман.

ГОРОДА

из моих стихов о голландии можно составить реестр моих интересов
но все же эта страна никак не станет моей
это только в сказках бывает знаете ли вот привез принц принцессу
на родину и стала эта родина матерью ей

а мне наверное никогда не станет родной чужбина
мне даже моя родина матерью не была никогда
это не жалоба это просто такая судьбина
в чем-то родными были мне только некоторые города

вот как мой запорожье по-прежнему рифмующийся с бездорожьем
или убогий сандерленд с бурлящей морской сединой
или ньюкасл в нагромождении камней и мостов безбожном
или льер словно чайка вечно плачущая надо мной

но и они как родимый мой антверпен и двоюродный брюгге
помаячили и растаяли звонкой льдинкой в моей душе
вспоминаю я о флоренции как о близкой своей подруге
и с любимым йорком было бы счастье хоть в шалаше

помню как меня увозили из золоченой осенней севилии
я плакала расставаясь с ней словно с родной сестрой
как мадрид с саламанкой мне объятья свои раскрыли
лиссабон вливал в мои вены праздничный свой настой

и лилась дворцовая музыка с неба где-то на берегу луары
и друиды сгрудились возле камня под деревом в сен-валер
и прозрачная нерха пела канте хондо и стонали ее гитары
и конечно я помню в облачке тонкой пыли парижской сквер

эдинбург мой с портретом ахматовой и собором святого жилия
промозглая венеция мерзнущая в ризах зимней поземки
ах скажите неужто и там мои предки когда-то жили
неужели они в потемках признали во мне потомка

а еще ведь была и прага был краков и вроцлав старинный
и восковая кордова где я точно жила когда-то
а в берлине я тоже вспомнила старую унтер ден линден
и как по ней проходили наполеоновские солдаты

о мои города белоснежный убитый мой севастиополь
и роскошный хотя и жестокий для меня иудейки рим
я бреду как всегда по харлему странницей одинокой
вдоль реки и каналов города притворившегося родным

ЗИМНИЙ СОН

и как теперь искать тебя в саду
где виснут облака на каждой ветке
в полночном полусне-полубреду
вдоль мерзлых листьев сумрачной расцветки
бреду беседка в зазеркалье тихий пруд
в котором ил густой и запустенье
тебя вовек живые не найдут
среди земных теней твоей нет тени
ты странник заблудившихся времен
тебя ведут в неведомое предки
ты где-то здесь везде со всех сторон
где виснут облака на каждой ветке

* * *

какая смелая зима
ни седины ни страха смерти
стоят конвертами дома
и я одна в своем конверте
но кто заслал меня сюда
к реке с янтарностью древесной
молчит озябшая вода
и адресаты неизвестны
ужель отправила сама
туда где сроду не читали
витиеватости письма
с шероховатостью печали
без мачты весел и ветрил
сквозь предначертанные реки
листок оторванный приплыл
к листку другого человека
здесь зеленеет влажный куст
зима есть время размышлений
к родным сердцам отсюда рвусь
из плена праздности и лени
щеглом у спаса на крови
цветком засушенным в конверте
предзимьем в отблесках любви
ни седины ни страха смерти

* * *

Золотые нежные вериги
старческого сытого житья...
Снятся мне оставленные книги –
Книга Жизни, Книга Бытия...

* * *

за потерянным раем не факт что немедленно ад
говорят там за краем не пули шальные свистят
не взрывается сердце на тысячи мелких кусков
но бредет спотыкаясь бредет умирая любовь
там никто не узнает что не рельсами катится жизнь
там седая река изрекаемой непререкаемой лжи
там бесслезное поле лежит в безвоздушной распятой дали
косяком в никуда все надежды и боли земные ушли

за потерянным раем уже ни растерянности ни тоски
не от страха но от безысходности там все глаза велики
и хотя холодны но легки струи рек по которым плывет человек
потому что прощает
прощается с нами навек

ХАРЛЕМ

на своей усталой паутинке
раскачался паучок слегка
серости не занимать картинке
и в глаза катит зимы тоска
веники-кустарники виденья
северных карикатурных лет
завершенного произведенья
в этой жизни не было и нет
все покрыто мокрой пеленою
даже одичавшие цветы
и зима вполне родня с войною
ставит все у гибельной черты
дремлют студенистые каналы
зеркалом извилистым река
поселилась даже у причала
вместо лодки зимняя тоска.
городок от кочки до пригорка
снится сам себе и бредит он
девушка стоит в своей каморке
и читает важное письмо
то ли тихий образ веры реет
над голландской речкой и мостом
то ли улыбается вермеер
то ли рембрант рябь морщин перстом
по воде как по лицу лелеет

Яна-Мария Курмангалина

НАКАНУНЕ

* * *

дождь проточный пункт конечный
за туманным молоком
ветер встречный крест аптечный
темнота под козырьком

дремлет сонное посконье
ткуются те же времена
чем далече в подмосковье
тем суровой тишина

мокнут спички по привычке
ноги месяц глинозем
зеленеют электрички
от трехгорки до вязем

провисает мокрой ватой
небо холодом бодря
от огня до черной хаты –
середина ноября

* * *

а что б хотелось видеть мне в раю
наверно эту комнату мою
в гармонии привычного уклада
где теплый воздух влагой напоен
и лес шумит и топчется район
на ближнем расстоянии от мкада

где поезда бегут – не сосчитать
в которые садиться и читать
закладывать страницу лентой узкой
смотреть на птиц в осенней синеве
мечтать поехать в город на неве
но снова приезжать на белорусский

и не считать как дни сменяют дни
но вспоминать о близких как они
живут какие ангелы и черти
им видимы в миру какая высь
привносит свет в их собственную жизнь
которая не ведает о смерти

* * *

к вечеру задумчив и рассеян
свет на небе вспухшем как безе
проступают в сырости осенней
первые симптомы орз
скоро белым высыплется тальком
колкий снег из чаши голубой
но пока раскатывает гальку
в легких назревающий прибой
но пока промозглый обнуленный
парк спадает с темного лица
и гуляет в речи воспаленной
первая больная хрипотца
и под аркой сумерек под коркой
от теней древесных полосат
стынет мир и прячется трехгорка
с головой в туманный конденсат

* * *

подмосковное небо
затянуто корочкой льда
колупнет ее ветер –
из ранки сочится вода
не мерцает звезда
и волхвы не толпятся у кассы
где рутинное время
задумчиво тянет шлею
нам осталась неделя –
свою протоптать колею
в супермаркет куда
к рождеству завезли ананасы
мы твои одиночки
мы сами себе сомелье
мы достанем бокалы
мы будем крошить оливье
запакуем подарки
до блеска начистим посуду
установим звезду
пусть на елке мерцает она
пусть мерцает она
и тогда ты уйдёшь от окна
чтобы мы на мгновенье
и сами поверили в чудо

* * *

они не разговаривают год
он ей не друг не враг не антипод
скорее мир впечатанный в сетчатку
все так же делят общую кровать
кто первый разучился целовать
кем изначально брошена перчатка

никто не помнит он глядит в проем
окна и заглушает вискарем
молчание густеющее между
где бьется ровно сердце под рукой
где он ее лирический герой
она его последняя надежда

последний стих последняя глава
где время есть (кружится голова
от запаха имбирного печенья)
сплотившись в ожидании гостей
обнять так быстро выросших детей
заехавших к родителям в сочельник

* * *

у подъезда светится ларёк
что ты ходишь вдоль и поперёк
по усталой тихой комнатёнке
дети спят и выдохлись коты
дремлют в углубленьях темноты
только ты здесь рыскаешь в потёмках
серебрится проседь на висках
у подъезда – осень и тоска
ты молчишь и думаешь о том как
лодка разбивается о быт
и звезда с звездой говорит
завершаясь в нынешних потомках
что ж не мучай светлое чело
вам двоим не нужно ничего
всё что было – брошено на ветер
уйди из этой скукоты –
впереди такие же коты
и тоска и будущие дети

* * *

окунувшись в хмурое ненастье
в мелкую предутреннюю взвесь
осень замигает и погаснет
в электронном поле GPS

пронесется черная машина
за туманом фарами горя
распряжится сжатая пружина
снежного глухого декабря

там где время хрупкое ломаясь
от земной отделится коры
чтобы снова течь не изменяясь
до такой же будущей поры

где зима врывается без стука
и опять высчитывают дни
призрачные летчики фейсбука
вечные зеленые огни

* * *

иногда ты мне снишься призраком из картины
отдаленным эхом воздухом паутинным
где танцуют пылинки солнечным каротином
и случайное слово кажется волшебством

мне тогда неважно будем ли были есть ли
в настоящем времени в том молчаливом если
тяготеющем к жизни где ты иллюзорней пресли
выдыхающего из музыки рождество

иногда ты мне снишься тенью вечерним бликом
на примятом снегу еле слышным но все же криком
я тогда становлюсь чуть жестче темнее ликом
и господь засыпает не обнимая нас

золотых детей беспокойных и нерадивых
промотавших время в отзвуках и мотивах
возвращаясь стихами песенным рецидивом
merry christmas baby you sure did treat me nice*

* *Веселого рождества, детка. Ты устроила прекрасный праздник*

Виктор Скоробогат

* * *

Не иссушит корней
Время жёлтой метелью –
Маму мамы моей
Называли Рахелью.
Из фанеры жильё –
(Так друг друга и греем!) –
Там, где мужа её
Нарекли Моисеем...
Старый дом без крыльца
И капуста в подвале –
Там, где маму отца
Розой все называли,
Там, где нет ни конца
Ни начала баракам –
Там отца у отца
Нарекли Исааком...
Там, где Бог и уют,
Где тепло, как в утробе,
Мне на идиш поют
Мои бабушки обе.
И одной на двоих,
Взяв лишь пулю с собою,
Оба деда моих
Расплатились судьбою...
Жаль, что жизни их не
Отольют на скрижалях...
Время лечит, но мне
Так мучительно жаль их!
На краю бытия
Снова вижу их лица –
Я родился. Ведь я –
Я не мог не родиться...
Не расскажут псалмы,
Как, скрещённые с глиной,
Вместе связаны мы
Все одной пуповиной...
И живу с запасным
Сердцем в левом кармане,
Я – доподлинный сын
Александра и Фани!

* * *

В этом городе нет ни дорог,
Ни мостов, ни привычного быта –
Я его рисовал и, как мог,
Я выдавливал жизнь из графита...
Городской неприметный пейзаж:
За окном – всё столбы и овраги...
Затупился простой карандаш –
И повисли дожди на бумаге...
В этом городе нет ни огня,
И дома утонули в тумане,
И живут в нём, не веря в меня,
Нарисованные горожане....
В этом городе – свет-полумрак,
В нём закат перемешан с рассветом –
Объясни мне, любимая, как
Оказалась ты в городе этом?!
Я смотрю на тебя, не дыша,
И лежит деревянный огрызок –
Не хватило мне карандаша,
Чтобы город мой стал тебе близок...
Ты живёшь на бумаге – и что ж? –
Я надеюсь, затерянный всуе –
Если вдруг ты меня позовёшь,
Я себя в уголке дорисую!

* * *

Душе хватило капли влаги,
Чтобы она перетекла
С обратной стороны бумаги
На эту сторону стекла...
Всего лишь капли, чтоб капелью
Наполнить мир, себе под стать,
И что-то скрыть за акварелью,
Чтоб явным тайному не стать...

* * *

Немой приход стиха,
Как женщина – внезапен:
Предчувствие греха
И на душе – царапин.
И страх, и боль, и стыд,
И к виселице тяга...
И мучиться велит
Проклятая бумага!

ПОСВЯЩЕНИЕ СОСНЕ

Мне этой ночью было не до сна –
всю ночь я слушал, как поёт сосна.
На хвойной, на невидимой волне
сосна мне пела песню о войне.
И песни этой слышал я слова,
они рождались прямо из ствола,
из лап её тяжёлых, из корней –
на свете песни не было грустней...
И как ту песню не переиначь,
но то была не песня, то был плач –
сосна горячей плакала смолой,
как будто враг пилил её пилой...
Как будто память встала к ней лицом:
как огненным охвачена кольцом,
она стояла там, где шла война,
и на огне сгорали семена...
И вот уже четвёртую весну
война врастала кольцами в сосну,
и крона тяжелела от свинца –
не видно было той войне конца.
И плакала сосна, дыша едва,
как баба, ка солдатская вдова...
Но вырвался росток – «войне конец!» –
из чёрных четырёх её колец!

* * *

Собран строго по ГОСТу,
И по СНИПу вполне,
Приближаюсь к погосту,
Что положен и мне.

И с оценкою «отл»,
С подтверждением «ок»,
Я почти отработал
Гарантийный свой срок.

Я морально старею,
Вместо фазы – земля,
Я свою батарею
Разрядил до нуля.

Ничего не заныкал,
Свет в душе сохраняю.
Нажимайте на «выкл»,
Заземляйте меня!

ПОЕЗД

Вдохнёт железная машина
свинцовый воздух привокзальный –
и впереди как бы стихийно
мигнёт сигнальный.

И гул разбавив тишиною,
начнёт движенье скорый поезд,
и рельсы строчкою сплошною
напишут повесть.

В движенье мерном и пологом
с сюжетом, выветренным паром,
январь опустится прологом
к колёсным парам,

и сердце станет биться чаще
под звуки стыков запоздалых,
и отразится снег скользящий
в глазах усталых...

Какими ни были бы рейсы,
не обойтись нам без напутствий –
пусть лентой Мёбиуса рельсы
продолжат путь свой...

И сквозь узор застывших линий
замечу вдруг, открыв окно я,
что машинист в фуражке синей
похож на Ноя.

* * *

Это первая степень свободы –
Черновик разорвать на клочки,
И услышать грунтовые воды,
И вместить мирозданье в зрачки...

Это первая степень побега
От судьбы и себя самого –
Вдруг ослепнуть от первого снега,
И прозреть в тот же миг от него...

И не важно – во зло иль во благо
Будут слёзы катиться со щёк –
Жизнь порву на клочки, а бумага –
А бумага потерпит ещё!

Ханох Дашевский

ИЗ ЕВРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Иегуда-Лейб Гордон (1830-1892)

БОЖЬЕ СТАДО

Вы спросите: кто мы? Какого извода?
Народ ли, не хуже любого народа?
Кем видимся мы? Может, крепкой общиной,
Собранием преданных вере единой?
Открою вам тайну – лукавить не надо:
Ведь мы не народ, не община – мы стадо.
Как скот, предназначенный в жертву, вервями
Опутаны мы – и алтарь перед нами.
Покорны судьбе и покорны страданию,
Как Божии овцы восходим к закланью.
Лугов нам не ведать и зелени сочной:
По воле мудрейших мы связаны прочно.
Ни пастбищ привольных, ни вдоволь осоки –
Но любят погонщики тук наш и соки.
Стригут нашу шерсть и вчерашнее пойло
Нам щедро вливают в корыто у стойла.
В открытой ветрам каменистой долине
С младенческих лет нас пасут – и доньине.
Мы стадо в безлюдье, мы скот на просёлке:
С обеих сторон осаждают нас волки.
Мы там, где не слышно ни вопля, ни зова.
Ведь мы – отвращенье для рода людского.
До края дошли и толпимся над бездной.
Над медью пустыни – свод неба железный.
Но мы – скот упрямый: мы твёрже металла.
Крепка наша выя и кровь не устала.
Дубильщики кожи не справились с нами,
Голодные звери давились костями.
И если скитанье наш дух не гасило,
Умрёт ли надежда, иссякнет ли сила?
Уклад нашей жизни нас предал забвенью.
Мы бродим по миру пугливою тенью.
В плену наши души – и судим предвзято,
И любим себя, не болея за брата.
И нету спасенья, и всюду преграда –
Ведь мы не народ, не община – мы стадо.

СЕСТРИЦА РУХАМА

Что загрустила, сестрица Рухама?
Есть ли под небом сердце без шрама?
Что на щеках твоих розы увяли
Так, словно пальцы их чёрные мяли?
Если возрастает всё, что греховно,
Ты ль насаждала, ты ли виновна?
Не осквернили твоей позолоты
Те, кто излил на тебя нечистоты.
Встань же, разгладь поскорее морщины –
Скорбные знаки, наследье кручины.
Нет на тебе ни бесчестья, ни срама –
Тебе ли стыдиться, сестрица Рухама?
Кто кровью твоею испачкан – ответит!
Так Авеля кровь лоб Каина метит.
Пылает клеймо, знак позора не спрятан:
Он в кожу убийцы навеки впечатан.
А ты свои раны по миру упрямо
Неси, не склоняясь, сестрица Рухама!
Неси, не стыдясь, свою тяжкую долю.
Мы вместе с тобой устремимся на волю.
Встань и пойдём: ни спасенья, ни чуда
Мы не дождёмся... Скорее отсюда!
От злобного воя, от гнусного хама...
Воспрянь же душою, сестрица Рухама!
Встань и пойдём! Материнский непрочен
Дом наш, и кровью порог оторочен.
Не будет нам здесь надёжного крова –
Пойдём же туда, где примут любого.
В приюте гонимых*, вдали от бедлама
Рассвета дождёмся, сестрица Рухама!
Встань и пойдём! Даже в день непогоды
Там согревает сиянье свободы
Всех, угнетённых наветом и ложью,
Всех, сотворённых по Образу Божью.
Там ты посмотришь честно и прямо
Миру в глаза, сестрица Рухама!

*Стихотворение написано после погромов, прокатившихся по Российской империи в 1881-82 г.г. Приют гонимых – Америка.

Шмуэль-Лейб Гордон (1867-1933)

У НАДГРОБЬЯ НЕВЕСТЫ

Стоит со мной рядом, и словно живая,
В глаза мои взором глядит голубиным;
Молчанье... Лишь роща шуршит вековая,
И сладким напевом звенит соловьиным.
И светлая россыпь – жемчужин крупницы –
Всё так же на обличье светится юном;
Взлетает, сияя, и к ней на ресницы
Спускается вновь отражением лунным.
Лишь ветер подует – и чёрные пряди
На лоб ей ложатся крылом воронёным.
Вздымаются волны в чарующем взгляде,
И сердце плывёт в этом море бездонном.
Лучом к её чистым устам приникая,
Ей месяц с теплом и участием внимает;
Целует её – и меня утешая,
Дрожащую руку мою обнимает.
И лунному сердце подвластно объятью –
Душа семикратным заполнена светом;
И вместе с блистающей звёздною ратью
К высотам стремится, любовью согретым.
Но стонут печальные арфы страданья,
И лишь соловьи не смолкают, ликуя.
Не этот ли образ – гранит изваянья,
Красу ледяную в себе унесу я?
На облик любимой смотрю я угрюмо,
И в сердце потухшем не слёзы, но камни.
А роща полна неумолчного шума,
И песня прощанья в округе слышна мне.
Доносится стон, в грудь мою проникая,
И сердце становится мягким, как глина.
Что это за стон? Не душа ли живая,
Как эхо разбитого плачет кувшина?
И гаснут неяркие жёлтые блики:
Луна в облаках наплывающих тонет
С печатью страданья на сумрачном лике –
И только душа безутешная стонет.
Довольно! Ни возгласы горя, ни стоны
Нам стати её не вернут лебединой;
Пусть струны притихшие скрипки влюблённой
О жизни поют среди ночи пустынной!
Мерцание гаснущих звёзд на рассвете,
Багряное солнце, волнение нивы,
Журчание вод, ароматы соцветий

Поэтический перевод

И утренних птичьих напевов изливы –
Все прелести мира! Куда вы пропали?
Чьи чёрные тучи светило затмили? –
И певчие птицы умолкли в печали,
И скорбные лилии стебли склонили.
Кто был тот безумец, преддверие ада
Открывший бездумно навстречу сиянью?
Кто высушил свежесть весеннего сада?
Кто предал красу и любовь поруганью?
Как ягод созревших тяжёлые гроздья,
Вином молодым её очи пьянили;
Она ненадолго пришла, словно гостья,
И ей черепки на глаза положили.
Теперь отдыхай от нужды и от боли
В пристанище вечном! Забудь всё, что было!
С тобою останусь и я: в этом поле
Души моей мёртвой и сердца могила.

Яков Фихман (1881-1958)

ГОД БЕЗ ТЕБЯ

Год без тебя. Ты дремлешь там, в могиле,
И ты не можешь знать в своей глуши,
Что слёзы мир морщинами покрыли,
И не найти в нём места для души.
Год. Снова осень сумрачною скрипкой
Звучит над морем, гонит облака
Куда-то вдаль, над хмурой глубиью зыбкой,
И будит песнь – но песнь моя горька.
О, если б ты могла узнать во мраке,
Что помню я твой облик, как живой, –
Созвездья расцвели бы в зодиаке
От нежных слов, не сказанных тобой.
Недолго длится краткий день осенний,
И дней весенних слишком мал букет,
Чтоб все плоды дозрели – и сквозь тени
От сердца к сердцу не проходит свет.
Я вспомню всё. И пусть мне тускло светит
Моя свеча – но в сердце торжество.
Я позову тебя, и мне ответит
Шуршанье платья – платья твоего.
И в полночь, озарённый звездопадом,
Душой приникну к твоему огню;
И вспомню я, что ты все годы рядом
Была со мной – и слёз не пророню!

Переводы с иврита

СЛОВО О ДРУГЕ

Мы знали о существовании друг друга, но ни повода, ни возможности познакомиться не было. Фигура известного израильского историка и философа была мне очень интересна.

Но не зря говорю, что здесь выполняются мои самые заветные желания. Так было и в этот раз. Неожиданно раздался звонок. Неожиданный с лёгкой картавинкой голос иронически спросил председателя Иерусалимского отделения СП Евгения Минина. Представился и Дудаков. Ему нужен был телефон какой-то писательницы – не помню. Я дал – у меня большая база данных израильских писателей. Затем в трубке наступило молчание – Дудаков, видимо, искал повод продолжить разговор.

– А не думаете ли вы, что можете оказаться потомком Козьмы Минина, освободителя России (кстати, один из любимых исторических героев Савелия).

– И не сомневаюсь – моментально среагировал я. – У меня даже книжка есть, изданная Воениздатом в 1951 году.

– Ой, я очень хотел бы посмотреть эту книжку, – заинтересовался Дудаков.

– Хорошо, завтра завезу.

Так произошла эта историческая встреча. Упоминание об этой встрече я нашёл и в архивах Дудакова. Вот как её с тонкой иронией описывал он:

Мне везет на удачные знакомства. Надо же быть случаю, что меня просили из Хайфы разыскать номер телефона некоей критикессы. Длинной цепочкой телефонных звонков я напал на Председателя Земного Шара, иначе говоря, на Председателя Союза Иерусалимских литераторов. И вправду, кто будет спорить с фактом, что город Давида не столица мира!

Председателя зовут Евгений Минин. Фамилия, столь знаменитая, что каждый останавливается на ней. И фамилия еврейская. Итак, Гражданин Минин переступил порог моего дома. Мы подружились, ибо Евгений покладистый и добрый человек, оказывающий помощь страждущим бумагомарателям. Графомания – национальная еврейская болезнь (и я не исключение), но видит Бог, это не самый большой порок нашего века...

Я привёл в порядок компьютер Саввы, которым он владел не очень уверенно. А, увидев невероятное количество глав из будущих книг, понял, что должен быть рядом возле этого гениального человека с гениальной памятью и добрым сердцем, в котором было место каждому, на которого падал прищуренный взгляд этого статного человека.. Мы оказались очень схожи характерами в любви к книгам, кошкам и собакам, что определило крепость нашей дружбы. И я на долгие времена стал редактором и издателем интереснейших книг Савелия Дудакова.

Книга Савелия Дудакова «Из личного архива» завершает задуманное автором пятикнижие – «Ленинь», «Каисса и Вотан», «Шафиров и другие», «Книга веры и безНадежности». Каждая из перечисленных книг имела свой ареал и отличие от предыдущей. Не является исключением и эта книга. В ней девять глав, с разными векторами информации – от солдат-евреев в Первой Мировой войне до воспоминаний о своих иерусалимцах-современниках, обустроивавших святой город.

И, конечно же, Дудаков не будет Дудаковым, если он не бросит кость антисемитам и филосемитам. Чисто философская первая глава «О еврейском уме и характере» породит как сторонников мнения, изложенного в главе, так и ещё большее количество недоброжелателей. Хотя обвинять автора в ангажированности не представляется возможным – поскольку там собраны в единое целое цитаты и выдержки людей не еврейской национальности. Под рентгеном оказываются великие имена – от Бенджамена Дизраэли до Генриха Гейне, от Баруха Спинозы до Карла Маркса. Но разобраться и проанализировать эту объёмную массу информации предстоит читателю. Хочется верить, что он с ней справится.

У Дудакова не существует понятие «время», текущее от нуля по вертикали вверх. Плоскость приложения размышлений Савелия – МИР, именно в таком написании, поэтому для Дудакова он горизонтален и даёт возможность окинуть взглядом и проанализировать систему развития человечества и еврейства, в частности, оценить их взаимодействие и взаимовлияние.

Не секрет, что идеи и материалы из книг Дудакова растаскиваются и интерпретируются историками разных рангов, множество прилипал используют выкладки Савелия в своих работах без всяких ссылок на оригинал.

Показательно, как гипотеза Дудакова о еврействе Екатерины I во многих книжных источниках стала трактоваться как непреложный факт, что говорит о профессиональном уровне иных популяризаторов истории.

Мир Дудакова не ограничен временными и территориальными рамками, но равнодушие к современным событиям заставляет его как историка-философа высвечивать вещи, послужившие источниками возникновения сиюминутных сегодняшних острых политических проблем.

Потрясающие факты антисемитизма в царской русской армии приводятся в первой и самой большой главе книги «Русские евреи на фронтах Первой Мировой войны». Одно сочетание этих двух слов у многих вызовет язвительную улыбку, хотя в нынешнем Израиле это привычное словосочетание.

Как не привести цитату из разговора великого Герцена с кучером: *«...Видите, набрали проклятых жиденят с **восьми-девятилетнего** возраста. Во флот, что ли, набирают – не знаю. Сначала было их велели гнать в Пермь, да вышла перемена – гоним в Казань. Я их вёрст за сто; офицер, что сдавал, говорил: “Беда, да и только, треть осталась на дороге” (и офицер показал пальцем в землю). “Половина не дойдёт до назначения”, – прибавил он».*

Как говорится – без комментариев.

Кто-то из «великих» деятелей написал трактат «Двести лет вместе». Двести лет вместе и таким образом? Надо отдать должное автору этой книги – по максимуму он старается упомянуть тех, кого нет в живых, но о ком надо помнить каждому еврею. А уж какие разные ипостаси в главе о возникновении и развитии грузинской государственности и истории возникновения фирмы «Чай Высоцкий»!

Но исторический метод, применяемый профессором Дудаковым, показывает аналогию разных временных явлений применительно к развитию человеческой цивилизации.

И, конечно, главное – в центре дудаковского мира стоит человек, вокруг которого, как планеты вокруг солнца, вращаются события, определяющие вид нашей цивилизации.

Солдаты Первой Мировой, женщины, так или иначе внёсшие свой вклад в гармонию мира, иерусалимские художники и градостроители: Дудаков старается, чтобы эти люди получили сполна всё, что им причитается, – почёт, уважение и нашу память.

И, конечно, для человека-Дудакова, для иерусалимца-Дудакова не менее важно рассказать о своих современниках-друзьях, оказавших влияние на его мировоззрение, тем самым говоря, что историк живёт не в вакууме своих идей и гипотез, а находится в реальном мире, а время для него – просто материал, как глина для гончара.

Хаим Маринов, Яков Сорокер, Соломон Могилевский, без сомнения, не более знамениты, чем французские или немецкие философы, и тем не менее – это тоже дудаковский мир, который безграничен и равноценен.

Роль историка – всё расставлять на свои места, что и делает в своей книге «Из личного архива» Савелий Дудаков. Прекрасно написал о своём друге профессор из США Михаил Голубовский, выделив малоизвестные для рядовых обывателей моменты, отмеченные Савелием:

Дудаков окончил филфак Герценовского института, однако по специальности работать не пришлось. Причины ясны из его письма (август 2000 г.) писателю Фридриху Горенштейну: «С ранней юности я твердо решил никогда не играть с советской властью в поддавки. Посему никогда не был комсомольцем, а тем паче партийцем. Никогда не был ни на партийном, ни профсоюзном или на ином собрании. Никогда не ходил на демонстрации. Посему мог существовать только в тех областях, где до меня не могла дотянуться ИХ рука.. Я с 18 лет кормил семью из четырех человек, работая чернорабочим, грузчиком и в тому подобных малопривлекательных профессиях... попутно работал шахматным тренером» (выделено С.Д.). С середины 1960-х гг. Дудаков стал активистом сионистского движения, соавтором обращений к властям о свободе эмиграции в Израиль. Борьба была затяжная, опасная и самоотверженная. В 1970 г. наиболее горячие «отказники», отчаявшись законно вырваться из клетки, решились на угон небольшого самолета из Ленинграда в Швецию. Это не удалось (КГБ знал о плане заранее) и закончилось резким усилением репрессий. «ИХ рука» дотянулась и до Дудакова – последовал тяжелый шестичасовой допрос в КГБ (Большой дом на Литейном). Однако на сей раз пронесло, и в 1971 г. удалось эмигрировать.

Безусловной личной заслугой Екатерины II историк назвал уничтожение в государственной прессе и документах презрительного слова «жид», начиная с указа от 10 марта 1785 года (в Польше и соседней Украине этот термин – обычное в языке именование евреев).

Благородные воспитатели Лагарп у Александра I и поэт Жуковский у Александра II привили царским отпрыскам гуманистические и либеральные идеи. Однако волею судьбы императором неожиданно становился человек типа Александра III. Идут споры, как совместить его армейские повадки и недалекость ума с трезвой государственной политикой (известная оценка С.Ю. Витте). Характерная деталь, приводимая историком, – ответ Александра III на известие о начавшихся погромах: «В глубине души я всегда рад, когда бьют евреев. И все-таки не надо допускать этого». Удивителен размах мер по стабилизации положения в стране: в период Александра III министром внутренних дел М.Д.Толстым суду были преданы свыше 5000 погромщиков!

В этом аспекте личность Николая II предстает как анемичная, а его государственная деятельность во многом близорука. Дудаков приводит текст записки по еврейскому вопросу, которую П.А. Столыпин 10 декабря 1906 г. подал царю. В ней сказано о единогласном решении Совета министров, что «коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести», исходя из государственных соображений, следует отменить некоторые «не оправданные обстоятельствами времени наиболее стеснительные ограничения». Николай II не внял своему премьер-министру, сославшись на свой «внутренний голос». Это, с одной стороны вызвало массовую эмиграцию евреев в Америку в начале XX века, а с другой – толкнуло активную часть еврейской популяции в стан революционеров, борцов с самодержавием. В его падении они утопически видели торжество социальной справедливости и полное решение еврейского вопроса в России. Государственная близорукость Николая II несомненна. Дудаков приводит высказывание В. Розанова после отречения царя: «Все царствование было печально. И даже не печально, а неудачно. Неудача бы ничего. Было упорство в неудаче. И вот это была настоящая беда». Это не исключает личной честности Николая II. Когда он 1905 г. прочитал ПСМ, то вначале восхитился – «какая глубина мысли, не может быть сомнения в их подлинности». Но Столыпин провел секретное расследование и доложил, что ПСМ – полицейская фальшивка. Тогда Николай II наложил известную резолюцию: «Протоколы изъять, нельзя чистое дело защищать грязными способами». Благодаря этой позиции царя никаких ссылок на ПСМ не допускалось даже во время драматичного процесса М. Бейлиса.

В династии Романовых Дудаков проследил причудливое сочетание филосемитизма и антисемитизма. Многие мемуаристы и историки сходятся на резко отрицательной оценке облика и деятельности великого князя С.А. Романова. «При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере, я не могу ее найти», – пишет великий князь Александр Михайлович о своем родиче. Заняв в 1891 году должность генерал-губернатора Москвы, С.А. Романов организовал газетную кампанию с призывами «Москва ожидовела», «Евреи захватили все в Москве» (инвариантная терминология, только Гитлер затем вместо Москвы поставил Германия). В 1891 г. из Москвы в одночасье было выселено более 30 тыс. евреев. Это деяние воскресило в XIX веке массовые депортации евреев в средние века. Сходные акты были повторены уже в большевистской России. По тому же сценарию внутренних врагов при коллективизации были выселены в Сибирь миллионы крестьян. В 1935 году из Ленинграда выселили одновременно 39 660 «внутренних врагов» – в этом случае «буржув». Лишь случившаяся смерть Сталина помешала повторению московского сценария – массовой депортации евреев из городов на поселения или в лагеря.

Другой великий князь Константин Романов (1858-1915) слыл благородным человеком, рафинированным интеллигентом, талантливым поэтом, меценатом искусств. Он достойно нес обязанности Президента Академии наук. По его инициативе в Академии было создано отделение изящной словесности, куда в числе первых были избраны Л.Н.Толстой, А.П. Чехов, В.Г. Короленко, А.Ф. Кони, П.Д. Боборыкин. Но и здесь Дудаков описывает парадокс. В 1904 г. произошел громкий служебный конфликт. К. Романов был в то время главой военно-учебных заведений России и предложил законопроект о недопущении туда крещеных евреев. Против выступил тогдашний министр просвещения Г.Э.Зенгер (латинист, профессор Варшавского университета). Он резонно заявил, что если евреи несут военную службу в качестве нижних чинов, то нет оснований препятствовать им в достижении офицерского звания. Законопроект был отозван, но потом Зенгер поплатился портфелем министра. А великий князь К.Романов издал секретный циркуляр о запрете приема. Это, по оценке историка, была уже практика расового антисемитизма. Своего рода предтеча «пятого пункта» и секретных циркуляров КПСС...

Дудаков умел быть прекрасным другом и любил собирать у себя в квартире друзей. А наша пятничная компания с кинорежиссёром Михаилом Каликом, внуком С.Я. Маршака – Алексеем Сперанским, с бизнесменом Иосифом Рябым, полковником в отставке Ефимом Гринбергом, коллекционером Александром Годовичем...

У меня с моим другом Савелием Дудаковым, умнейшим человеком в Израиле, был такой обычай – нет-нет, не оплёвывать друг друга подобно как в стихотворении Дмитрия Кедрина, – а именно по пятницам завтракать вместе под бутылочку фирменного коньячка.

Тосты были стандартны – первый за дружбу. Второй и третий – друг за друга, четвёртый – за жён, его и мою.

– Если б не они, то где бы были мы, – произносим мы с Саввой одновременно.

Пятый, последний – за наше опереточное королевство, так Дудаков шуточно называл нашу страну.

Но в тот день Савва предложил шестой тост – выпить за эпитеты.

– Причём тут эпитеты? – удивился я.

– Знаешь, мой дорогой друг, что издавна эпитеты объединяли Россию и Израиль?

– ????

– Францию называли прекрасной, Англию называли старой и доброй, а Россия и Израиль имели общий эпитет – Святая Русь и Святая Земля! Так выпьем же за эти прекрасные эпитеты!

И мы звонко чокнулись рюмками!

Прощай, святой Савва!

Савелий Дудаков

Из «КНИГИ ВЕРЫ И БЕЗНАДЕЖНОСТИ»

Дневниковые записи

Все-таки мы мало знаем еврейскую историю в России. Поговорим о самых крупных дельцах прошлого. О баронах Гинцбургах, Штиглицах и Габлицах – крещёных и некрещёных – писано много. О Высоцком – писано, о Бродском – тоже, и Поляковы, и Блюх, и банкир «Митька» Рубинштейн, брат великой балерины Иды Рубинштейн, – и о них кое-что тоже написано. В эмиграции Ида поддерживала Игоря Стравинского, заказывая ему музыку. Итак, Ида связана с двумя гениями: Валентином Серовым, которому она позировала для знаменитого и скандального портрета, и Игорем Стравинским, высоко ценившим её вкус... Или вот выкрест, финансовый гений **Игнатий Порфирьевич Манус**. Он родился в Бессарабии в 1860 году. Образование получил в классической гимназии. Сразу стал заниматься коммерцией. Служил в качестве агента по финансовой части в правлении Сызранско-Мариинской и Самаро-Оренбургской железной дороги. Один из главнейших держателей акций Путиловского завода. Автор блестящих работ по финансовому и банковскому делу. Его перу принадлежит капитальный труд «Министерство финансов за последние 25 лет». В сборнике статей, собранных под названием «Политические, экономические и финансовые вопросы последнего времени», можно найти следующее: «У нас теперь чуть ли не каждый пишет о финансовых вопросах. Курьёзнее всего, что часто лица, пишущие с апломбом о финансовых вопросах и авторитетно излагающие свои не то советы, не то приказы, во всей своей жизни не заработали личным трудом, как практикой или посредством финансовых комбинаций, ни одной копейки». После русско-японской войны проанализировал финансовую и экономическую сторону развития России до и после войны. Работа не увидела свет, ибо выводы, которые сделал финансист, задевали сильных мира сего. Следует добавить, что А.И. Путилов был учеником и другом С.Ю. Витте. Также он был другом Мануса. Но это не спасало всесильного министра от нападков Мануса, критиковавшего того за бюрократический принцип работы. Думаю, что это не совсем справедливо – бюрократия, в правильном понятии слова, вещь необходимая, по крайней мере, для России. Манус дослужился до звания действительного статского советника (1915г.), затем он был директором правления товарищества Петроградского вагоностроительного завода; членом совета Сибирского торгового банка; акционером и кандидатом в директора правления общества Юго-Восточной железной дороги; крупным акционером Санкт-Петербургского международного банка (11225 акц.), сотрудником газеты «Гражданин» (*псевдоним «Зелёный»*).

Последнее не украшало его: быть в обществе князя Мещерского – небольшая честь. Правда, следует сказать, что князь-антисемит в конце жизни ратовал за еврейское равноправие и категорически порицал подстрекателей дела Бейлиса, не без основания считая, что это позор России.

Что же касается Мануса, то я имею честь быть знакомым с его племянницей, Нонной Львовной, живущей в Израиле. Она дочь младшего брата Мануса, который, естественно, не крестился. Она живо интересуется жизнью дяди, находится в переписке с ленинградским историком Гессеном и Публичной библиотекой. Интересна история моего знакомства с этой замечательной дамой. Моя дочь Анна – заведующая музыкальной библиотекой Тель-Авивского университета, чрезвычайно богатой фондами, которые постоянно пополняются добровольными пожертвованиями. Нонна Львовна пригласила Анну в свой дом и просила принять в подарок ценную библиотеку своей покойной дочери, известной пианистки. Разговор шел на иврите, и каждая из «высоких договаривающихся сторон» даже не подозревала, что они могли бы говорить по-русски. Вдруг Нонна Львовна заговорила о своем дяде и спросила Анну: слышала ли она о нём? Моя дочь сказала: «Я – нет, но папа – наверняка». Тотчас же перешли на русский и позвонили мне. Естественно, я знал «кое-что» о дяде Нонны и довольно бойко пересказал его биографию. Племянница Мануса была удивлена...

Но не об этих китах разговор.

Изобретатель **Т.М. Крейнгель** родился в 1863 году в местечке Ширвиндтахе Виленской губернии. Семья бедная, поступил в ремесленное училище, по-видимому, в Виленский ОРТ, где учился два года. В 20 лет переезжает в Петербург, работает три года на различных заводах. В 1886 году изобрёл карманную швейную машину! Был удостоен медали на промышленной выставке. Ему протянул руку помощи московский фабрикант Давид Иванович Морозов, брат Саввы, и при его помощи был основан завод по производству швейных машин и велосипедов в России. До этого был лишь заграничный ввоз. Крейнгель в 26 лет стал директором-распорядителем производства.

Затем он перебрался в Вильно и основал там большую фабрику, продолжая заниматься изобретением в области керосино-бензино-калийного дела. Его продукция покупалась по всей империи и даже за границей – в Египте, Персии, Турции. На фабрике работало 300 человек. За свою продукцию на различных выставках получил семь золотых медалей.

Занимался большой благотворительностью в Вильно, состоял членом Императорского Технического общества. Следы талантливого предпринимателя теряются во время войны и после революции.

Одним из отцов русского табачного производства был караим **Яков Мойсеевич Айваз**. Родился в 1861 году в Крыму. Учился в Керченской гимназии. Окончив её, переехал в Петербург – караимы имели полные права жительства в империи. Айваз начал работать на табачной фабрике своих родственников «Братья Шапшал», где до 1886 года был управляющим папиросным отделением. В 1887 году совместно с неким Мориесом основал гильзовую фабрику в Петербурге. Входил в дирекцию машиностроительного завода «Перро Мино». В 1897 году основал завод, где трудилось 200 человек рабочих на изготовлении папиросно-набивных, гильзо-мундштучных и табакоделательных машин. Ежегодно росло производство и экспорт в Австро-Венгрию, Швецию, Сербию, Данию, Германию, Бельгию, Италию, даже в Англию и США, в Японию, Египет и Китай. За свои изделия завод дважды получал награды на выставке новейших изобретений. Следы Айваза теряются после Гражданской войны.

Один из крупнейших экспортёров риса в России был еврей **Григорий Иосифович Бекенсон**. Он родился в 1860 году в Минске в семье лесопромышленника. Получил домашнее образование. В 20-летнем возрасте управлял делами отца, в свою очередь бывшего крупным лесопромышленником в Северо-Западном крае. Затем отделился от отца и открыл свое собственное дело. В 1889 году переселился в Баку, открыл там рисоочистительный завод для переработки риса из персидского сырья. В этой новой для России области промышленности достиг хорошего результата и стал крупнейшим экспортёром риса на внутреннем рынке. В 1899 году выстроил керосиновый завод в Чёрном городе и занялся производством очистительных масел и нефтяного топлива. Постепенно расширяя производство, Григорий Иосифович в 1900 году построил второй керосиновый завод. Затем к нему перешли заводы, хранилища и технические сооружения для обработки нефти, ранее принадлежавшие известной английской фирме «Олеум». В 1902-м учредил акционерное паевое общество под названием Торгово-промышленное товарищество Григория Бекенсона. А затем следы талантливого промышленника теряются.

Вероятно, евреям принадлежала торговая фирма «Ж. Блок». Торговая фирма специализировалась на распространении в России технических усовершенствований и изобретений. В 60-е годы XIX века распространяла швейные машины, в 70-е – американские весы «Фербэнкс», в 80-е – велосипеды, пишущие машинки «Ремингтон» и множительные аппараты «Ронео», в начале XX века – счетные машинки (*арифмометры*) «Бруневич». В Русском Туркестане вели торговлю хлопкоочистительными машинами. В 1897 году фирма преобразована в паевое товарищество, в 1904 году за высокое качество поставляемой продукции удостоилась звания поставщика Двора Его Императорского величества».

В 1913 году балансовая стоимость имущества фирмы была свыше пяти миллионов рублей. Правление находилось в Москве на Мясницкой ул., д. Строгановского училища. Состав правления не вызывает удивления: **И.В. Блок, В.Р. и Ю.Р. Гиршфельдт, К.В. Крамер, И.Ф. Эйхенвальд.**

Евреи-золотопромышленники занимали выдающееся место в истории промышленной добычи драгоценного металла. Обычно называют барона Гинцбурга, владельца Ленских приисков. Среди уроженцев Сибири, потомков сосланных евреев или евреев-кантонистов, выдающееся место занимал **Яков Давидович Фризер**, родившийся в Забайкалье, в городе Баргузин в 1869 году. («Эй, Баргузин, пошевеливай вал, молодцу плыть недалечко».) Образование получил домашнее. В 14 лет с отцом уехал на золотые прииски в Баргузинский округ. В 1884 году (!) из-за болезни отца вступил в дело. Начал работать в должности младшего конторщика, в коей пребывал в течение двух лет. Благодаря сосланным народовольцам, большинство которых были людьми высокоинтеллигентными, получил хорошее образование и много занимался чтением, давшим ему разнообразные знания во многих областях. В 1888 году по его инициативе в Баргузине открыта первая общественная библиотека, в которой он состоял секретарем с 1888 по 1896 г.

В 1894 году были открыты богатейшие золотые прииски на берегу реки Витим. В 1898 году в самом глухом и недоступном месте, за порогами реки Каролины были открыты богатейшие залежи драгоценного металла. Они получили мировую известность как Каролинские прииски. Годовая добыча составляла до 40 пудов золота! В течение двух лет была проведена дорога, построены церковь, школа, большая больница и несколько десятков благоустроенных домов для рабочих и служащих, проведен телефон (!) и проделан ряд других работ для удобства работающих. В 180 верстах от прииска, на реке Парме заведено образцовое сельское хозяйство, вблизи приисков расчистили место для участков под сенокос. С открытием Каролинских приисков началось постоянное сообщение между Забайкальской областью и Олекминско-Витимской тайгой. С 1899 года Фризер проводил постоянные геологические исследования и всегда был пионером этого дела. Благодаря ему организованы поиски золота на берегу Охотского моря (у порта Аяна) в 1906 году. По системе Чарн и Жуи – в 1908 году. В 1911 году – по реке Виллюй.

Кроме практической работы, Яков Давидович Фризер написал ряд книг: «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды», «Статистико-экономический очерк Каролинских приисков», «Номенклатура счетоводства на золотых приисках», «Такса урочной и поденной платы на золотых приисках», где он рассказал о своей личной деятельности и участии в золотом деле.

После открытия Каролинских приисков Фризер переселился в Иркутск, где занялся и широкой общественной деятельностью. Принимал участие в различных совещаниях: по вопросу путей сообщения, о нуждах рыбопромышленности, в комиссиях городской думы. Он собрал группу из местных рабочих и служащих для организации акционерного общества с целью проведения узкоколейной железной дороги из Иркутска в Жигалово. При его участии составлены подробные проекты этой дороги. Был инициатором открытия Иркутской биржи. Состоял членом ученых комитетов Государственного Волжско-Камского и Русско-Азиатского банков. Кроме того, являлся членом совещательной конторы золотопромышленников в Петербурге. В 1912 году подал записку о проведении трамвая в Иркутске. Как уроженец Баргузина, пожертвовал средства на постройку городского училища, оборудовал мастерскую ручного труда, снабдил школу музыкальными инструментами. В Баргузине был устроен сквер его имени: но, увы, недолго он носил имя Фризера.

Другой, **Я.В. Фризер**, был владельцем пароходов, курсирующих по Лене и Витиму. Производил торговлю керосином и смазочными материалами в Ленско-Витимском крае, купив наливную баржу и устроив резервуары хранения во всех пунктах. При его участии в Иркутске построена первая мукомольная мельница с производительностью 2000 пудов крупчатки в сутки. В Бодайбо имел оптовую торговлю хлебом и приисковыми товарами. Следы гениального бизнесмена затерялись после Гражданской войны.

До 1870 года из числа евреев крупнейшим золотоискателем был **Б.Л. Хотимский**. Работал с партией в несколько сотен рабочих в Енисейском крае. Более скромным предпринимателем в Нерчинском и Читинском округах был золотоискатель Каплунов. Также евреи занимались и добычей платины.

С середины 70-х годов XIX века и позже появляется целая группа предпринимателей-евреев: **И.М. Хейсин, И.Л. и Л.Ф. Флееры, И.С. Лейбович, Мильштейны, Тонконозовы** (*поди догадайся, что он еврей!*), **Каминеры, Вульфовичи, Бронштейны, Новомейские** (*эта фамилия знакома сионистам*), **Кальманович, Шепшелевич**, знакомый нам **Фризер, Риф, Рубинштейн, Клейнан** и многие другие. Рубинштейн и Клейнман занимались золотодобычей с 80-х годов, пока их не вытеснило правительство из Чакойской системы на границе с Монголией. Рудники были запущены, и им пришлось работать в других местах. Это были не хищники, а именно добытчики. Так, Хотимский составил состояние на разработке покинутых и хищнически опустошенных россыпей. Поскольку разработка производилась правильным научным способом, то и дала положительные результаты.

И не надо думать, что правительство помогало евреям, а значит, государству. Далеко не так.

Оно принимало всевозможные ограничения, которых до времен Александра III Сибирь не знала. Вопреки всему, трудолюбивые евреи колонизировали и Сибирь, и Дальний Восток, они были пионерами прогресса во всем – в производстве, в банковском деле, в культурной работе и т. п. Честь и хвала «малому народу»!

Павел Исидорович Ратнер (1860–?), действительный статский советник, директор-распорядитель Санкт-Петербургского Общества электрических сооружений. Окончил Юрьевский университет в 1886 году, отправился за границу, где усовершенствовался в области строительства. Много опыта приобрёл в Вене. В 1888 году вернулся в Россию и стал заведовать делами отца по различным подрядным работам: по устройству гражданских объектов в системе Военного ведомства и Министерства путей сообщения. (*В то время министр С.Ю. Вумме*). Павел Исидорович выстроил большие мосты в несколько сотен саженей (сажень – 2,13336 м) – Зегрежский и Вержбийский. Во всех десяти губерниях Царства Польского им выполнены большие земляные работы по сооружению новых шоссежных дорог. Заинтересовавшись электричеством, и в первую очередь освещением городов, Ратнер уехал за границу для ознакомления с проблемой. Он прослушал множество лекций и, считая себя уже «подкованным», завязал связи с обществом «Гелиос» в Кельне, имеющим первоклассные заводы. По возвращению в Варшаву по поручению генерала Бибикова представил проект освещения польской столицы, и по этому проекту начались работы. В 1896 году Ратнер обратил внимание на низкую освещаемость Петербурга – она намного уступала западным городам, и получил концессию на устройство большой электростанции для обеспечения дешёвым электричеством города и предприятий. Проект принят к исполнению в 1897 году и должен был закончиться в 1937 году (!).

Интересно, что сделано было в советское время, когда автор и концессионер наверняка бежал за рубеж? Кстати, сама станция была построена за один год – воистину стахановскими темпами. По городу была проложена кабельная сеть длиной в 300 погонных вёрст (порядка 360 км). Из года в год росла нагрузка, сеть расширяли, установили две турбины (тогда писали «турбодинамо») по 2300 лошадиных сил каждая и четыре котла по 400 куб. метров. Благодаря Ратнеру все правительственные здания и частные учреждения получили свет: всего установлено 1,5 миллиона ламп – такой был счет в то время. В 1900 году им была создано СПб. Общество электрических сооружений. Петр Исидорович был гением труда: он знал, что Россия нуждается в грамотных специалистах, и не всякий может получить заграничное образование. Посему с первого дня открытия на его предприятия допускались студенты университета, технологических, электрических и политехнических институтов.

Ратнер был человеком передовых социальных взглядов: на его предприятиях был установлен восьмичасовой рабочий день (работа круглосуточная), зарплата была выше средней. Им была создана школа для ликвидации неграмотности рабочих, где также читались лекции по электричеству и механике. Понятно, что этот человек – почётный член многих научных обществ и благотворительных организаций.

Давид Семенович Марголин, коммерции советник, происходил из семьи старейших русских купцов (!). Родился в 1850 году в г. Пинске. В 1868 году поселился в Киеве и, выражаясь современным языком, занялся бизнесом. Это совпало с быстрым промышленным ростом России. Он создал Первое пароходное общество на Днепре и его притоках. Предприятие набирало обороты. Тогда он создал Второе пароходное общество и, соединив их, стал во главе компании. Намного увеличив речной днепровский флот, Марголин удешевил поездки и упорядочил таксы на перевоз грузов. Это привело к промышленному росту в развитии всего Днепровского бассейна. Марголин – русский патриот: он инициатор строительства пароходов на русских заводах, что сэкономило государству миллионные средства.

Естественно, до него все покупалось за границей. Первые заказы поступили на Брянский, Сормовский и Мальцевский заводы. Благодаря его пробивной силе и предпринимательской жилке Киев получил водопровод, канализацию, газовое, а затем электрическое освещение, был создан трамвай на электрической тяге. Входил в союз создателей и учредителей машиностроительного, котельного и чугунного заводов в Киеве. Он быстро осуществил эти проекты. Этим он способствовал созданию новых рабочих мест, что существенно снизило безработицу.

Марголин занимал видное место среди сахарозаводчиков. Владелец Новобыковского свеклосахарного завода. Был выборщиком киевского биржевого комитета. Широко занимался благотворительной деятельностью, постоянно жертвуя немалые средства. При его участии было основано множество киевских училищ и торговых школ, также благодаря Марголину был собран капитал на строительство здания 1-го коммерческого училища. Член его попечительского совета. Почётный член С-Петербургского совета детских приютов, почётный член комитета киевской торговой школы им. Терещенко (сахарозаводчик?). В ознаменование своей сорокалетней деятельности Марголин построил в 1909 году в Киеве на Трухановом острове двухэтажное каменное здание школы на 150 учащихся с ремесленным отделением и принес её в дар киевскому благотворительному обществу. Там же на его средства была построена церковь! Для обслуживания Владимирского кадетского корпуса в Киеве Давид Семёнович на личные средства построил отдельную трамвайную ветку. Вот что писал о деятельности Марголина начальник киевского округа путей сообщения в 1892 году:

«Из сведений, собранных из дел Киевского округа путей сообщения, оказывается, что начало пароходно-судоходной деятельности Марголина на Днепре относится к 1868 году. В то время десять пароходов совершали рейсы три раза в неделю между Киевом, Кременчугом и Екатеринославом. Пароходы были построены за границей, стоили дорого, были неудобными, с тесными каютами и открытыми палубами. Кроме общественных пассажирских пароходов, тогда же появилось несколько буксирных пароходов, но со вступлением Марголина судостроение на Днепре получило новое оживленное направление». Киевский городской голова С.Сольский писал, что «в числе обывателей г. Киева, которые своею выдающейся общественной деятельностью заслуживают внимание Правительства, занимает достойное место киевский 1-й гильдии купец Д.С. Марголин. Прожив в Киеве 26 лет, вполне доказал, что и единичные усилия, и неослабная энергия честного деятеля, поставившего своею задачей благосостояние населения данной местности, приносит существенные выгоды». Марголин принимал большое участие в делах киевского Дома трудолюбия, который давал весьма крупные обороты и обеспечивал работой большое число беднейшего населения города.

Не забывал Марголин своих единоверцев: он был энергичным деятелем еврейской общины и выстроил здание для Талмуд-Торы на 420 человек. Марголин принимал участие и в обще-еврейских делах. Был членом Общества для научных еврейских изданий, субсидировал издание Еврейской энциклопедии, способствовал ее изданию. Во время революции 1904–1906 гг., в разгар погромов составил записку о предоставлении евреям всех гражданских прав. Он доказывал, что бесправие евреев создает ненормальные условия жизни и подстрекает толпу на погромы. Это он утверждал в 1905 году на совещании, созданном сенатором Турау, расследующим по поручению правительства причины киевского погрома. Умер Марголин в Киеве в 1918 году.

Его сын **Арнольд Давидович Марголин** (1877–1956) был адвокатом. Принимал участие в защите Бейлиса. Он был у Петлюры заместителем министра иностранных дел, правда, с разрешения ЕТО, и был членом украинской делегации в Версале.

После погромов ушёл с поста замминистра, но связи с самостоятельными сохранил, защищая интересы малороссов перед общественным мнением. Автор книг «Украина и политика Антанты. (Записки еврея и гражданина)» (1922 г.), «Евреи Восточной Европы» (1926 г., на англ. яз.), «Из политического дневника – Россия, Украина и Америка. 1905 – 1945» (1946, на англ. яз.). В 1922 году переехал в Америку, занимался юридической деятельностью, работал в еврейских и украинских организациях. Умер в Вашингтоне. Мне бы хотелось узнать: как он относился к убийству Петлюры? Не изменил ли своих взглядов на самостоятельность Украины во время Второй Мировой войны, и т.д.? Но это – другой разговор.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «Немодная сторона улицы»

В открытой на портале «ACADEMIA Образование» лекции писателя, филолога и критика Владимира Ивановича Новикова, посвященной формальной школе в литературоведении и ее лидерам – Юрию Тынянову, Борису Эйхенбауму и Виктору Шкловскому, идет речь о том, что нет резкой границы между литературоведением и литературой: «Три филолога, обладавших очевидным писательским даром, занялись исследованием литературы и увидели ее изнутри так, как прежде никто не видел».

Эти знаковые для русской литературы авторы неоднократно представлены в моих текстах. Упомяну свой поэтический метатекст «Верлибры Юрия Тынянова» в журналах «Сетевая Словесность» и «Топос» (2005, 2006); предложенные читателям на портале «Лабиринт» страницы моей книги «Из первых уст. Эссе, статьи, интервью» (М.: Водолей, 2015), повествующие об издании в середине 19 в. стихотворного перевода с иврита на русский поэмы Якова Эйхенбаума, деда Бориса Михайловича Эйхенбаума, – фрагмент поэмы «с самым лестным отзывом» был перепечатан в журнале «Библиотека для чтения»; и публикуемое здесь эссе «Ключ к поэзии, досуг и престиж», где «работает ... концепция Виктора Шкловского: “остранение” как показ предмета вне привычного ряда спасает текст от автоматизации, актуализирует его в глазах читателя».

Владимир Новиков в своей лекции приводит и разъясняет данное Юрием Тыняновым определение литературы – «динамическая речевая конструкция» (динамика произведения /его сила/ затягивает читателя, речевая – написано хорошим языком, конструкция – произведение выстроено), отметив, что эта формулировка включает в себя и литературный жанр нон-фикшн, поскольку вымысел не является непременным условием художественности. О литературе нон-фикшн и ее воздействии на читателя я пишу в содержателе в данном издании эссе-рецензии на книгу Евгения Михайловича Голубовского «Глядя с Большой Арнаутской»:

«Получился сборник эссе и очерков культурно-биографического характера в жанре нон-фикшн (в переводе с английского – “невывысел”), изначально ценный тем, что каждое эссе создавалось с определенной внутренней установкой сформулировать нечто существенное и значимое. Собранные в одной книге, эссе Е.Голубовского концентрируют смыслы и энергетику, вложенную автором в отдельные тексты в разные годы, и соответственно, сильно воздействуют на читателя».

Это высказывание напрямую связано с книгой «Немодная сторона улицы. Эссе, графика», куда вошли мои эссе, опубликованные на сайте <http://bella-vernikova.livejournal.com> в 2016 – 2017 гг. и в журналах «Новый Континент», «Дерибасовская-Ришельевская», «Вещество», «Литературный Иерусалим», и графический цикл «Цветной абстракт», по условиям издания подготовленный в черно-белом варианте. Навыки историка литературы, поэта и художника позволяют мне изнутри подойти к художественным текстам, к изобразительному искусству и к современному литературному процессу. Приведу несколько примеров такого отношения изнутри, взятых из эссе, составивших книгу «Немодная сторона улицы».

В эссе «Торопись, покупай живопись» я вспоминаю, что посещение московских редакций в поздние советские годы запомнилось не только редкими публикациями, но и разнообразной реакцией на мои стихи – поэт-верлибрист Арво Метс, один из редакторов отдела поэзии «Нового мира», увидев в предложенной мною подборке свободный стих, сказал, что я чувствую возможности верлибра. Поскольку стихи в рифму или верлибром писались интуитивно, это замечание заставило меня задуматься, какие именно возможности открывает свободный стих, что через пятнадцать лет и в совершенно другой культурной ситуации способствовало созданию «Верлибров Юрия Тынянова». Читая в конце 1990-х гг. книгу «Архаисты и новаторы», я как поэт обратила внимание, что в статьях Юрия Тынянова встречаются фразы, которые можно прочесть верлибром, и сложился первый фрагмент этого пастиша:

1. ВЕРЛИБР И ПРОЗА
именно *raison d'etre*
«ритмованной прозы»
с одной стороны
vers libre, с другой
в их существовании
в первом случае – внутри
прозаического ряда
во втором случае – внутри
стихового ряда

Как отметил Владимир Новиков, говоря в своей лекции об открытиях Юрия Тынянова, происходит канонизация маргинальных жанров. К началу 21 в. с распространением в русской литературе тенденций постмодерна метатекст утверждается как жанр, что способствовало оформлению моих интуиций в поэтический метатекст, где в авторском предуведомлении подчеркнута его символика:

«Верлибры Юрия Тынянова» стилистически символизируют единство смысло- и формообразующих начал в новациях русской поэзии, заявленное и обоснованное в тыняновских статьях 1920-х гг.

Более ранний поэтический метатекст «Тора и философия» был опубликован в моей книге стихов «Звук и слово» (Иерусалим: Филобиблон, 1999), он также приведен в данном эссе с указанием авторской мотивации в создании этого произведения – метатекст как одна из форм интерпретации способствует извлечению смыслов и подчеркивает поэтичность библейского текста. Там же указана сходная мотивация к составлению моих метатекстов с графикой, вошедшей как иллюстрации в книгу «Отпечатки слов, губ», представленных на сайте визуального искусства «Иероглиф» и в журнале «Сетевая Словесность». В книге «Отпечатки слов, губ: Стихотворения. Графика» (М.: Водолей, 2016) отмечено мое участие в современном литературном процессе, о чем, кроме книг и публикаций, свидетельствуют номинации актуальных литературных премий – лонг-лист премии Бунина; лонг-лист Международной литературной премии «Писатель XXI века».

В эссе «Торопись, покупай живопись» я как исследователь и художник уделяю внимание становлению понятия «метатекст» (чужое слово, текст в тексте, пастиш, коллаж) – от М.Бахтина и Ю.Лотмана до трудов современных ученых, и пишу об отношении Владимира Набокова к Джеймсу Джойсу в связи с эстетикой постмодерна. Там же дана цитата из автореферата диссертации Сергея Прохорова: «На зрителя воздействует энергетика мазка, фактуры, глубины и интенсивности цвета», которой я предваряю раздел графики в книге «Немодная сторона улицы». О том, что навыки художника приводят к новому пониманию природы вещей, тоже сказано в этом эссе:

«Задаваясь вопросом “Как он знает?” (в стихотворении “Как он знает, какими красками куст / прошуршит вослед человеку”), я не понимала тогда, что художник вовсе не знает, и даже не хочет знать.

Поскольку действует иррационально.

И в этом прелесть работы с красками – она не требует вербализации и позволяет предаваться архетипическому пристрастию к иррациональному».

В эссе, давшем название книге, обозначена еще одна авторская мотивация – сделать немодную сторону улицы модной (выражение образовано из эпиграфа).

Речь идет о Николае Георгиевиче Гарине-Михайловском – по свидетельству современника, его «Деревенские очерки» с большим

вниманием и похвалой разбирала серьезная критика, а блестящая повесть «Детство Тёмы» признана была первоклассной, при том, что сегодняшние составители российских школьных программ рассматривают Гарина-Михайловского как писателя второго ряда.

Упомянув о давнем интересе к творчеству писателя, чье детство и юность прошли в Одессе, – работая в Одесском литературном музее, я «собирала материалы по представленным в литмузее писателям (один из найденных и привезенных мною мемориальных экспонатов – чернильница Николая Георгиевича Гарина-Михайловского)», я как историк литературы хочу «вернуть достойную литературу в круг современного чтения, сделать немодную сторону улицы модной». Это эссе еще раз напоминает, как сказано в моей книге «Из первых уст», что невозможно обойти специфику межнационального общения в одесском тексте русской литературы, определившую его содержание: «Работу в литературном музее я получила благодаря своим переводам украинской поэзии»; «Гарин-Михайловский в самом рассказе отвечает автору данной интернет-записи: “...старый еврей спросил хриплым голосом: – Его сочинения написаны на еврейском языке?”»

Автоцитата «Сделать немодную сторону улицы модной», обращенная к современным поэтам, предваряет эссе «Ключ к поэзии, досуг и престиж». В этом тексте я как исследователь определяю поэтическую традицию: «Насыщение поэзии прозой жизни, характерное для развития русского стиха на протяжении 20-го века, – другой ключ к истинной поэзии, найденный Иваном Буниным в его раннем поэтическом творчестве. Еще один ключ к поэзии 20-го века и наших дней предложен Мариной Цветаевой в стихотворении 1923 года: «Поэта – далеко заводит речь... Развеянные звенья причинности... Не предугаданы календарем». И ссылаюсь на американского экономиста и социолога Торстейна Веблена, который ввел в оборот понятие показного или престижного потребления, объясняющее, почему те или иные культурные явления становятся модными и привлекательными для потребителя.

Владимир Новиков, разбирая в лекции открытый Юрием Тыняновым закон единства и тесноты стихового ряда, замечает, что в хороших стихах мы эту тесноту ощущаем. Что перекликается с приведенным мною в эссе-рецензии «Взревут водяные быки» высказыванием Осипа Мандельштама: «...поэт возводит явление в десятизначную степень, и скромная внешность произведения искусства нередко обманывает нас относительно чудовищно-уплотненной реальности, которой оно обладает».

Алиса Гринько

Это отрывок из второй книги дилогии «**На краю бездны**». Подзаголовок: «**Страсти по России перед Советами**». Это было время, когда люди «жили в разных веках, на разных планетах». «Разрыв был болезненный и ужасный» (Н.Бердяев). Название книги взято из цитаты Е.С.Боткина: «Проходил год за годом, а очаровательная, маленькая, сказочная страна Царское Село мирно спала на краю бездны». Книга готовится к печати. Первая книга дилогии вышла летом 2017 года в Москве, в издательстве «Вест Консалтинг».

КОРОЛЬ ВРЕМЕНИ

Я хотел найти ключ к часам человечества.
Велимир Хлебников

Поздний, ненастный, холодный ноябрьский вечер в квартире Бурлюков. Стук в дверь.

Давид.

– Кого черт несет в такую позднотищу!

Жена.

– Не открывай! Не открывай! Шляются всякие. Застудишь комнату!

– Еще натопишь.

Идет к дверям. Отпирает. За дверью – высокий, в старой солдатской шинели, в галошах и каких-то опорках, мешок за плечами, без шапки.

– Ты! Витька! Черт! Откуда? Проходи! Проходи! Машка! Это – Витька!

Жена, заглядывая в сени.

– Ах, Виктор Владимирович! Сколько зим... Как вы... Холодно на улице. Промокли?

– Да, Мария Никифоровна... Давно... Здравствуй, Давид.

– Хорош болтать! Тащи самовар, не остыл еще? И пожарь там чего осталось.

– Иду, иду!

– Да проходи ты. Сюда, к печке. Снимай это.

– Наслежу...

– Подотрет. Промок весь. Вот накинь. Давай мешок. Легкий, чего там у тебя? Стихи, небось?

– Стихи, да... намокли... бумага...

– Намокли, подсушим.

Через полчаса. Поэт сидит у печки в валенках и накинутой на плечи шерстяной шали. Вынимает из подмошкой наволочки помятые листки, разглаживает на колене. Бурлюк поднимает с полу листок, читает. «О, иссмейся рассмеяльно смех надсмейных смехачей».

– Витька, ей-богу, ты гений!

– Наверно... Я... знаю... Слушай, Давид, я тебе скажу. Я открыл законы чистого времени. Всё оказалось просто. Геометрия. Пространство и время – они, знаешь, симметричны. Как в зеркале. Еще Пифагор... он мой последователь...

– А! Вот и самовар. Ладно, Витька, садись к столу. Попифагорим потом. С твоим последователем. Чайку горяченького. А, может, что и погорячее найдем. За встречу.

– Чайку, да... Знаешь, всё построено на степенях двоек и троек...

– Виктор Владимирович, вот пирожка отведайте.

– А, да. Спасибо, Мария Никифоровна. Я голоден.

ЗАРИСОВАТЬ МУЗЫКУ

«Футуризм – не школа, это новое мирозозерцание», – заявил Давид Бурлюк, художник, поэт, критик, сын управляющего имением графа Мордвинова в Таврической губернии. Окончив художественное училище в Одессе, он уехал за границу, в Мюнхен, где учился в Мюнхенской Королевской Академии, в группе, организованной Василием Кандинским. Мюнхенская Академия была центром авангардизма в живописи.

Василий Кандинский, художник-авангардист, разрабатывал теорию психофизического воздействия красок и созвучий. Однажды он принес на занятия виолончель и предложил начинающим художникам **«зарисовать музыку»**.

В ставшем чуть более различимым вселенском аккорде рождалось странное ощущение слияния всего воспринимаемого – слова написанного, звука услышанного, цвета увиденного. Искусство должно отображать «изначальную целостность бытия», равенство высшего и низшего, земного и небесного, вечного и сиюминутного. Это было продолжение символизма, еще одно микроскопическое приближение *к иному*.

В организованную Бурлюком литературно-художественную группу вошли Маяковский, Хлебников и Крученых, позже присоединились Василий Каменский и Бенедикт Лившиц.

Группа получила название «Гилея», по имени местечка в Таврической губернии, где было имение графа, туда время от времени они все заваливались в хлебосольный дом управляющего в селе Чернянка. Там было много комнат и прислуги, и горы съестных припасов, мясных и молочных.

*Каждый молод, молод, молод,
В животе чертовский голод,
Будем лопать пустоту.*

«Самым старым из нас – 30 лет, так что у нас есть по крайней мере 10 лет, чтобы завершить свое дело. Когда нам будет 40, другие, более молодые и сильные, может быть, выбросят нас, как ненужные рукописи, в корзину для мусора» – из **«Манифеста футуризма»**.

А пока в корзину для мусора предлагали выбрасывать богов прежних. Манифест провозгласил антикультурную, антиэстетическую, антифилософскую направленность искусства. Это действительно было нечто совершенно новое, неожиданное, даже пугающее...

Так Бог или Дьявол?

«...они равны и подобны...».

НАШЕ НОВОЕ ПЕРВОЕ НЕОЖИДАННОЕ...

«Красота может быть только в борьбе... Поэзию надо рассматривать как яростную атаку против неведомых сил» – из **«Манифеста футуризма»**.

Это был не только протест, стремление к новизне, но и смутное ощущение этого нового, не похожего ни на что...

«Садок судей» – так назывался первый сборник литературных опусов русских футуристов, вышедший в год «глубокого кризиса», в апреле 1908 года. Он был издан тиражом 300 экземпляров на скромные средства Давида Бурлюка.

«...всю жизнь вашу пройдем огнем и мечом литературы: под обоями у вас клопы да тараканы водились, пусть живут теперь на них молодые, юные, бодрые стихи наши».

Таков был девиз. Эпатировать почтенную публику должно было и оформление. Текст был отпечатан на оборотной стороне цветных обоев разного рисунка с иллюстрациями Давида и Николая Бурлюков, текст был без «ятей» и «ъ» в конце слова.

В сборнике был «впервые опубликован великий поэт современности Велимир Хлебников». Название придумал тоже он.

«О, Сад, Сад... где взгляд зверя больше значит, чем груды прочтенных книг. Сад...

Где орлы сидят, подобны вечности, оконченной сегодняшним, еще лишенным вечера днем.

Где нетопыри висят опрокинуто, подобно сердцу современного русского.

Где звери, устав рыкать, встают и смотрят на небо.

Где мы начинаем думать, что веры – затихающие струи волн.

И что на свете потому так много зверей, что они умеют по-разному видеть Бога.

Где мы сжимаем руку, как если бы в ней был меч, и шепчем клятву: отстоять русскую породу ценой жизни, ценой смерти, ценой всего».

«Непревзойденная, насквозь музыкальная проза», – так отозвался Алексей Крученых о Хлебниковском «Зверинце». Виктор Шкловский поместил «Зверинец» эпиграфом к разделу своей книги «Жили-были».

Шедевр будетлян был первым взрывом; публика была изумлена, возмущена и шокирована. Впрочем, значения особенного выступлению не придали.

«Сборник переполнен мальчишескими выходками дурного тона», – небрежно отозвался мэтр Брюсов. Авторы стремятся «поразить читателя и раздражить критиков».

В «**Пощечине общественному вкусу**», очередном шедевре будетлян, впервые были напечатаны «**числа**» Хлебникова. Даты исторических событий были сгруппированы столбиками и разделены числом **317**.

«Да, я вижу, что сдвиги, измеряемые в дикарском человечестве,.. бывают через 317 лет и что число это объединяет ряды войн в одно дерево войны» – смотрящий на человечество Велимир Хлебников.

В последней строке стояло: «**Некто 1917**».

...где всё уж сочтено

«И звезды это число, и судьбы это число, и смерть это число, и нравы это число, Счет Бога, измерение Бога, мы, богомеры, написали на знамени».

Сосчитаны рождения и смерти людей и народов и стран... Судьбы истории... Судьбомеры. Каждый человек имеет свое личное число.

Всё повторяется, рождения, смерти, войны, моры... Но в этом исчислении, в этой повторяемости – должен быть какой-то строй, порядок, закон! Промежутки времени между событиями должны быть исчисляемы по некоему закону... Получается, что «не события управляют временем, как это часто хочет человеческая воля, но напротив, счет времени... делает события» (Из статьи Хлебникова «О строении времени»).

«Ах, если б снять с небесной полки / Созвездий книгу, / Где всё уж сочтено...» – узнать, понять, почувствовать этот закон! Я бы обратил «человечество в часы»!

И они не видят. И они не слышат...

На острове вы. Зовется он Хлебников.

Виктор Владимирович Хлебников родился 28 октября 1885 года в селе под Астраханью, «в стане монгольских, исповедующих Будду кочевников... в степи – высохшем дне исчезающего Каспийского моря», *«где вместо камышей шумели времышы»*.

Отцу по роду работы много приходилось переезжать вместе с семьей. Семья была большая, три сына – Борис, Виктор и Александр, и две дочери – Екатерина и Вера. Привычка к перемене мест, любовь к путешествиям останется у поэта.

С орнитологической экспедицией он путешествовал в Дагестан и на северный Урал. Горы густолесые, нехоженные тропы, лешии и лели, Русь дремучая, волхвованная, языческая увлекла журчащей музыкой старинной речи. Захотелось вдруг «порode русской вернуть язык такой, чтоб соловьиный свист и мык текли там полною рекой».

«Вернуть старым славянским богам их вотчину».

Зеленый леший – бух лесиный
Точил свирель,
Качались дикие осины,
Стонала благодная ель.

Учился в Казанском университете на математическом отделении физико-математического факультета, через год подал прошение о переводе на естественное отделение. Но и его не окончил, за участие в студенческих беспорядках был арестован. Не бежал, когда драгун замахнулся саблей: «Надо же кому-нибудь и отвечать». Месяц просидел в заключении.

В 1908 году приехал в Петербург, где был принят на 3-й курс естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Но скоро перевелся на факультет восточных языков по санскритной словесности, потом снова передумал и перешел на славяно-русское отделение историко-филологического факультета.

Был «учен невероятно»; по словам знавших его мог свободно говорить о китайской медицине и о египетских папирусах, о латинских стихах, математике, философии, физике... Хотя «разговорить» его было очень трудно, «погруженного в какие-то такие далекие думы, что переход от них к обычным житейским речам невозможен» (Г.Адамович). Говорил тихо, запинаясь, едва шевеля губами.

Синие длинные глаза, высокий лоб. «Тихая улыбка татарина».

В Петербурге вел богемную жизнь. Познакомился с братьями Бурлюками: Владимир – «атлет», Николай – студент, главный – Давид. Жил где придется – то у Бурлюков, а то угол снимал в коридоре за занавеской. «Делаюсь сыном улицы», писал матери в Астрахань.

Универсальные знания наложились на *особое устройство сознания*. Мозг постоянно работал, изобретая сочетания слов, букв, слогов.

«Найти, не разрывая корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова – вот мое первое отношение к слову. Это **самовитое слово** вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призрак, за которым стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единицы азбуки – мое второе отношение к слову».

Возврат к старым корням. И потек **«Словоокеан»**.

Литература – *письмеса*; автор – *словач, делач*; театр – *зерцог*; трагедия – *мучава*; актер – *игрец*; зритель – *созерцаль*; комедия – *шутыня*, поэт – *небогрез*.

В конце 1908-го появилась рождественская сказка **«Снежмочка»**.

«1-е деймо». На заснеженных ветках сидят снезины, смехини, немини, слепини и поют-разговаривают. Древолюд. Березомир. Это всё есть, но это – иное. Не все его видят, не все его слышат... Духи с повязками слепоты и глухоты завязывают людям глаза.

«Пусть не видят! Пусть не слышат!» И они не видят. И они не слышат.

На него обратили внимание. Его приняли в Академию стиха. Московский лингвист Роман Якобсон, заинтересовавшись Хлебниковым, прислал ему сборник «Сказания русского народа», составленный И.П.Сахаровым.

Руахадо, рындо, рындо, шона, шона, шона, пинцо, пинцо, пинцо, пац, пац, пац – чародейные песни русалок из «Сказаний». Что-то музыкальное, ласкающее слух, право же, есть в этом наговоре...

* * *

Почему – футуристы?! – возмутился панславист, «журчей с горы русской поэзии». И с лёгкой руки Велимира стали: **будетляне**. Велимиром он стал с осени 1909-го, на старославянском это означало: «великий мир».

«Хлебников возится со словами как крот, он прорывает в земле ходы для будущего на целое столетие», восхищался Осип Мандельштам.

Во втором сборнике будетлян «Студия импрессионистов», вышедшем в 1910 году, было напечатано стихотворение Хлебникова «Заключение смехом». Редактором выступил пополнивший буйные ряды будетлян некто Николай Кульбин, «сумасшедший генерал».

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеянутся смеяльно...

За фразу «О, иссмеяйся рассмеяльно, смех надсмеянных смеячей!» – Корней Чуковский предлагал «поставить памятник: Великому Хлебникову, первому освободителю стиха».

В «Студии» была также напечатана проза Николая Бурлюка: «есть звуки, что кричат нам с самого рожденья...», статья Кульбина «Свободное искусство как основа жизни. Гармония и диссонанс». В ней говорилось о возможной «связи **между основными цветами спектра, с одной стороны, и с миром звуков и чисел, с другой стороны**».

СУМАСШЕДШИЙ ГЕНЕРАЛ

«Стоит два рубля. Я эту “Студию” выписал», – вспоминал молодой Георгий Иванов, за год до этого приносивший свои стихи Блоку. Оказалось, он был «один из трех покупателей», еще «какая-то барышня из Херсона и некто Петухов из Семипалатинска. Ни в Москве, ни в Петербурге не продали ни одного экземпляра».

«Обложка буро-лиловая с изображением чего-то непонятного: может быть, женщина, может быть, дом... Содержание же “сплошное дерзанье” – просто меня потрясло».

Словом, заинтересовался и послал свои стихи «редактору». Получил почти восторженный отзыв и приглашение.

На двери квартиры с медной доской: «Доктор медицины Кульбин» красовался кусок оранжевого картона, заткнутый за доску, с надписью:

Клуб равнодействующих
АСОЦ-ХУД-ПОЭТ-ФУТ-КЛУБ ИМПРЕССИОНИСТОВ

Генерал-медик, приват-доцент Военно-Медицинской академии, действительный статский советник Николай Иванович Кульбин вдруг в один день и один час переменил всю свою жизнь. Случилось с ним такое в холодный январский вечер, когда вышел он из дому по какой-то надобности, в госпиталь или в Академию, – и не вернулся.

«В его шинели и очках, с его лицом и походкой, открыв дверь его французским ключом, в эту квартиру вошел другой человек».

Было так. Он шел по Каменноостровскому мосту... Вспыхнули все фонари... Вдруг в один миг – странное озарение произошло в душе... Он даже остановился, потрясенный... «Старый дурак, – подумал, – на что ты убил пятьдесят лет жизни!»

И – пошло-поехало. Будетляне с хохотом и восторгом приняли генерала-расстригу в свой круг. Он еще и оказался порядочным рисовальщиком и изобразил в новой авангардистской манере портреты Крученых, Хлебникова и даже – самого мэтра футуризма Маринетти во время его приезда в Петербург.

У генерала в квартире ночевали бездомные будетляне. Нарядная горничная на серебряном подносе подносила стопку и огурчик для Владимира Бурлюка, занемогшего с похмелья. В три часа ночи звонил Крученых, требовал денег. А их превосходительство чувствовал себя преотлично в этом балагане и только время от времени спрашивал: «Вы думаете, я сумасшедший?»

Он организовывал выставки футуристов. Занялся издательством. Это внезапное преображение среднемыслящего российского человека со сложившейся карьерой и вполне благовидной репутацией свидетельствует о той силе, с которой встряхнуло русскую мысль и изменило мир новое проникновение, так что даже неподготовленному, непосвященному померещилась в этом новом – истина.

«Точно я совсем погибал и чудом спасся».

А в тот день посещения – войдя в квартиру, увидел Георгий Иванов в комнате у стола сухонького, строгого с виду старичка-доктора в пенсне, а перед ним на стуле – изможденного человека с всклокоченными волосами и желтым лицом. Он слегка смутился, подумав, что пришел не вовремя, помешал приему пациента.

«– Отлично, – строго говорил доктор, – форма бытия треугольная. Следовательно, душа тоже треугольная?»

– Д-д-да, т-т-треугольная, – дергаясь, утверждал «пациент».

Это был Велимир Хлебников.

Ирина Калининская

ДОМ С ЗАКРЫТЫМИ СТАВНЯМИ

Об одном стихотворении С.Я. Маршака

К 130-летию со дня рождения поэта

Живите в доме – и не рухнет дом...
Арсений Тарковский

Поэтическая судьба одного из самых известных и популярных русских поэтов, С.Я. Маршака, необычна. Можно сказать, что вот уже почти столетие один из самых читаемых и почитаемых русских поэтов остается для многих знакомым незнакомцем. Услужливая память при каждом удобном случае подсовывает нам любимые с детства строки. Мы твердим их, подчас не замечая того, что это цитаты, – настолько естественно они вошли в нашу повседневную жизнь: и дама, которая сдавала в багаж... и собачка, которая во время пути могла подрасти... и рассеянный с улицы Бассейной, который перепутал всё на свете... и мистер Твистер, вслед за которым мы не перестаем твердить: «Ты не в Чикаго, моя дорогая...».

Этот ряд можно продолжать до бесконечности. Нет буквально ни дня, чтобы строчки его детских стихов или переводов не звучали по радио и на телевидении, не проникали на страницы газет или журналов. Авторство обычно не указывается, т.к. оно известно. Ведь каждый из нас когда-то был ребенком. Легкие и звонкие строчки детских стихов Маршака специально не заучивались наизусть. Кажется, они всегда жили в нас и извлекались по мере необходимости, а подчас и просто так, для удовольствия, чтобы мы снова на какое-то время вернулись в радостный, яркий и умный мир, подаренный нам поэтом.

Его лирические стихи куда менее популярны, чем переводы и детская поэзия. Метафора Маршака «дом с закрытыми ставнями» вполне соотносится с его лирикой, малоизвестной широкому читателю.

Чеканные и афористичные строки его «взрослых» стихов также разобраны на цитаты. Их можно встретить в научных трактатах, книгах по философии, биологии, литературоведению, где подчас просто забывают упомянуть имя автора или приписывают его строки другим поэтам. Но авторство Маршака определить здесь сложнее, чем в случае с его детской поэзией.

А между тем, написанные в традиционной классической манере, камерные, негромкие, особенно на фоне молодой русской поэзии 50-х – 60-х годов прошлого столетия, собиравшей стадионы,

эти стихи очень естественно вписались в атмосферу послевоенных десятилетий, когда к людям возвращались, казалось бы, навсегда утраченные в годы войны общечеловеческие ценности: любовь к близким, память о детстве, общение с природой, т. е. простые и милые сердцу понятия, о которых даже думать и вспоминать в те годы считалось непозволительной роскошью.

Вспоминая военное время, Маршак писал:

*Как обнажаются судов тяжелых днища,
Так жизнь мы видели раздетой догола.
Обеды, ужины мы называли пищей,
А комната для нас жилплощадью была.*

Что же можно было противопоставить «веку-волкодаву», обрушившему на человека двадцатого столетия красный террор, сталинские репрессии, две мировые войны? Оказалось, совсем немного: «...все те простые жизненные понятия, без которых человек не полон» (Ю. Норштейн) – тепло и свет родного дома, любовь близких, память о детстве.

Е. Эткинд писал: «Память – духовное спасение гибнущего человечества... Память о собственном детстве... – единственный противовес ужасу смерти... Память – спасение даже от чудовищного по бессмысленности и свирепости террора; ибо террор – форма варварства, память же – культура».

Примерно шестьдесят лет назад, 2 ноября 1957 года, в «Литературной газете» появилась подборка лирических стихотворений Маршака, приуроченная к его семидесятилетию. Несколько месяцев спустя два стихотворения из этой подборки («Столько дней прошло с малолетства...» и «Все мне детство дарило...») были напечатаны в альманахе «День поэзии» под общим заголовком «Память детства».

Почему память, а не воспоминания? Название знаменательное. Воспоминания – это процесс, а память – это то, что всегда с тобой: запахи, звуки, пейзаж за окном родного дома, лица и голоса давно ушедших людей.

Открывало подборку стихотворение «Столько дней прошло с малолетства...».

*Столько дней прошло с малолетства,
Что его вспоминаешь с трудом.
И стоит вдалеке мое детство,
Как с закрытыми ставнями дом.
В этом доме все живы-здоровы –
Те, которых давно уже нет.
И висячая лампа в столовой
Льёт по-прежнему теплый свет.*

*В поздний час все домашние в сборе –
Братья, сестры, отец и мать.
И так жаль, что приходится вскоре,
Распроставшись, ложиться спать.*

Это небольшое, негромкое стихотворение задело какую-то важную, потаённую струну в душах современников. Отголоски его мы встречаем в самых значительных произведениях литературы и искусства второй половины XX века, в том числе в фильмах Андрея Тарковского. Они продолжают звучать и в наши дни. Память о доме своего детства, стремление вернуться, чтобы объяснить то, что происходит с человеком на протяжении всей его последующей жизни, – одна из основных тем творчества Андрея Тарковского. Он писал: «Свое детство я помню очень хорошо. Для меня это самый главный период жизни. Детство определило все мои впечатления, которые оформились гораздо позднее, когда я уже стал взрослым. Детство – это период жизни, который определяет все ее будущее... Снился дом, и, как будто, я все время кружусь вокруг него... Что-то тянет тебя назад, в прошлое. Я думаю, что, рассказав об этом, я освобожусь».

Такое же «кружение» вокруг темы родного дома можно наблюдать и в поэзии Маршака.

Дом в лесу

*Где вплотную, высок и суров,
Подступает к дороге бор, –
Ты увидишь сквозь строй стволов,
Словно в озере, дом и двор.
Так и тянет к себе и зовет
Теплым дымом домашний кров.
Не твоя ли здесь юность живет
За тремя рядами стволов?*

Эти стихи были написаны в 1945 г. как бы на подступах к теме «Память детства». Поражает не только смысловое, но и лексическое созвучие этих строк с высказыванием Андрея Тарковского.

Стремление заглянуть в окна дома, которого давно нет, привело кинорежиссера к созданию фильма «Зеркало».

«Мне с удивительным постоянством снится один и тот же сон. Он будто пытается заставить меня непременно вернуться в те до горечи дорогие места, где раньше стоял дом моего деда, в котором я родился... И каждый раз, когда я хочу войти в него, мне что-то мешает. И когда я вижу бревенчатые стены, потемневшие от времени, и полуоткрытую дверь в темноту сеней, я уже знаю, что мне это только снится, и непосильная радость омрачается ожиданием пробуждения.

Иногда что-то случается, и мне перестают сниться и дом, и сосны вокруг дома моего детства. Тогда я начинаю тосковать, я жду и не могу дождаться этого сна, в котором я увижу себя ребенком и снова почувствую себя счастливым, оттого, что все еще впереди, еще все возможно...»

Это – голос Смоктуновского за кадром в фильме «Зеркало», и параллельно с голосом на экране появляется старый сад. Мы слышим шум очень долгого, нескончаемого долгого дождя, и видим, как ветер колыхает ветки деревьев в саду и как в глубине сада светится единственное окошко в старом доме.

Фрагмент из фильма А.Тарковского «Зеркало».

А вот еще одна картина. По заснеженному перрону бредет унылый человечек с огромным чемоданом. Он проходит вдоль сцены мелкими неуверенными шажками, оступается и, приподняв непосильную ношу, под аккомпанемент движущегося поезда, кружится в каком-то странном танце. Звучит нежная музыка. На ее фоне протяжный гудок паровоза и шум удаляющегося состава кажутся особенно печальными. Как только человечек уходит, на сцене появляется другой. Этот катит огромный снежный ком. За ним появляется третий. Он тянет нечто на веревочке. Веревочка длинная-длинная, человечек тянет ее медленно-медленно, и зрители теряются в догадках: что там на другом конце веревки? Наконец на сцену выезжает дом с трубой, такой, какой каждый рисовал в детстве, но только переведенный из плоскости в трехмерное пространство. В единственном окне горит свет, из трубы вьется дымок. За третьим человечком идет четвертый, а за ним на веревочке уже три домика, соединенные последовательно: в каждом – горящее окошко, первый дом увенчан трубой из которой идет пар, – такой самодельный паровозик, который каждый строил в детстве из того, что было под рукой: из стульев, табуреток, скамеек. Как тут не вспомнить строчки из детского стихотворения Маршака «Великан».

*Полон силы богатырской,
Он от дома до ворот
Целый поезд пассажирский
На веревочке ведет.*

Приведенная сцена – это отрывок из спектакля Вячеслава Полунина «Снежное шоу». Скоро в зале потемнеет, на сцене начнется снежная буря, которая попытается смести все на своем пути: и этих человечков, и эти домики, и даже людей в зрительном зале. Как же устоять, не сломаться под натиском стихии? Ответ в общем-то лежит на поверхности. Человек, отправляясь в дальний путь, берет с собой то, чего нет у других. И ноша эта легка. Для нее не требуется ни большого багажа, ни больших денег. Это воспоминания о любви самых близких людей, которые «любили тебя без особых причин, – за то что ты внук, за то, что ты сын... и эта любовь до конца твоих дней останется тайной опорой твоей» (*Валентин Берестов*). Подчас произведения искусства напоминают нам о простых истинах, которые не следует забывать. «Снежное шоу», созданное Вячеславом Полуниным в 1993 г., завоевало весь мир и существует до сих пор, т.к. не остается неизменным, а меняется от спектакля к спектаклю. А то, о чем этот спектакль повествует, существует вечно.

В 1979 году на экраны вышел мультфильм Юрия Норштейна «Сказка сказок», а в 1984 году по результатам международного опроса, он был признан «лучшим анимационным фильмом всех времен и народов». В данной формулировке слово «анимационный» представляется лишним, так как фильм расширил рамки мультипликации, и как любое выдающееся произведение искусства, далеко вышел за рамки жанра, к которому принадлежит.

«Сказка сказок» – это лирическое повествование автора о своем детстве, о старом доме, «ободранном, посеченном, впитавшем в себя время, о жизни, что протекала в его старых стенах». Так охарактеризовал его сам Ю. Норштейн, хотя, естественно, этим определением значение фильма далеко не исчерпывается.

В книге «Снег на траве», составленной из лекций, прочитанных автором во время учебных занятий в Токио и в Москве, и диалогов со слушателями этих лекций, много страниц посвящено созданию «Сказки сказок». Вот один из диалогов.

– Он жил во мне задолго до того, как я вообще подумал о том, чтобы заняться режиссурой... Когда оглянешься в прошедшее время, начинаешь вдруг понимать, что тот мир, где ты жил, уходит навсегда, и ты никогда туда не вернешься. Это ощущение непереносимо. Хочется забросить туда сети и захватить все, чтобы оно жило вместе с тобой, чтобы можно было ощутить запах опилок в старом сарае, запах травы и нагретого полдня... Мне кажется, что все кадры моих фильмов опьянены детством, они результат прожитых впечатлений...

– *Поэтому главная тема фильма – тема дома?*

– Да. И в прологе фильма, когда волчок во дворе качается на швейной машинке, где он костёр разжигает, и в финале, где дом засыпан снегом, – эта тема шла от ощущения, что меня здесь уже никогда не будет, что эта часть жизни от меня отплывает и теперь оста-

нется только в памяти. Наш дом засыплют снега, зальют дожди, и постепенно он сгниёт, растает, и останется одно гиблое место...

Дом – главная тема фильма...

«На «Сказке сказок» для меня преобразилось понятие времени. Его течение в мультипликации и так куда более сгущено, чем в игровом кино. Складывая фразу из крошечных кадриков – фаз движения, необходимо быть экономным, как в поэзии.

Создаётся впечатление, что автор и его «Сказка...» подошли вплотную к поэзии, которая по своей выразительности, по степени концентрации мыслей и чувств уступает лишь музыке.

В своих выступлениях Юрий Норштейн часто цитирует отрывок из «Прорицаний невинности» английского поэта, мыслителя и художника Уильяма Блейка, в переводе Маршака.

*В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка.*

Мне представляется, что стихотворение Маршака «*Столько дней прошло с малолетства...*» в какой-то мере явилось тем самым «зерном песка», в котором отразились огромные миры Юрия Норштейна и Андрея Тарковского, Вячеслава Полунина и Марка Шагала – художника, большую часть жизни прожившего вдали от родного дома, во Франции. Но в какой бы стране он ни жил, что бы ни изображал на своих удивительных полотнах, букет цветов или новобрачных на фоне Парижа, цирк или сюжеты из Библии, в уголке его картин часто можно увидеть прикорнувшие домишки, покосившиеся заборы, белеющую церковь старого Витебска – всё то, что в таких известных его работах, как, например, «Прогулка» или «Влюблённые над городом», составляло радостный фон его ранних полотен. «В сущности, Шагал всю жизнь писал своё детство, когда он, как Адам, открыл мир и назвал его по-своему», – писал Александр Генис в книге «Картинки с выставки».

В феврале 1944 года Шагал обратился к израненному и разорённому фашистами Витебску так, как обращаются к живому человеку, чувствуя свою вину за перенесённые тем страдания, даже если ты в них неповинен.

«Давно, мой любимый город, я тебя не видел, не упирался в твои заборы... Я оставил на твоей земле, моя родина, могилы предков и рассыпанные камни... Я не жил с тобой, но не было ни одной моей картины, которая бы не отражала твою радость и печаль... Когда я услышал, что беда стоит у твоих врат, я представил себе такую страшную картину: враг лезет в мой дом на Покровской улице и по моим окнам бьёт железом».

Воистину: «Поэт издали заводит речь. Поэта далеко заводит речь» (*Марина Цветаева*).

Куда же «завело» стихотворение «Столько дней прошло с малолетства...» самого автора?

Маршак, по-видимому, придавал ему большое значение. Именно оно открывает автобиографическую повесть «В начале жизни», опубликованную поэтом в первом и втором номерах журнала «Новый мир» за 1960 год. Можно сказать, что тема дома – это сквозная тема его поздней лирики. Да и не только лирики. Она проникла в такие пьесы-сказки для детей, как «Теремок» и «Кошкин дом», и в два позднейших детских стихотворения, написанных в «лирический период» творчества Маршака, – «Тихая сказка» и «Сказка об умном мышонке». Обе эти сказки, кстати, были напечатаны впервые во вполне взрослом, хотя и молодёжном издании, в чрезвычайно популярном в те годы журнале «Юность» (1955 № 2 и 1956 № 1).

В них обеих после опасных приключений забавные сказочные персонажи – «умный мышонок» и семейство храбрых ёжиков – возвращаются к себе домой.

*В дом лесной вернутся ёж, ёжик и ежиха,
Если сказку ты прочтёшь тихо, тихо, тихо...*

(«Тихая сказка»)

*Шёл он шёл, взошёл на горку
И внизу увидел норку.
То-то рада мышка-мать,
Ну мышонка обнимать!
А сестрёнки и братишки
С ним играют в мышки-мышки.*

(«Сказка об умном мышонке»)

Самому поэту повезло куда меньше, чем его сказочным персонажам. Он прекрасно понимает, что в дом его детства нет возврата. Далёкая дорога, которая пролегла от отчего порога, увела его в огромный мир. И дорога эта была проложена в том числе и книгами, прочитанными в детстве. «Книжный шкаф раннего детства – спутник человека на всю жизнь» (*О. Мандельштам*).

Одной из таких книг был «Дон Кихот» Сервантеса.

Стихотворение «Дон Кихот», вошедшее впоследствии во все «взрослые» поэтические сборники Маршака, впервые было напечатано в детском журнале «Пионер», хотя легко могло бы войти в поэтический цикл «Память детства».

Дон-Кихот

*Пора в постель, но спать нам неохота.
Как хорошо читать по вечерам!
Мы в первый раз открыли Дон-Кихота,
Блуждаем по долинам и горам.*

*Нас ветер обдаёт испанской пылью,
Мы слышим, как со скрипом в вышине
Ворочаются мельничные крылья
Над рыцарем, сидящим на коне.*

*Что будет дальше, знаем по картинке:
Крылом дырявым мельница махнет,
И будет сбит в неравном поединке
В нее копьё вонзивший Дон-Кихот.*

*Но вот опять он скачет по дороге...
Кого он встретит? С кем затеет бой?
Последний рыцарь, тощий, длинноногий,
В наш первый путь ведет нас за собой.*

*И с этого торжественного мига
Навек мы покидаем отчий дом.
Ведут беседу двое: я и книга.
И целый мир неведомый кругом.*

«Дон Кихот» – это поэтический рассказ о том, как ребёнок открывает для себя новый неизведанный мир, как под воздействием великой книги изменяется его представление о жизни и о себе самом, как в конечном итоге меняется он сам. Недаром. «мы в первый раз *открыли*», а не «*раскрыли*» Дон Кихота. Ведь помимо простого физического действия – раскрытия книги, происходит интеллектуальный и эмоциональный процесс постижения действительности, который отрывает человека от родного дома, от привычной и милой сердцу жизни. И этот момент отрыва, в сущности, трагический, но неизбежный, поэт называет торжественным.

*И стоит вдалеке моё детство,
Как с закрытыми ставнями дом...*

Есть что-то очень печальное, безвозвратно утерянное в этом доме с закрытыми ставнями. Ведь всего того, что так дорого автору, уже не существует на земле: давно нет старого дома, разрушенного беспощадным временем.

А ведь когда-то он был немым свидетелем и хранителем жизни большой и дружной семьи, что протекала в его стенах. Давно покинули старый дом его обитатели. Это они делали его живым и тёплым, наполняли своими бедами и радостями, горькими слезами и звонким смехом. Но стоит только подойти к дому поближе, заглянуть сквозь едва приоткрытые ставни, как он оживает, наполняется детскими голосами, весёлым смехом. Мы видим небольшую комнату, в центре которой помещается круглый стол. За столом собралась вся семья. Среди братьев и сестёр находится и сам автор. Этот эпизод описан как бы и изнутри, и извне, увиден глазами семидесятилетнего поэта и маленького мальчика, сидящего за столом. Как будто рассматриваешь всё в бинокль, поворачивая его то одной, то другой стороной, – совершенно кинематографический приём приближения и удаления, крупного плана и далёкой перспективы, когда метафора «даль времени» приобретает прямой смысл. Этот эпизод несколько раз повторяется у Маршака не только в стихах, но и в автобиографической прозе, в повести «В начале жизни». По-видимому, автор придавал ему особое значение, и кроме всего прочего, просто-напросто с удовольствием вспоминал нечастые моменты душевного покоя, единения, любви, когда «все домашние в сборе». Вот как этот эпизод описан в повести.

«Почти всё детство моё прошло при свете керосиновой лампы – маленькой жестяной, которую обычно вешали на стенку, или большой фарфоровой, сидевшей в бронзовом гнезде, подвешенном цепями к потолку. Лампы чуть слышно мурлыкали. А за окном мигали тусклые фонари».

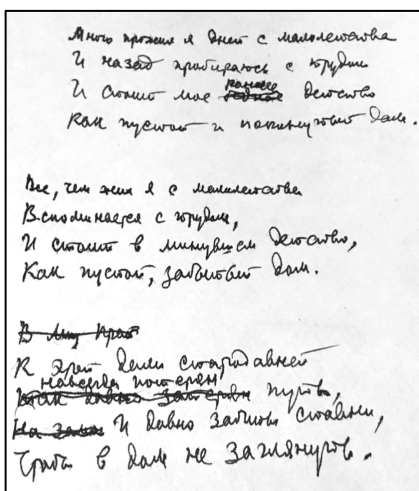
Это описание вечера в Острогожске, небольшом городке Воронежской губернии, куда судьба забросила семью Маршаков на относительно длительный период и где прошли годы детства будущего поэта и годы его обучения в гимназии.

«Я возвращался из гимназии уже под вечер. В столовой горела знакомая мне с давних пор висячая лампа под белым абажуром, отбрасывая на середину стола белый круг... в этой единственной освещённой комнате коротала вечер вся наша семья. Примостившись у нагретой печки, шила, вязала или штопала мать, а младшие дети – две сестрёнки и меньшой брат – сидели у стола, каждый со своей книжкой. Кто читал про себя, кто шёпотом, но все были одинаково захвачены чтением». А это уже Петербург, где Маршак заканчивал гимназию. Но картина остаётся неизменной.

Почему всё же «дом с закрытыми ставнями»?

Ответ, кажется, лежит на поверхности. С течением лет детство всё отдаляется, превращаясь в призрачное и прекрасное воспоминание. Сам поэт в одном из вариантов писал:

К этой дали стародавней
Навсегда потерян путь,
И давно забиты ставни,
Чтобы в дом не заглянуть.

Автограф С.Я.Маршака

Но, как всегда, у Маршака существует ещё и второй план. И, как ни странно, именно второй план строится на реальных, абсолютно бытовых деталях. Обычно в маленьких одноэтажных домах ставни наглухо закрывались вечером, когда в доме зажигался свет, для того, чтобы укрыться от равнодушного, а то и враждебного взгляда случайных прохожих. Вот как об этом вспоминал поэт.

«Помню время, когда работа на заводе остановилась. И отец надолго уехал из дома искать счастье. Мы одни на пустынном дворе. Ставни у нас наглухо закрыты, да ещё припёрты железными болтами. Со всех сторон доносится яростный хриплый лай собак. Да изредка за нашим забором постучит своей колотушкой обходящий свой круг ночной сторож.

(Этот сторож – частый персонаж российского захолустного быта – возникает не только на страницах автобиографической повести, но и в пьесах Маршака, в его детских стихах:

Только ёж не уснёт до утра.
Колотушкой он будет греть,
Чтобы слышали волк и медведь...
/«Теремок»/)

Я лежу, съёжившись, в постели... Рано утром во всех наших комнатах открывались ставни. Вместе с темнотою уходили ночная грусть и ночные тревоги, и для нас, ребят, открывался новый день, огромный, как бывает только в детстве...»

Ключевые слова стихотворения «*Столько дней прошло с малолетства...*» – *тёплый свет*.

Это выражение в поэзии Маршака приобретает множество значений. Интересно проследить за тем, как оно с годами трансформировалось в его стихах, обогащаясь всё новыми и новыми смыслами и оттенками. Тепло – это то, чего так не хватало неустроенной и небогатой семье, и поэтому особенно ценилось обитателями старого дома. *Тёплый свет* – это то, что собирало и объединяло всех членов семьи по вечерам. Несмотря на полукочевой быт, на бедность, иногда граничившую с нищетой, детство поэта было счастливым. Оно протекало в дружной семье, где существовали любовь и преданность, уважение и взаимопомощь, где гордились способностями и успехами детей, где царили культ образования, культ книги.

И, наконец, «тайная опора» на протяжении всей жизни – *тёплый свет* воспоминаний.

В 1964 году Маршак написал четверостишие, в котором слово *тепло* приобрело совсем иное значение.

*Старайтесь сохранить тепло стыда.
Всё, что вы в мире любите и чтите,
Нуждается всегда в его защите
Или исчезнуть может без следа.*

Краска стыда на лице человека – то, что ушло безвозвратно из нашей жизни. Те самые «закрытые ставни». Убереечь во что бы то ни стало, защитить светлую память тех, кто беззащитен, кто сам уже не может ответить обидчику.

Быть может, «*тепло стыда*» было причиной того, что Маршак почти не оставил любовной лирики, а та, что всё же существует, писалась как бы вдогонку, вослед ушедшему. В этих посланиях тепло и свет приобретают новое неожиданное звучание.

В 1962 году была написана небольшая пейзажная зарисовка. Из путевой тетради:

*Как быстро палящее солнце зашло,
Исчезло в морской глубине,
Оставив безоблачной ночи тепло
И свет приглушённый – луне.*

Мы почти физически ощущаем, как расплавленное солнце с шипением погружается в море, как «глубина» – слово, приобретающее в тексте гулкость и объём – поглощает его, как постепенно смягчаются и гаснут краски, уходит дневной жар и остаются тепло южной ночи и приглушённый свет луны. Уходя, солнце оставляет после себя свет и тепло.

Примерно тогда же было написано стихотворение, посвящённое памяти Тамары Григорьевны Габбе, близкого друга, соратника, единомышленника, ушедшей из жизни в 1960 году.

* * *

Т. Г.

*Ветер жизни тебя не тревожит,
Как зимою озерную гладь.
Даже чуткое сердце не может
Самый легкий твой всплеск услышать.*

*А была ты и звонкой, и быстрой.
Как шаги твои были легки!
И казалось, что сыплются искры
Из твоей говорящей руки.*

*Ты жила и дышала любовью,
Ты, как щедрое солнце, зашла,
Оставляя свое послесловье –
Столько света и столько тепла!*

Казалось бы, что общего между этими двумя стихотворениями, далёкими друг от друга? Оказалось, многое. В сущности, они оба написаны о том, какой след остаётся на земле после ухода близкого, а в случае Тамары Габбе ещё и «литературного» (отсюда слово «послесловие») человека. Остаются *тепло и свет*, которые на протяжении жизни он дарил окружающим.

В последний раз в стихах у Маршака появляются эти слова. Вскоре им на смену придут другие: *тишина и темнота*. Оказалось, что даже в этих условиях можно обрести какое-то новое видение, новое зрение.

*Только ночью видишь ты вселенную.
Тишина и темнота нужна,
Чтоб на эту встречу сокровенную,
Не закрыв лица, пришла она.*

И только с его уходом «не будет даже тишины, не станет темноты».

В конце жизни, пройдя свой путь, человек стремится вернуться к своим истокам, пытается снова отыскать давно забытую дорогу к дому. Самый короткий путь к возвращению – это память.

В заключительных кадрах фильма Андрея Тарковского «Солярис» главный герой возвращается к тому, о чём мечтал во время далёкого и трагического космического путешествия, – к родному дому. Он долго бродит вокруг дома, жадно вдыхает забытые запахи трав и влажной земли, вслушивается в шум дождя. Камера медленно поднимается ввысь, и дом постепенно уменьшается, превращаясь в еле заметную точку.

В центре Вселенной, омываемый волнами Мирового океана, на самом донышке души, покоится дом нашего детства. А душа, как известно, бессмертна.

Лея Алон (Гринберг)

«СИЛА ЖИЗНИ – В ДУШЕ. А ДУША – ЭТО СТЕРЖЕНЬ ВСЕГО»

*Разорванный талес на раненом теле.
Хорош этот талес еврейский – в нём телу удобно:
ещё не зажившие раны ветра не засыплют песком.
Слышны колокольные звоны, евреи трясутся.
Не надо трястись так, евреи!
На кладбище я стерегу могил свежевырытый ряд.
Клеймо ваших ран на челе моём рдеет.
Я царь в этом талесе – в мантии красной и рваной!
Я каждой руке отомщу за пролитую кровь
в болотах,
в сараях,
на улицах
и у порога костёлов.*

Из поэмы «В Царстве Креста»

Природа поэта... Она отлична от природы обычного человека. Его чувства обострены, его ухо, подобно уху музыканта, улавливает звуки, неподвластные иному слуху, а видение мира соткано из его фантазии, проникновения в мир мудрости, глубины чувства. Его слову дана сила обобщения. Не случайно Ури Цви Гринберг написал о своей поэзии: «Вслушайтесь в мои стихи: не говорите – это только стих. Он озарён мудростью и отражает свет».

Я и сегодня помню своё впечатление от первых прочитанных его стихов. Они были далеки от моих поэтических пристрастий, но я вновь и вновь возвращалась к ним. Вдруг куда-то далеко отступила лирика Блока, и меня покорила властная сила написанного Ури Цви Гринбергом. Я читала его стихи и чувствовала, как в сердце закрадывается боль. И не уходит.

Передо мной новая книга переводов его стихов «Не угаснет душа», вышедшая недавно в Москве в серии «Пространство перевода». Короткая аннотация подводит к её сути.

«Ури Цви Гринберг – особое явление не только в израильской, но и во всей еврейской литературе. Это поэзия XX века, окрашенная яркой еврейской символикой, проникнутая духом Танаха, Талмуда, Каббалы и других еврейских источников.

В книгу, подготовленную Ханом Дашевским, вошли избранные стихотворения и поэмы, отражающие лишь небольшую часть грандиозного литературного творчества выдающегося поэта.

Это первое подобное издание на русском языке».

Открыв книгу, с нетерпением листаю её – ещё не знаю, что ищу, но взгляд уже задержался на стихотворении:

*Свойство моря живёт в человеке: ведь оно тоже плоть.
Шумят волны моря, тиха его гладь.
И сон голубой человека подобен каналам воды.
И после мелодии звучной, поглощающей сердце, – покой.
Чьи-то головы в небе, и чьи-то под солнцем,
а чьи-то – в могиле земной.*

Стихотворение – подобно этюду художника. Только разве обычному этюду дана глубина Коэлета?.. Особенность поэта, его умение уловить суть в обыденном, ощущаешь и в большом и малом пространстве стиха.

«Не угаснет душа» – так названа книга, и я понимаю: это строка из стихотворения. И она словно ведёт меня за собой. Я ищу это стихотворение. И нахожу его в цикле «Трактат о душе и её доме».

*Не угаснет душа, если тело умрёт,
но умрёт, без сомнения, тело со смертью души.*

Мысль о душе, как о ведущем начале в образе человека, сопровождает весь цикл, названный «Трактат о душе и о доме её».

*Тот образ прекрасный, что мы ощущаем и видим
как в жизни людей, так и в жизни цветов и деревьев,
тот внутренний свет, чьё сияние есть даже в камне,
он весь – откровенье души, как свеченье из комнаты,
весть о сути и силе того, что зовётся душою.*

И вновь, уже в другом стихотворении, как подтверждение той же мысли:

*Через душу приходит к нам тела рассвет,
через душу и осень является к нам,
через душу все прелести плоть познаёт:
аромат наслаждений, желаний напев...*

И я вдруг вспоминаю поэтессу Зелду. Как странно, они так далеки друг от друга, а ко мне возвращаются её строки о душе. Она говорит с ней как с живой:

*Душа,
Ты недугов совет услышала
И прилипла, как плющ
К старой стене.
Встань, встань,
За окном небеса беспредельные.
Встань.*

Перевод Фримы Гурфинкель

Всё та же суть, всё тот же исток, всё та же основа у них обоих. Оба выросли в религиозном доме, где из поколения в поколение передавалась высокая еврейская духовность.

Ханох Дашевский почувствовал главное в Ури Цви Гринберге: мир его души, её боль, её связь со своим народом. Перевести эту боль на слова поэзии – всё равно что коснуться раны. Пусть время и зарубцевало её, но ты читаешь строки Ури Цви, и они отзываются в тебе с той же силой, потому что он весь в них. Переводить такие стихи тяжело. Ты возвращаешь ушедшему мгновению краски и словно становишься свидетелем происходящего. А нужно ли это? Разве в этом красота поэзии?

Однажды Ханох прочёл слова Иегуды Галеви: «Не увлекайся греческой мудростью, ибо в ней есть только цвет, но нет плода». То была мысль об истинной красоте и истинной мудрости: быстро увядающий цветок, ласкающий глаз, и плод – символ зрелости, вобравший от соков земли. Он хранит в себе силу, ради него плодоносит дерево.

За этим сравнением прятался взгляд философа на суть его народа, духовную зрелость, глубину. В какой-то момент Дашевский понял – прошлое, со всей его трагичностью, неизбывная часть поэзии народа. Без этого не могло быть его истории, без этого душа нашего народа не могла бы нести ту духовную мудрость, которую хранила веками.

Чтобы открылась истинная глубина поэзии Ури Цви Гринберга, Переца Маркиша, Шауля Черниховского, Хаима Нахмана Бялика, переводчик должен приникнуть к роднику, питавшему их творчество, познать традиции еврейской поэзии, её символику, мистичность, библейский дух. И Ханох Дашевский возвращается к поэзии испанского «золотого века» и от неё ведёт читателя к выдающимся еврейским поэтам современности. Он открывает для себя Шмуэля ха-Нагида, Саадию Гаона, Шломо ибн Габироля, Моше ибн Эзру, Иегуду Альхазири, Иегуду Галеви и многих других.

Они сочиняли философские оды, элегии, стихи о любви и вине, но истинным источником вдохновения для них оставался Танах, библейская мудрость. Не случайно Шмуэль ха-Нагид своими учебниками называет Книгу Псалмов, Коэлет, Книгу Притч, а Иегуда Галеви пишет «Кузари» – «Книгу доводов и доказательств в защиту гонимой веры». (Так она названа в переводе с арабского.)

И знакомясь с переводами Ханоха Дашевского «Из еврейской поэзии», я с благодарностью думаю о том, сколько незнакомых имён, сколько прекрасных строк вернул он нам из того источника, что и сегодня питает нашу поэзию. И так естественно, что именно она, эта книга, была удостоена Союзом русскоязычных писателей Израиля премией Давида Самойлова.

То было первое по-настоящему глубокое проникновение в еврейскую поэзию прошлого: перевод стихов с иврита сефардского, ашкеназского, современного и идиша. Над своей краткой антологией Ханох Дашевский работал пять лет, но одновременно с ней родились ещё две книги: «Ури Цви Гринберг. Не угаснет душа» и «Лира и кровь».

И они – словно притоки одной реки, у которой есть начало, но нет конца. Их воды сливаются в единый поток, обогащая друг друга. Имя этой реки: «Еврейская поэзия».

Стихи еврейских поэтов, с их особым духовным настроем, порою печально-щемящей музыкой, переводили Анна Ахматова, Павел Антокольский, Владислав Ходасевич, Эдуард Багрицкий... Имя Ханоха Дашевского в «Пространстве перевода», серии книг московского издательства «Водолей», появилось сравнительно недавно, но сегодня он один из самых значительных современных переводчиков с иврита и идиша на русский язык. Я спрашиваю: как сформировалась в нём эта духовная еврейская основа?

«Я родился в хорошо знакомой вам Риге, и мои истоки оттуда, – ответил Ханох на мой вопрос. – Меня просвещали, и я просвещался сам, читая всё, что мог достать на еврейскую тему...»

Да, Рига была мне хорошо знакома. Мы переехали в Ригу из Таллина. И первое моё воспоминание от встречи с этим городом: фотографии расстрела евреев в Румбульском лесу. Не знаю, кто их передал, узнав о новой семье, но не могу забыть потрясение от увиденного. Почему-то на них были только молодые девушки, мои тогдашние ровесницы, в последние мгновения их жизни. Потом была встреча с Фридой Михельсон, одной из уцелевших во время акции. И наш с ней путь по спящей Риге, которым их вели тогда. И моё о ней эссе «Это мой долг».

Да, я хорошо помнила Ригу, в ней было много сионистски настроенной молодёжи. И всё же далеко не все мои сверстники могли сказать о себе так, как сказал Ханох Дашевский: «Я почему-то очень рано почувствовал себя чужим в той стране, особенно на уроках русской истории и литературы. Мне никто специально не объяснял, что это не моё, я сам это ощущал: что-то было в душе...»

Он точно определил в себе этот исток. Как написал Ури Цви Гринберг: «Сила жизни – в душе. А душа – это стержень всего».

В предисловии к книге «Лира и кровь» Дашевский пишет:

«В эту книгу вошли пять поэм, объединённых общей темой: трагической судьбой еврейского народа. Отсюда и название книги "Лира и кровь". Две поэмы – историческая поэма Шауля Черниховского "Барух из Майнца" и поэма Ури Цви Гринберга "Танец на могиле отцов" – публикуются впервые. Такая поэзия не слишком часто удостоивается внимания переводчиков. Существует мнение, которое можно охарактеризовать одной фразой: "Хватит об этом!"».

Бежать от памяти – всё равно что бежать от своей сути. Нам заповедано и нас сопровождает: «Помни!»

И Ханох берётся за перевод поэмы Переца Маркиша «Ди Купэ» («Куча»), написанной на идише около ста лет тому назад и оставшейся в ряду забытых и неизвестных читателю произведений. Он возвращает её к жизни.

«Сюжет поэмы не из того ряда, когда за кровавой вакханалией грядёт Искупление и новый рассвет. "Куча" – о резне, в которой жертва не в состоянии сопротивляться. И в этом заключена ужасающая банальность погромов – и в Средневековье, и в хмельничину, и в Гражданскую войну, и в нацистских лагерях смерти. Нескончаемый плач, боль и тоска», – пишет он, комментируя свой перевод.

Ханох чувствовал: его душа отозвалась именно на поэзию, отражающую наиболее трагический период нашей истории, а это одна из центральных тем в творчестве Гринберга.

Ури Цви Гринберг, в чьих жилах текла кровь его прадеда рабби Ури из Стрылисыка по прозвищу а-сараф – «огненный ангел», наделённый даром пророчества и подобно пророкам, не отступающий от своей правды; впитавший дух zelotim, готовых жизнь отдать за свободу, был особенно близок переводчику.

Но это чувство близости придёт позже. «Мой путь постижения его личности начался на семинаре поэтического перевода в Доме У.Ц. Гринберга на лекциях глубокого знатока иврита и творчества поэта рава Зеэва Султановича...»

Стоило Ханоху назвать имя Зеэва Султановича, как я вспомнила его книгу: «Ури Цви Гринберг. О Боге. О времени нашем»¹.

С ней я была хорошо знакома, возвращалась, как случается вернуться к роднику чистой воды, чтобы утолить жажду, почувствовать свежесть бьющего из земли источника. И я представляю, как лекции Султановича с их эмоциональным накалом, его знанием истории и литературы, могли увлечь слушателей. Еврейская судьба, еврейское одиночество, еврейская боль...

Поэма в «Царстве Креста» была написана Ури Цви Гринбергом на идише в 1922 году. Трагедия только приближалась, а он уже видел ужас происходящего, как будто всё совершалось на его глазах.

*Может, самое чёрное вижу я здесь из пророчеств,
каждым нервом своим ощущаю я ужас,
оттого что сбываются эти виденья
здесь, в долинах страданья, на земле христианства.*

.....
*Если б мог удержать я пылающий Марс на орбите,
чтобы он осветил, сквозь затмение солнца, дороги,
где сидят наши матери возле обочин*

*и баюкают там своих мёртвых детей на коленях,
своих мёртвых ягнят и птенцов на распутьях Европы.*

В статье «Разорванный талес» Ури Цви Гринберга, посвящённой выходу книги «Не угаснет душа», Ханох Дашевский пишет о поэте:

«Ему открывались иные миры, недоступные приземлённым, сосредоточенным на будничной суете людям. Но и в литературном окружении, среди соратников по перу, он нередко оставался изгоем. <...> Ярлык "кровавый фашист" надолго приклеился к нему в Израиле, и каково было после Катастрофы ходить с таким ярлыком. А всё дело было в том, что он видел дальше других, и как верный сторожевой пёс, учуяв опасность, пытался встревоженным лаем предупредить пастухов еврейской страны».

*А горечь бессилья и вдовьих слёз,
как коршун вьётся над нашим краем.
Разве я волк? – Я дворовый пёс,
который будит уснувших лаем.*

Это стихотворение – одно из цикла «Дворовый пёс».

Ури Цви Гринберг хорошо понимал, что ему дана особая миссия: дар пророка жёг уста, требовал большого духовного напряжения, обрекал на одиночество.

*Я чужим был в моём поколеньи: мой стих
был пантерой, вгрызавшейся в души глухих,
раздиравшей своим откровением их.*

Порой он казался себе пришельцем из другого времени. Исследователи его творчества писали о его близости к пророку Йехезкелю. На свитке из видения пророка было начертано: «Плач, и слёзы, и горе». На его глазах пала Иудея, был захвачен Иерусалим, разрушен Храм и народ угнан в Вавилон. Но разве то, чему стал свидетелем он, Ури Цви, не уподоблено времени Йехезкеля? И разве не должен он, Ури Цви, подобно Йехезкелю, воззвать к своим соплеменникам?!

*О, родина! Край холмов и долин!
Несу твоё бремя, несу один.
Есть ли дом у пса? Где ночлег обрету?
Как жёваная полынь – во рту
Пророка горькая речь.*

И всё же он чувствовал: его творчество отзывалось в душах людей.

*Плугом песен своих я вспахал их песок, там провёл борозду
и оставил посев: веру в царство Давида, пророчество, гнев:*

*и увидел на поле лишь первый росток,
перед тем, как в свой час вместе с мёртвыми лёг.*

Большинство стихов в книге «Не угаснет душа» переведены на русский язык впервые. Самый значительный её раздел составляют поэмы, посвящённые трагедии уничтожения еврейского народа. В статье «Сущность моря и суши» Евгений Витковский², который четырнадцать лет ведёт сайт «Век перевода», пишет о переводах Хануха Дашевского «Эти поэмы – широко открытая дверь в более чем сотню страниц стихотворений из десяти циклов разных лет... Это хорошие стихи, и это стихи именно Гринберга, <...> сделанные рукой настоящего мастера».

Книга разделена на циклы. Здесь и философская лирика, стихи о душе, о Боге, смысле жизни. И ты вдруг чувствуешь, что поэт словно впускает тебя в своя святая святых, обнажая душу. Вместо пророческих видений – лирика. Внезапная грусть, беспокойная тревожная память.

*Человек слышит музыку в рокоте волн:
так играет кларнет
на острове детства, где целым стоит его дом.
И в сверкающей пене туда возвращается он,
видя в море русалку с обнажённым бедром,
а за нею мерещится всадник на чёрном коне,
и сияющий остров исчезает в огне...*

Образы погибших родителей, сестёр, их детей постоянно возвращаются к нему, он несёт им свою любовь, нежность, боль, но их нет, только память. Такая явственная, такая живая...

Поэзия Гринберга, уходящая своими глубокими корнями к библейским источникам, с возвышенной духовностью, сложными ассоциациями, религиозно-философскими размышлениями, тяжела для перевода. «Поэтический перевод – искусство. Ты идёшь к своей зрелости, постепенно взрослея», – говорит Ханух. Он вспоминает, как пытался вместить в перевод больше слов оригинала, не замечая, что теряется красота стихотворной строки. Своим учителем литературного перевода он считает Евгения Витковского. Постигание тайн перевода – продолжается.

Сегодня, читая стихи Ури Цви Гринберга в его переводе, чувствуешь тонкий лиризм, глубину мысли, красоту языка.

*Ты в золоте вся, а пышные перья пестры!
Волшебная птица – душа моей мёртвой сестры!
Прищуренным оком глядишь, не мигая! Постой,
как звать тебя? – Павой тебя назову золотой!..
Когда проломил двери нашего дома сапог,
и преградой не стал освящённый мезузой порог,*

*и явилась к народу Завета беда, не мигая,
смотрела волшебная птица тогда.*

.....
*Слушай, пава: чудесные крылья раскрыв,
улететь не спеши... Ты убита, сестра, а я жив!
Семь субботних небес как откроются мне,
без прищуренных глаз, без реки и без леса в окне?!*

Это фрагмент из поэмы «Золотая пава», посвящённой памяти одной из погибших сестёр Ури Цви. Её облик навевал ему образ Золотой павы, птицы из еврейского фольклора, символ мечты о счастье.

Поэма вошла в книгу «Реховот-hanahar» – «Улицы реки».

«Реховот-hanahar» – название города в Эдоме. Символ христианства, его ненависти к евреям, ассоциация с жестокостью, страданием, ужасом уничтожения. Стихи напоминают *кино* – элегии, но в них сквозь плач по погибшим, прорывается вера в возрождение.

*В час, когда наше небо окрасит восход,
Солнце Запада, солнце Эдома зайдёт.*

Первые стихи, вошедшие впоследствии в эту книгу, Ури Цви Гринберг начал писать ещё в 1931 году, в Польше. Он постоянно возвращался к ней. Она оказалась последней, опубликованной им при жизни. И была награждена особой премией имени Х.Н. Бялика за поэтическое мастерство. И Государственной премией Израиля.

Поэт, с его особым мистическим видением, рисует картину возрождённого народа: «И придёт этот день...»

*Затрубит провозвестник у древних ворот
и пробудит дремавшие прежде края,
и тогда мы услышим, как снова поёт
арфа в Доме Царя на горе Мория.*

Возрождённый дух – дух царя Давида. Суть возрождения – в духовной преемственности.

И я невольно возвращаюсь к строкам стихотворения, которое прочла одним из первых в книге «Не угаснет душа»:

«Сила жизни – в душе. А душа – это стержень всего».

---

¹ Зеев Султанович. «Ури Цви Гринберг. О Боге, о мире, о времени нашем». Творческая биография национального поэта. Издательство «Дом наследия Ури Цви Гринберга», 2002 год.

² Евгений Витковский – российский писатель-фантаст, литературовед, поэт, переводчик.

НА СКЛОНЕ ЛЕТ

Его уход из жизни не был для нас неожиданностью. В последнее время мы с грустью замечали, как быстро слабел и на наших глазах угасал единственный оставшийся в живых дядя. А ведь совсем еще недавно, всего несколько месяцев назад, отмечая его 92-летие, мы были поражены, какой светлый ум и ясную память сохранил он в эти годы, как трезво и логично оценивал происходящее. «Надо же, – повторял он, – до таких преклонных лет дотянул! Вот уж никогда не думал, что я переживу всех в нашей семье».

Что ни говори, подумала я, крепка порода Дубновых, недаром корень этой фамилии – дуб. Его папа, мой дедушка Абрам Дубнов, ушел из жизни в 99 лет, мой папа, его старший брат – в 90, так что дядя сам очень тонко подметил: «А ведь на сегодняшний день я, действительно, последний из могикан».

Это было не только красивое литературное сравнение. Он воистину ощущал себя патриархом, и, видя в этом свое предназначение, составил для нас родословную семьи, берущую начало в восемнадцатом столетии от Михла-Велвла Дубнова из Мстиславля, откуда пошла ветвь Дубновых, прославленная еврейским историком Семёном Дубновым. Да и сам дядя внешне напоминал старейшину рода: высокий, подтянутый – преклонные годы не согнули его, и при такой осанке даже палка, на которую он опирался при ходьбе, больше напоминала посох предводителя. Обычно был он сдержанным и немногословным. Но на этот день рождения – кто знает, может, предчувствовал, что он последний в его жизни, а может быть, присутствие детей и теплая родственная обстановка отвлекли его от тяжелых дум – был он особенно возбужден.

До сих пор перед моими глазами эта яркая картина: дядя в своем праздничном голубом пиджаке, украшенном плотными рядами медалей, стоит счастливый и растерянный в кругу правнуков его старшего брата, моего отца, а те, как принято в таких случаях, громко расппевают на иврите: «*Ха-ём ём муледет ле дод Давид*» – «Сегодня день рождения дяди Давида», и водят вокруг него хоровод.

Не суждено ему было пережить такие минуты радости со своими внуками: обе его дочери и внуки – в Германии, далекие от всего, что связано с Израилем, еврейством.

Мемуары

Что говорить, да и сам дядя, как и многие выходцы из России, давным-давно отошел от своих корней, но при этом всегда твердо знал, что репатрируется только в Израиль. И, несмотря на искреннюю любовь к этой стране и чувство благодарности за все, что она дала ему, находясь здесь, духовно он все-таки по-прежнему продолжал жить в той стране, в той культуре. И если бы не события последнего года, изменившие его, не знаю, как бы завершилась его жизнь.

А началась эта грустная история с незабываемого звонка в весенний мартовский день. Звонила дочь второй жены дяди. Уже тон ее, холодный, официальный, настораживал, не предвещающая ничего хорошего: «Приезжайте и заберите вашего дядю, у нас некому за ним ухаживать». Это прозвучало как приговор.

Так, несколькими словами, было разворочено «теплое гнездо», была разрушена размеренная, спокойная жизнь двух пожилых людей. Более двадцати лет прожил дядя в этой квартире, каждый уголок которой носил следы его увлечений: вот с любовью протянутая на веревочке вьющаяся герань, вот фотографии покинувших этот мир дорогих для него людей – родителей и братьев, а вот и особая гордость – огромная схема родового семейного дерева.

Конечно, ко времени, о котором идет речь, дядя был уже больным человеком, требующим ухода, да и у жены появилось немало проблем со здоровьем, но тем не менее, даже в такой непростой ситуации в Израиле, при наличии денег – а материально они не нуждались – всегда можно было найти альтернативное решение. Но дочь, воспользовавшись недомоганием матери, и личной неприязнью к отчиму, нашла простой способ избавиться от него.

И вот теперь, на старости лет, с одним чемоданчиком в руках, его, почти слепого, просто выставили из дома, выбросили, как отслужившую вещь. Что ж, не все в жизни подпадает под юридические законы – не все судимо, особенно такая тонкая вещь, как совесть. А он, дядя, не мог примириться с предательством близких ему людей, оставивших на его сердце еще один незаживающий рубец.

Первый – во время войны оставил немецкий разрывной снаряд, когда он, девятнадцатилетний младший лейтенант, командовал взводом зенитчиков, охранявших наши аэродромы.

После этого дядя чудом оправился, однако в Израиле рана вновь напоминала о себе, и ему пришлось пройти сложную операцию на открытом сердце.

Последнее испытание он сравнивал с болью военных лет, но теперь ему было намного тяжелее: не те годы, не тот юношеский оптимизм, да и не то самолюбие: во всем винил себя, просился назад, извинялся за свою старческую немощность и бесконечно звонил. Но телефон в квартире молчал, молчала и блокируемая родственниками жена. Так что в той ситуации его вынужденный приезд в Реховот можно считать подарком судьбы, которая мудро распорядилась, бросив дядю буквально в объятия такого преданного племянника, как Миша – сына его брата Аркадия, ушедшего из жизни совсем молодым после полученной на войне тяжелой контузии.

Мне трудно принять дальнейшую судьбу дяди как цепь случайных событий. Миша оказался именно тем человеком, который в критический момент «отогрел» дядю, сделал все возможное и невозможное, чтобы сгладить боль от пережитого. Он скорее напоминал преданного отца, который выхаживает больного ребенка. Кормил с ложечки, предварительно размягчив пищу, чтобы дядя мог легче ее пережевать, ежедневно гулял с ним, делал с ним специальную физкультуру, по нескольку раз в день бегал в дом престарелых, хотя тот получал прекрасный уход. И всё для того, чтобы лишний раз убедиться лично, что с дядей все в порядке. Даже дети не всегда так щедры на внимание и заботу, а тут – племянник...

Своим теплом он скрасил дяде последний год жизни. Думаю, и близость к моей семье – дочери его старшего брата, моих детей и внуков – сыграла свою роль. Конечно же, мы встречались с ним и раньше. И не один раз. Свои поездки на Мертвое море мы с сестрой планировали так, чтобы обязательно проехать через Арад и навестить дядю.

Но то были мимолетные встречи. Теперь же он стал моим частым гостем. И у меня появилась возможность узнать его ближе, сравнить со старшим его братом – моим отцом, который был на редкость мягким, сентиментальным человеком. Мы, дети, частенько подтрунивали над отцом, глядя, как он смахивает слезу в момент прощания Анны с сыном, слушая в сотый раз радиопостановку по роману Льва Толстого «Анна Каренина». Дядя был более реальным, умел сдерживать свои чувства, требовательным к себе и другим, а порой и – жестким. Его профессия – прокурор – словно шла за ним. Теперь, когда он жил поблизости, я приглашала его на все еврейские праздники, старалась, чтобы хоть раз в месяц он сидел у нас за субботним столом. Эти субботы преображали его.

«Ты знаешь, – расчувствовавшись, признался он мне однажды, – этот праздничный стол, традиционная еврейская еда, особый аромат, который исходит от вашей субботы, вернули меня в детство. А ведь прошло более восьмидесяти лет, когда я в последний раз сидел за таким столом. Как сейчас вижу нашу дружную семью: пятеро пацанов и сестру. Я – младшенький, а *мизинер*, самый балуемый в семье. Тихую молчаливую маму, в неизменном платочке, отца, искрящегося юмором, энергичного, от которого даже в праздники пахло лаком и краской, – он был искусным краснодеревщиком. Поставлял добротную мебель богатым евреям Гомеля, труженик, но на жизнь хронически не хватало, и, поэтому, за один только лозунг всеобщего равенства и братства, с восторгом принял новую власть. Помню, – продолжал дядя, – как папа приговаривал: “Кем бы я был, если бы не советская власть? Паршивый *идэле*”. А она – эта власть, – с горечью заключил дядя, – в дальнейшем хорошо над ним посмеялась: как частного предпринимателя и эксплуататора на время посадила в кутузку, да и маму, чтобы не было скучно, посадила к нему в придачу. Но тогда это не отрезвило отца от его первых восторгов, и еще долгие годы он боготворил советскую власть, воплотившую в жизнь его мечты.

Дети его – достойные люди: дочь – врач, сыновья – журналист, юрист, военный. Думаю, – добавил дядя, – с годами его подход к жизни стал меняться. Мы, дети, смотрели на эти изменения как на старческие причуды, а сейчас, приближаясь к его годам, я понимаю, что его просто потянуло к еврейству. Папа всем своим существом вернулся к религии, главным его маршрутом – а жил он у дочери в Ленинграде – стала синагога. Помню, как отец гордился, что теперь у него почетная должность: ему доверили собирать деньги на бедных, и с тех пор, кто бы ни заходил в дом, он вытаскивал из-под подушки неизменную копилку для пожертвований и просил: “Дай сколько можешь, на бедных собратьев”. Но мы, дети, вылетев из родительского гнезда, уже никогда не возвращались к нашим традициям, полностью окунувшись в строительство нового мира. Наш, еврейский мир, в общей эйфории безбожья был напрочь забыт. Да и, честно признаться, особой тоски по нему мы тогда не испытывали», – заключил свои воспоминания дядя.

«Но неужели же вы не понимали, что эта власть, дав вам образование, “уравняв” вас с другими, всегда и во всем напоминала вам, кто вы. Даже если вы меняли имена, она всё равно находила вас. Вы навсегда были отмечены “каиновой печатью”.

Она просто обобрала, обокрала вас, лишила рода-племени, родного языка, традиций своего народа, – не выдержала я. – А вы до сих пор это и не осознали».

«Это не совсем так, – с расстановкой произнёс дядя. – Я уже в России понял, что прожил свою жизнь во лжи. Я, как прокурор, следователь, привык наблюдать и анализировать – это суть моей профессии, – и я многое знал.

Всю фальшь и цинизм той системы я понял в момент смерти Сталина. Когда на партсобрании все горько плакали, я, знавший правду, вышел из зала и смеялся.

Да, да, ты не поверишь, просто смеялся над ними, надо всеми. Но что я мог делать? Так же как тысячи других – я молчал».

...В один из осенних дней мы возвращались со дня рождения моей сестры из Иерусалима. Накрапывал первый осенний дождик: дорога была скользкой и требовала особого внимания. Я была полностью поглощена вождением и поэтому не принимала участия в общем разговоре. Сидящие на заднем сидении тихо переговаривались между собой, сетуя на путь, избранный их детьми.

– Мы сами виноваты – мы их неправильно воспитали, кого теперь обвинять?

– А, я, – возбужденный от нескольких бокалов вина, подхватил дядя, – я был тогда просто трус, да, беспринципный трус, – повторил он. – Когда один из моих внуков, живя в Ржеве, записался евреем, то его бабушка, моя покойная жена, используя связи, быстро исправила «ошибку». Хорошо помню её слова: «С этой графой он мало что успеет в жизни».

– Я не смог ей противостоять, понимая, что в той обстановке это наилучший выход. Нам казалось, – дядя будто изливал всю боль, накопившуюся в его душе за долгие годы, – мы оберегаем наших детей, помогаем им пробиться в жизни. А сегодня к кому я могу иметь претензии: я им ничего не дал, старался оградить их от суровой реальности, старался избегать разговоров о нашем еврействе, о национальной гордости, чтобы не усложнять им жизнь, и вот я получаю, – с горечью добавил он, – обе мои дочери и двое внуков прочно обосновались в Германии и Бельгии. И я понимаю, что никогда они в Израиль не приедут: они же уже и переженились там с местными, чувствуют себя немцами и гордятся этим.

Я молчала, но слезы застилали мне глаза, и хотя дяди вот уже несколько месяцев нет в живых, я трепетно храню в памяти этот разговор, эту исповедь целого поколения, поколения наших отцов. Какие изломы и изгибы в судьбе пережили они.

Мемуары

Взять, к примеру, моего отца. В переписке с внучкой, моей дочерью, в ответ на её по-детски трогательные слова: «Эта земля полита кровью наших мальчиков», написал из своего далека: «Оставь свой патриотический бред!». Спустя годы, уже живя в Израиле, в День Независимости еврейского государства, он каждый раз проникновенно провозглашал: «Выпьем за нашу маленькую страну, чтоб на радость нам она цвела и расцветала».

И как в награду за свою любовь к этой стране, он удостоился обрести вечный покой на Масличной горе, где захоронены многие наши праведники. И на памятнике вписано его истинное еврейское имя: «Натан сын Авраама».

А дядя всю жизнь помнил и устраивал торжественные застолья в честь 1 мая, 7 ноября.

«Кто помнит их сегодня? – как-то признался он мне, – то ли Пурим, Ханука. Сейчас я понял: это вечное».

Как же неисповедимы пути, подумала я. Наша жизнь напоминает детскую игру пазл – мозаику, когда разрозненные части собираются воедино и вырисовывается полная картина. Из всей семьи Дубновых только двое – самый старший и самый младший – нашли приют своей душе и телу здесь, в стране предков.

На памятнике дяди высечено: «*Заха лихикавер бэ-Эрец Исраэль*» – «Удостоился быть похороненным в Эрец Исраэль».

ВЫШЛИ МЫ ВСЕ ИЗ ВААДА

Поезд в Ригу пришел рано утром, и у меня было достаточно времени походить по центру города, вспомнить о своих давних его посещениях, еще раз полюбоваться оставшимися в памяти городскими пейзажами. Никого, кому можно было бы позвонить, с кем можно было бы встретиться, у меня в Риге уже не было. Посидел в скверике, походил по набережной Даугавы, Прошел мимо Домского собора. Вспомнил концерт органной музыки, когда в храме звук висел в воздухе настолько осязаемо, что, казалось, его можно было потрогать руками. Попил кофе в кабачке, который когда-то назывался «12 стульев» – там действительно было только 12 посадочных мест, напоминая об известном телевизионном кабачке с таким же названием, и в 10 часов утра подошел к зданию бывшего еврейского театра. Теперь здание принадлежит еврейской общине, и здесь сегодня должна пройти международная конференция «Евреи на постсоветском пространстве: опыт, проблемы, достижения».

1

Вестибюль уже наполнен людьми. Конференция посвящена 20-летию Рижского круглого стола. Того самого «стола», который предварял Первый съезд Ваада – Конфедерации еврейских организаций и общин СССР, созданной в декабре 1989 года. Этот съезд получил серьезный резонанс во всем мире и способствовал подъему национального самосознания советского еврейства, что привело к эмиграции с постсоветского пространства за следующие два десятилетия 1 миллиона 600 тысяч человек.

Тот, первый рижский «круглый стол» прошел в конце мая 1989 г. под общим названием «Проблемы советского еврейства». И вот как-то незаметно пролетело, почти день в день, ровно двадцать лет. На календаре – 22 мая 2009 года. В зале около пятидесяти человек. Большинство давно и очень хорошо знают друг друга. И это неважно, что живем мы в разных странах, разделенные не только государственными границами, но даже морями и океанами. Мы все, как и двадцать лет назад, объединены одним делом, одной заботой. Правда, из числа участников сбора двадцатилетней давности в зале находилось только шесть человек.

В зале, где проходят заседания, выставлены фотографии с того, первого «круглого стола». Возгласы: «Вот этого уже нет... И этого уже нет...» На одном из снимков – президиум, заседание ведет Леонид Стонов.

Когда-то он, доктор наук, профессор, многолетний отказник, приходил ежедневно, как на службу, в московский ОВИР и давал бесплатные консультации тем, кто не мог добиться от властей разрешения на выезд. Вскоре после первого съезда Ваада он уехал в США и в течение многих лет работал исполнительным директором Объединения комитетов по оказанию помощи евреям бывшего СССР (UCSJ). И мало кто теперь уже помнит, что именно эта международная правозащитная организация обеспечила финансирование первого съезда Ваада. Л.Стонова в зале нет, он не приехал, и теперь UCSJ могу на конференции представлять, видимо, только я: в течение десяти последних лет я возглавлял его минское бюро.

Сегодня на конференцию вынесен лишь один глобальный вопрос: что произошло с бывшим советским еврейством после распада СССР. Изменилось ли отношение к нашему народу на постсоветском пространстве и в мире после ухода с исторической арены коммунистического режима; как сложилась судьба тех, кто остался, и тех, кто уехал; какие перед ними стоят проблемы и существуют ли пути их реализации.

А главное, какое мы сами ко всему этому имеем отношение; какие проблемы решены, а какие ждут своего решения, и что может сделать в современных условиях мировое еврейство, чтобы решить, наконец, так и не решенный за все предыдущие века пресловутый «еврейский вопрос».

Двадцать лет назад участники «круглого стола» взяли на себя ответственность за судьбы советского еврейства. Я на той, первой, встрече не был, но был на всех последующих заседаниях координационного совета по подготовке первого съезда Ваада, да и на самом съезде в московском Доме кино вел одно из заседаний. Но время неумолимо, каждое новое событие загоняет в глубины памяти то, что уже свершилось, и теперь, чтобы зафиксировать на бумаге какие-то мгновения пролетевших десятилетий, приходится обращаться к сохранившимся документам.

Вот перед моими глазами две большие страницы «Международной еврейской газеты» («МЕГ») за май 1992 год (№9) со стенограммой другого круглого стола, накануне третьего съезда Ваада. У меня уже к этому времени – два года работы в его президиуме. Впереди распад СССР и распад Ваада на еврейские объединения отдельных государств, но мы об этом еще не догадываемся. Нахожу свое выступление.

«...Это замечательно – евреи начали говорить о своих проблемах вслух: то, что звучало за закрытыми дверьми, стало звучать на собраниях, на страницах еврейской прессы. Этот процесс уже не остановишь. И это является основной исторической заслугой Ваада.

Вместе с тем, Ваад так и не стал полномочным представителем интересов евреев на государственном уровне. До сих пор на всех этажах государственного строительства судьбу евреев, как и других малых народов, решают без них. Впрочем, Ваад содержит в себе одно весьма серьезное противоречие: с одной стороны, он является организацией активистской, а с другой стороны, он берется представлять интересы всего еврейского населения страны, которое этих активистов не избирало, потому что всееврейские выборы практически провести невозможно...»

Вот выступление Михаила Членова, сопредседателя Ваада. «Мы не представляем из себя государство в государстве. У нас нет своих властных или законодательных структур. Мы живем в стране, где существуют свои законы. Ваад никогда не стремился стать еврейским правительством или чем-нибудь иным в таком духе. Это организация национальная, имеющая своей задачей защиту национальных прав и выработку национальной стратегии».

Перебираю дальше свой архив и нахожу статью вице-президента Ваада России Романа Спектора («МЕГ», 1997, №11-12). Статья посвящена созданию в России еврейской национальной-культурной автономии (НКА).

«Национальная политика – это важнейший и долгосрочный ресурс государственного строительства. НКА – это законом предусмотренный институт, который связывает национальные меньшинства и государство на основе взаимной ответственности. Государство, будучи правопреемником СССР, – наш должник, и НКА – это способ предъявить ему счет за утрату общественных, культурных, образовательных, информационных и просветительских институтов, которых у нас было предостаточно даже по сегодняшним меркам, а также общинной собственности, которая была национализирована».

2

*Под крики толпы угрожающей,
хрипящей и стонушей вслед,
последний еврей уезжающий
погасит на станции свет.*

Этими словами двадцать с лишним лет назад Булат Окуджава начинал одно из своих стихотворений. Оно было посвящено Большой алии девяностых. Сколько должно еще пройти времени до того момента, когда Россию покинет последний еврей, и наступит ли в этой стране после его отъезда темнота, никто сегодня сказать еще не может.

А вот что касается «толпы угрожающей, хрипящей и стонущей вслед», то такие толпы мы видели и продолжаем видеть, и уже по одному этому факту можно судить хотя бы о том, что свет на этой станции погас уже давно. И что-то не видно, чтобы кому-то, кроме евреев, эти толпы мешали. «Хозяева» этой «станции» ласково поглаживают по головке приближенных к себе евреев, делают перед всем миром вид, что любят их и никому не дадут в обиду, но «хрипящие и стонущие» толпы располагают, тем не менее, всеми возможностями «хрипеть и стонать» по еврейскому адресу. А их полномочные представители, всевозможные прохановы и шевченки, без труда почти еженедельно получают открытый эфир на телевидении и в качестве доказательства, что в России еще существует свобода слова, декларируют свои погромные идеи перед всем народом.

Память переносит меня в мокрый и неуютный декабрь 1989 года. Толпа каких-то отморожков не хрипами и стопами, а вполне отчетливыми оскорблениями и угрозами встречала 28 лет назад у входа в московский Дом кино делегатов открывавшегося Первого съезда Ваада. В Москву тогда съехались представители большинства еврейских общественных организаций и религиозных общин уходящего в прошлое, но пока все еще существовавшего Советского Союза. Искаженные злобой лица. Какие-то кривляющиеся, базарного вида тетки. Размахивающие кулаками небрежно одетые молодые люди. Выкрикивающий что-то в мегафон Осташвили – тот самый, что потом отвечал в суде за аналогичную авантюру в Доме литераторов, а позднее покончил собой в тюрьме (если ему только в этом не помогли).

Тогда, четверть века назад, русский человек, заявляющий о своей любви к собственному народу, считался патриотом. Грузин или, скажем, армянин, заявляющий о своей любви к своему грузинскому или армянскому народу, считался националистом. А еврей, заявляющий о своей любви к своему еврейскому народу, почему-то считался сионистом. И что же изменилось за эти четверть века? Государственный антисемитизм исключен из внутренней политики, но зато получил полную легитимность антисемитизм общественный. А еще можно теперь с полной уверенностью сказать, что загнанное в подполье политикой властей национальное самосознание и историческую память евреев удалось сохранить и поднять на тот уровень, на котором находятся эти же элементы у других народов, тех же грузин и армян.

Вот чтобы достичь это и изменить совершенно позорную для современного цивилизованного государства практику двойной морали, и собрались тогда, в декабре 1989 года, делегаты всесоюзного еврейского съезда, создавшего Конфедерацию еврейских организаций и общин СССР.

И дали они ей тогда название Ваад. Это была дань памяти аналогичной организации, существовавшей некогда в уникальном по своей политике веротерпимости Великом княжестве Литовском.

Ваад дал мощный толчок к развитию еврейского общественно-го движения во всей стране, а сам съезд получил значительный резонанс во всем мире и способствовал подъему национального самосознания евреев. Это дало такой стимул эмиграционному процессу, что более полутора миллиона человек решились на коренную ломку своей судьбы и смену страны обитания. Однако мало кто знает, что проведению этого съезда предшествовала кропотливая работа большой группы активистов, которая началась еще в 1988 г., когда возникла первая официально зарегистрированная общесоюзная Еврейская культурная ассоциация, и по всей стране стали как грибы расти еврейские общественные организации и возрождаться религиозные общины. К весне же 1989 г. стала ясна необходимость создания такой всесоюзной структуры, которая могла бы не только координировать деятельность всех этих организаций, но и осуществлять их представительство перед властями внутри страны и различными еврейскими организациями за рубежом.

«Круглый стол» в мае 1989 г., с которого я начал свой рассказ, собственно, и принял решение созвать в декабре общесоюзный съезд. Был избран оргкомитет будущего съезда. В Москве ежемесячно стал собираться координационный совет, итогом работы которого и стал съезд еврейских организаций и общин всей страны. Более трехсот организаций прислали на съезд своих представителей. Так возникла Конфедерация еврейских организаций и общин (Ваад) СССР, которую возглавил президиум. Сопредседателями Ваада стали москвич Михаил (Мика) Членов, киевлянин Иосиф Зисельс и рижанин Сэм Зильбер.

В 1989-1991 гг. Ваад становится основной еврейской организацией в СССР, представляющей общину как внутри страны, так и за рубежом. Процесс создания еврейских организаций на местах получил ускорение, стали появляться еврейские школы – воскресные и общеобразовательные, детские сады, многочисленные курсы по изучению иврита, летние оздоровительные лагеря для подростков и т.д. В Эстонии стала издаваться первая на постсоветском пространстве русскоязычная еврейская газета «Хашахар». В президиуме Ваада, а затем и на местах начался выпуск информационных бюллетеней, в Москве – выпуск «Еврейской газеты». Одним из наиболее серьезных моментов в жизни еврейской общины явилось полное открытие каналов еврейской эмиграции. Начался массовый выезд советских евреев за рубеж. В целом, это был период своеобразного «еврейского Ренессанса».

Это действительно было замечательное время. Но уже тогда, в первые годы существования организованного еврейского движения, было опровергнуто одно популярное утверждение, на котором строилась политика непризнания еврейского народа как единой нации, основанная на представлении о евреях как гражданах разных стран, которых объединяет только вера. Оказалось, что все мы – и светские, и религиозные, и ашкеназы, и сефарды, и русскоязычные, и говорящие на иных языках чувствуем свою ответственность за миллионы разбросанных по всему миру евреев. И руководство Ваада открыто декларировало свои позиции как в своей внутренней, так и во внешней политике.

Конечно же, и этот вопрос крайне политизирован. Руководители государств на постсоветском пространстве стремятся изменить тот отрицательный имидж, который тянется за ними со сталинско-брежневских времен, и пытаются продемонстрировать положительную динамику, в первую очередь, в национальном вопросе. Главным итогом этого процесса стала реинтеграция российского еврейства в еврейский мир. Думается, это одно из главных достижений зародившегося четверть века назад массового еврейского общественного движения, лидеры которого взяли на себя ответственность за судьбы советского еврейства.

3

Алия из стран бывшего СССР в начале 1990-х поистине стала мировой сенсацией. В Еврейском Агентстве царил эйфория. Но о том, как сложно работать с огромной массой людей, которым нужно было принимать решение о возможной репатриации, знали тогда в полной мере лишь активисты еврейских общественных организаций. Мало кто из них был способен взять на себя ответственность и подтолкнуть к принятию такого решения тех, кто готов был внезапно сломать привычный ритм жизни и отправиться в другую страну, с иным разговорным языком, иными национальными традициями и иными климатическими условиями. Переписка с уже совершившими алию подсказывала им, что многим из них придется потерять привычную работу и, возможно, даже профессию. Чаще всего убеждала мысль, что это они делают ради детей и внуков. Мне запомнилась сентенция, высказанная мне как-то моим минским соседом Люсом Матро: «Я знаю, что в Израиле мой социальный статус будет на порядок ниже, а материальное положение на порядок выше. Но я знаю также и то, что у моих детей и внуков одно будет соответствовать другому».

Еврейских активистов, занимающихся проблемами будущих олим, называли сионистами, хотя многие из них и не помышляли об отъезде, а работали, в большинстве не получая никакого материального вознаграждения, из чувства долга перед своим народом.

Их иронически называли «профессиональными евреями». Существовала даже такая поговорка: «Сионизм – это когда один еврей за счет другого еврея отправляет третьего жить в Израиле».

Спустя два с половиной десятилетия после начала Большой алии политика Израиля в отношении репатриантов не менялась, хотя и звучат голоса о необходимости внести изменения в Закон о возвращении. Если раньше говорили: «евреи – не евреи, главное, что не арабы, потом разберемся», то теперь отношение к новым репатриантам более внимательное, скорее даже пристальное. И все же поговорка «Поскребите интеллигента большого города, и вы всегда найдете в нем процент еврейской крови» пока остается актуальной. Не случайно ныне покойный крупнейший специалист в области иудаики Рашид Капланов говорил, что еврейская демография – это оккультная наука. Особенно актуальными эти слова становятся тогда, когда речь заходит о развитии еврейской национальной идентичности.

Этот вопрос был едва ли не центральным на международной конференции «Евреи на постсоветском пространстве: опыт, проблемы, достижения», состоявшейся 22 – 24 мая 2009 г. в Риге и посвященной 20-летию «того первого круглого стола», что предварял Первый съезд Ваада. Тогда в своем выступлении известный этнограф профессор М. Членов привел три основных современных типа еврейской идентичности. Вот они.

Религиозно-общинный, характерный для США, где еврейское население – и светское, в том числе – в той или иной форме «привязано» к синагоге. Израильский, получивший ныне название «неоэтничности», при котором большинство населения причисляет себя к новой национальности – израильтянам.

Русско-еврейский, характерный для стран бывшего СССР, где еврейское население, даже утратив национальную культуру и разговорный язык, в какой-то мере еще сохранило национальное самосознание и элементы религиозной традиции. М.Членов убежден: необходим пересмотр галахических положений, иначе будут окончательно подорваны демографические позиции еврейской диаспоры, ибо межнациональные браки евреев на территории бывшего СССР уже превысили 80%.

Я просматриваю свои дневниковые записи, сделанные по горячим следам в летние дни после рижской конференции, пытаюсь их проанализировать. И даже сейчас, спустя почти десяток лет, не устаю удивляться, какое же огромное историческое полотно было поднято в те короткие три неполных дня, что шла наша встреча. И как же она обогатила наше представление о сегодняшнем еврейском мире. Еврейская диаспора в странах бывшего СССР быстро сокращается.

Еврейского населения становится все меньше и меньше, и параллельно все острее и острее становится вопрос сохранения исторического и культурного наследия народа, проживавшего на этой территории не менее четырех столетий (а для западной зоны – не менее семи столетий).

Практически не решается проблема охраны еврейских кладбищ от вандалов и консервации бесценных древних кладбищенских памятников – мацевей. Ими уже просто некому заниматься, ибо евреи живут ныне только в больших городах. Еврейские кладбища «христианизируются». Большинство малых городов и районных центров бывшей «черты оседлости» некогда возникли как еврейские местечки, началом которых обычно служили строительство синагог и закладка кладбищ. Теперь эти кладбища (если они конечно еще не снесены) находятся в центральной части городов, в которых уже практически нет еврейского населения. Похоронить родственников там, близко к центру, желают многие, а в итоге незаметно на месте еврейских могил появляются кресты.

Серьезнейшие проблемы испытывает еврейская русскоязычная пресса. Поистине, как говорит современная поговорка, «нет повести печальнее на свете, чем повесть о еврее и газете». Привыкшая к печатному слову «возрастная» аудитория скудеет и начинает страдать телевизионной зависимостью, а параллельно с этим более молодая аудитория все больше становится интернет-зависимой.

Роль иудаизма в сохранении еврейской национальной идентичности в странах бывшей советской диаспоры также сведена до минимума. В большинстве небольших городов бывшие ортодоксальные общины не могут порой собрать миньян для субботней молитвы. Многие могли бы сделать в этом отношении возникшие общины так называемого прогрессивного иудаизма, относящиеся к либеральным течениям еврейской религии, но их развитию серьезно препятствует конфронтация с ортодоксами – ведущей формой иудаизма в Израиле. Самое же печальное, что дело не в идеологии, а в несправедливом распределении финансирования в религиозном мире. Обидно наблюдать картину, когда у ортодоксов находится финансирование на все то, о чем реформистам в странах бывшего СССР не приходится даже мечтать. Ортодоксы находят средства и на содержание религиозных школ, и на возведение собственных синагог, и на обеды для верующих, и на содержание кладбищ, и на издание газет на иврите и выпуск всевозможных бюллетеней на русском языке, и т.д., а реформисты – не более чем на чаепитие в шаббат.

Ну, и, конечно, невозможно даже в самом кратком обзоре обойти тему антисемитизма и ксенофобии на постсоветском пространстве.

В Вааде в свое время существовала программа мониторинга антисемитизма. Я в течение трех лет был членом президиума, попав в него после того, как представитель Литвы Эммануэль Зингерис стал министром в правительстве своей страны и освободил одно место в президиуме. Я тогда, в начале мая 1990 года, стал представителем белорусского еврейства, и так получилось, что эта мониторинговая программа была поручена мне. К тому времени, как было принято такое решение, у меня уже было опубликовано в Таллине, в газете «Хашахар», несколько статей о ситуации с этим непростым вопросом в Беларуси. Осенью 1990 года я полтора месяца провел в Иерусалиме, изучая еврейскую историю на особых курсах «Натива» в Институте истории имени Ицхака бен-Цви, и в эти дни на меня «вышла» сотрудница отдела СССР и Восточной Европы Еврейского университета Людмила Цигельман. Она знакомилась с состоянием «еврейского вопроса» в советской диаспоре, и, прочитав мои статьи, которые я, уезжая на учебу, захватил с собой, предложила мне написать статью в журнал, который тогда готовила к выпуску, что я и сделал. Забегая вперед, могу сказать, что журнал вышел. Статью мою Людмила серьезно подредактировала, но главное, что вышел он спустя пару месяцев... на английском языке.

Получив под свою ответственность изучение состояния антисемитизма на территории всего СССР, я попытался начать собирать необходимую информацию. Откликнулись все республики, кроме Украины, у которой был свой центр мониторинга. Но тут выяснилось, что не у всех членов президиума одинаковое отношение к этой проблеме.

Весьма популярным мнением было таково, что, дескать, «антисемитизм – это болезнь, и кто болеет, тот пусть и лечится». Информацию, дескать, собирать, конечно, надо, но средств лечения такого массового заболевания, как антисемитизм, все равно еще не найдено. Я настаивал. Вопросу этому на заседаниях президиума стали уделять много времени, потому что у меня нашлись союзники. Однажды на заседание президиума даже был приглашен известный адвокат Генри Резник, который нам всем вполне внятно разъяснил, что в тоталитарном государстве, где еще совсем недавно антисемитизм был элементом государственной политики, и не только внутренней, но и внешней, борьба с ним – дело бессмысленное.

Я продолжал настаивать, вызывая раздражение многих членов президиума. Мика Членов однажды даже сказал мне при всех: «Ну что ты, Яша, рубашку на груди рвешь?! Ты знаешь хоть один случай, чтобы какого-нибудь еврея в наше время убили только за то, что он еврей?».

На мое замечание, что, дескать, стоит ли нам ждать, пока евреев начнут убивать, никто не среагировал. Прошло еще какие-то время, и я понял, что позиция Мики строится не на собственном убеждении, а на американской концепции борьбы с антисемитизмом. Помог случай.

В декабре 1991 года делегация Ваада – Иосиф Зисельс, Мика Членов и я – полетели в Нью-Йорк на совместное заседание с Джойнтом по вопросу координации деятельности в вопросах, имеющих общий интерес. В Америке мы пробыли всего три дня, но я успел сделать два очень важных для меня визита. Во-первых, я встретился с актрисой Рут Каминской, которая некогда почти год жила на вольной высылке в нашей семье в Гомеле, еще будучи в те дни женой известного джазового трубача Эдди Рознера. А, во-вторых, член президиума Саша Шмуклер, который к этому времени уже четыре месяца был невозвращенцем, организовал мне встречу с руководством Антидиффамационной Лиги (АДЛ). Я надеялся, что мы найдем общий язык и сможем начать какие-то скоординированные акции. Например, возможно, мне удастся убедить руководство АДЛ помочь Вааду с выпуском бюллетеня, освещающего состояние антисемитизма в СССР. Однако все сложилось совсем не так, как я предполагал.

Меня попросили осветить вопрос. На освещение ушло минут сорок. Я рассказывал о том, что произошло в начале года: взбурившие общество слухи об угрозе погромов и взлете активности антисемитской прессы, о действиях общества «Память», о выпуске и широком хождении среди населения брошюр с «Протоколами сионских мудрецов», и т.д.

Переводил Саша Шмуклер. Однво буквально на 41-й минуте меня перебили двумя вопросами. Вопросы эти повергли меня в смятение. Первый: «Сколько евреев линчевали в Советском Союзе в этом году?». Пришлось ответить, что такие случаи не характерны для нашей страны. Тут же последовал второй вопрос: «Сколько синагог было подожжено или вообще сожжено в этом году?». Ответ был аналогичным. Мне тут же кратко привели статистику аналогичных акций в США за текущий год, и вопрос был исчерпан.

У американских евреев было свое отношение к проблеме антисемитизма. Из всех форм антисемитизма для них самой существенной была только одна – криминальная. Нагнетание антиеврейских настроений в обществе было для них простым проявлением свободы слова и печати, осуществлением личного права на собственное мнение и права выражать его в любой форме. Теперь я понял, откуда у Мики Членова такой подход к обсуждаемой нами проблеме.

Однако, несмотря ни на что, на заседаниях президиума Ваада я продолжал настаивать на том, что проблему антисемитизма нужно непременно вывести на государственный уровень. Нашли общий язык: я готовлю вопрос, собираю факты, документы, а там посмотрим, как сложится обстановка.

Моим соратником в этом процессе стал москвич Новосельский Марк Михайлович, который был хоть и старше меня, но был таким же энтузиастом в этом вопросе. И мы действительно серьезно поработали. Даже настояли на проведении всесоюзной конференции, на которую собрались все те, кто в республиках вел мониторинг и присылал нам свои отчеты.

Мы с Марком Михайловичем побывали даже на приеме у председателя парламентского Комитета по правам человека Сергея Адамовича Ковалева.

И парламентские слушания в Верховном совете действительно состоялись, правда, уже без меня. Произошло это тогда, когда Россия стала самостоятельным государством, – 23 ноября 1992 года. Это были первые в российской империи слушания такого рода. Но я к этому времени как гражданин иного государства к такому событию формально уже не имел никакого отношения. Лидеры Российского Ваада даже не пригласили меня на обсуждение хотя бы просто формально, как одного из авторов проекта.

Это тем более было неприятно, что к этому времени моя работа по отношению к серьезности проблемы антисемитизма в стране стала очевидной, хотя внешне на взаимоотношениях между членами президиума Ваада это никак не отразилось.

Дело в том, что за несколько месяцев до этого, в начале июля, в Брюсселе состоялась пленарная ассамблея Всемирного еврейского конгресса (ВЕКа), и мне пришлось на одном из заседаний Конгресса, практически экпромтом (на подготовку был отведен один вечер), сделать доклад об антисемитизме в Советском Союзе. Самого Союза к этому времени уже полгода как не существовало, но во внутривластной обстановке в стране этого еще практически никак не ощущалось, и ситуацию пришлось освещать с учетом обстановки во всех республиках, откуда я получал информацию. Благо, материалы я захватил с собой. Так, на всякий случай. Пригодились.

Чья это была инициатива – сделать такой ранее не планировавшийся доклад, я не знаю. Ко мне подошел Мика Членов и коротко сказал: «Подготовь выступление. Завтра на утреннем заседании у тебя будет полчаса». Всё. Пришлось немедленно уединиться и засесть за бумаги. К полуночи доклад был готов.

Сам доклад проходил при абсолютном молчании зала. Я читал текст по-русски, в наушники людям шел синхронный перевод.

Я был очень взволнован: ответственность была огромная, ибо речь шла не столько даже о пресловутом еврейском вопросе, сколько о репутации огромной державы. О том, какой была реакция конгресса на мое выступление, я не знаю. Английским я не владею, лезть с расспросами к Мике или к кому-либо еще из членов делегации я не хотел, а все почему-то молчали.

Зато по возвращении в Минск я узнал об иной реакции. Я еще ехал в автобусе до Бреста, где должен был пересесть на поезд, а в кабинете главврача моей клинической больницы скорой помощи в Минске уже сидели «люди в штатском». При этом выяснилось, что в тот день, когда я выступал с трибуны конгресса, у меня было дежурство по больнице. Объяснения, что я просто поменялся дежурствами, никого не убедили. В тот день возник один оригинальный прецедент: я стал единственным врачом огромной клиники, кому негласно было запрещено меняться с коллегами дежурствами.

В итоге, с тех пор, если мне нужно было выехать куда-то на семинар, на конференцию или на конгресс (а таких поездок было достаточно много – времена были бурные), на предложение поменяться с кем-нибудь дежурствами, я получал вежливый отказ. Но выход был. Я должен был свои дежурства «продать». Человек дежурил по больнице, ставил свою подпись под своими заключениями, но в ведомостях официально числился дежурантом я. Даже если я в это время был за границей. При получении зарплаты я с этими людьми рассчитывался. Наличными, а это немедленно отразилось на материальном благосостоянии моей семьи.

Но вскоре я узнал и иное мнение. Как-то утром, добираясь до больницы, я столкнулся в автобусе с главным врачом клиники. Это была молодая красивая женщина. Она пришла к нам в больницу уже после инцидента с моим докладом на Всемирном еврейском конгрессе, и так получилось, что до этого времени мы с ней в личном плане как-то не пересекались. Она поздоровалась со мной, а потом, после нескольких приличествующих случаю слов, сказала следующее: «Яков Зиновьевич! Я вас очень хорошо понимаю. Я по национальности полька. Так что я прекрасно понимаю и вас и всё то, чем вы занимаетесь».

Я очень хорошо запомнил эти слова. Они великолепно отражали всю глубину и весь трагизм ситуации, в которых оказались народы наших стран на пути к «торжеству коммунистического завтра».

И вот пролетело 25 лет. Судебные процессы по вопросам разжигания национальной розни ведутся, газетные статьи по еврейской тематике публикуются, а пропаганда антисемитизма не уменьшается. Вновь муссируются «Протоколы сионских мудрецов» и стремление евреев к мировому господству.

Вновь обсуждается порочность еврейской религии и «талмудического мировоззрения». И вновь из России течет этот мутный поток неонацистской литературы. Запретили некогда антисемитскую газету «Аль-Кодс», на ее месте появилась газета «Дуэль». Потом запретили «Дуэль» – начала выходить газета «К барьеру!». Тот же дизайн, те же авторы, те же протухшие антисемитские мифы и карикатуры. Брызжут злобой в адрес евреев и их «исторической вины» перед всем миром (ни больше, ни меньше!) газета «Завтра» и журнал «Наш современник». На смену антисионизму пришел антиизраилизм, но в целом – ничего не изменилось. Все та же злоба, та же выплескивающаяся наружу ненависть.

Пролетело и восемь лет со дня последней конференции в Риге. В ситуации с еврейским вопросом в странах бывшего СССР мало что меняется, хотя, как говорят врачи, положение больного тяжелое, но стабильное. Идет тотальная ассимиляция оставшегося на этой территории еврейского населения. Процесс урбанизации привел к тому, что следа не осталось от мест компактного проживания евреев. Прекратилась общинная жизнь. Дело соблюдения национальных традиций находится в руках небольшого числа националистически настроенных активистов еврейских организаций. Ушли из жизни последние носители основных национальных ценностей. Исчез разговорный еврейский язык. Возник и утвердился феномен русскоязычной еврейской культуры. Еще два-три поколения, и окончательно исчезнет национальное самосознание, и от памяти о пребывании когда-то на этой земле нескольких миллионов евреев останутся лишь чудом сохранившиеся мацейвы на заброшенных бывших еврейских кладбищах. И то, если к этому времени они не будут окончательно застроены растущими и благоустраивающимися городами.

5

Конференция в Риге, с рассказа о которой я начал свои воспоминания, открылась с обсуждений общих вопросов. Главный из них – место, которое занимают сегодня евреи в мире. Все выступающие были едины в одном: если двадцать лет назад мы были «евреями молчания» (так называлась известная пьеса Эли Визеля), то в 1989 году «евреи заговорили». И это – историческая заслуга тех, кто первыми взял на себя ответственность за судьбу еврейской общины. «Произошла реинтеграция советского еврейства в еврейский мир» (Иосиф Зисельс, Киев).

«Теперь о государстве судят по состоянию еврейской общины: если евреям комфортно, с этим государством можно иметь дело» (Аркадий Сухаренко, Рига). «Сегодня многие государства стремятся изменить свой имидж, а, чтобы сделать это, надо показать изменения в национальном вопросе.

А национальный вопрос – это, прежде всего, еврейский вопрос. Умные лидеры государств быстро оценили это и взяли под контроль «зарождающееся еврейское движение» (Зеев Ханин, Израиль).

Вторая важнейшая проблема, которая решалась все эти двадцать лет, – конфликт между сионистами и автономистами (последние – сторонники жизни евреев в диаспоре, так они называли себя в начале прошлого века).

И.Зиссельс подтверждает: мы в Вааде в свое время быстро поняли – заниматься надо и теми, и другими. Репатриация евреев из стран бывшего СССР стала самым ярким геополитическим явлением начала 1990-х гг. Простое сопоставление данных. В 1989 г. в Израиль из СССР выехало 12,7 тыс. чел., но уже на следующий год – 185,2 тыс., а еще через год – 147,8 тыс. Всего же из стран бывшего СССР в Израиль за период 1989 – 2008 гг. совершила алию 991 тыс. чел.

Представитель ХИАСа (общества поддержки беженцев и эмигрантов) Леонард Терлицкий приводит данные о выезде евреев стран бывшего СССР в третьи страны (до 1999 г.). Всего выехало 700 тыс. чел., в том числе, в США – 500 тыс., в Германию – 100 тыс. В последующем цифры репатриации/эмиграции начали выравниваться: 2000 год – 60192/12900, 2001 год – 43580/19400, 2002 год – 33567/19000, 2003 год. – 23268/15300, 2004 год – 20898/14200. Любопытными представляются и некоторые данные о расселении израильтян по другим странам: в одном только 2005 году из Израиля уехало 50 тыс. чел., родившихся в этой стране (сабры). Пример: в Москве в настоящее время проживает около 100 тыс. израильтян (данные Сохнута).

Конференция обсуждала все многочисленные стороны еврейской жизни. Вопросы образования освещали видные ученые России и Израиля. Отмечалось, что первые еврейские университеты возникли еще в 1989 г. (Петербург).

Ведущими из них сегодня являются Международный Соломонов университет и Государственная академия им. Маймонида. С интересом выслушали сообщение директора Центра научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфэр» Виктории Мочаловой о том, как этот центр помогает студентам и преподавателям.

Директор Украинского центра изучения Холокоста Анатолий Подольский освещал вопрос преподавания этой дисциплины. «Происходит определенная холокостизация мировой истории», – говорил он. Воспитание исторической памяти на наиболее трагических страницах истории своего народа оказалось весьма действенной, и теперь историки многих стран ищут геноцид в истории своих народов.

Кто-то из зала бросил исторический афоризм Н.Некрасова: «Дело верно, когда под ним струится кровь». И в самом деле, невольно задумываешься: когда же наконец люди перестанут строить свое благополучие на невинной крови других?! «Мы не ответственны за прошлое, – говорил А. Подольский. – Но мы ответственны за память о прошлом».

Непростую судьбу еврейской прессы обсуждала секция под председательством главного редактора «Международной еврейской газеты» Танкреда Голенпольского. Я рассказывал о белорусских изданиях, о нашей газете «Авив», о ее роли в борьбе с еврейской ассимиляцией и нарастающей угрозой неонацизма.

Оживленная дискуссия на конференции возникла по вопросу сохранения еврейского исторического и культурного наследия, охраны еврейских кладбищ от вандалов и консервации не имеющих цены древних кладбищенских памятников – мацейв. Обсуждался и поднятый мной вопрос о «христианизации» еврейских кладбищ.

Одна из наиболее значимых тем для обсуждения – антисемитизм и ксенофобия на постсоветском пространстве. Ей было посвящено отдельное заседание. Я докладывал о ситуации в Беларуси, Александр Брод – в России, Вячеслав Лихачев – в Украине. Председательствовал Михаил Членов. Заключительное слово по проблеме антисемитизма было за Марком Левиным, членом Национальной Конференции в поддержку евреев России, Украины, стран Балтии и Евразии (Вашингтон). Эта организация была представлена в Риге делегацией из четырех человек. Президентом ее ныне избран наш бывший соратник по президиуму Ваада Александр Шмуклер, тот самый, который привел меня в декабре 1991 года в нью-йоркский офис Антидиффамационной лиги. В Риге Саша председательствовал на секции по еврейскому образованию и иудаике.

Надо сказать, что на рижской конференции отдельное заседания было посвящено деятельности международных еврейских организаций, работающих по оказанию помощи еврейскому населению бывшего СССР. Их представители выступили с краткими сообщениями. Кое-кто с известной долей иронии.

«Когда я много лет назад ехал работать в СССР, – рассказывал представитель Джойнта Ицхак Авербух, – мне говорило руководство: в этой стране мы никогда не будем заниматься оказанием социальной помощи населению (сегодня через местные хеседы такую помощь получают около 200 тысяч человек); мы никогда не будем обладать собственной недвижимостью (сегодня у нас на балансе здания общей площадью в 55 тысяч кв м); и наконец, здесь мы никогда не будем иметь собственные представительства (сейчас их у нас уже 16, а в Баку, Тбилиси, Одессе, Харькове и Ташкенте их возглавляют местные кадры)».

Представитель Еврейского Агентства (Сохнута) Алекс Кац отметил, как высоко руководство этой организации ценит наличие сильной еврейской общины в странах диаспоры. Самое главное, отмечал он, создать условия для сохранения евреями своей национальной идентичности. Кац выразил уверенность, что с приходом нового руководителя (им стал Натан Щаранский) Сохнут будет работать еще лучше.

У каждой организации – своя специфика. Национальная Конференция поддерживает тесную связь с правительством США, с посольствами стран СНГ в Вашингтоне, часто посещает страны диаспоры (Марк Левин). ХИАС, как выяснилось, поддерживает не только еврейское население: в свое время значительную помощь получили через ХИАС беженцы из Вьетнама, теперь – из Ирана (Леонард Терлицкий).

А международная организация ОРТ (сохранилось ее старое название – Организация ремесленного труда) обеспечивает образовательные программы по 55-ти проектам профессионального обучения, например, для матерей-одиночек в Молдове или населения ряда стран Африки (Давид Бениш).

Координации всех этих проектов коснулся в своем выступлении директор по международным связям Американского еврейского конгресса реформистский раввин Эндрю Бейкер.

Конференция длилась три дня. Заседания шли почти без перерыва по десять часов. Разъезжались усталые, но довольные.

И вот пробежало еще почти десять лет. Как мы видим, многие вопросы еврейской жизни за эти годы удалось решить, но все, видимо, не решить никогда. И в этом – существо нашей жизни.

Надо просто идти вперед.

МАСЛИЧНАЯ ГОРА

Масличная гора (793 м над уровнем моря) – одна из самых высоких гор в окрестностях Иерусалима. Она входит в гряду Иерусалимских гор, где севернее нее расположена гора Скопус*, юго-восточнее – гора Поругания**. Название Масличной горы, очевидно, связано с масличными деревьями, которые издавна росли в этом районе. Древнее русское название горы – Елеонская, по названию оливкового масла – елея, производившегося на Масличной горе.

В давние времена Масличная гора была естественной окраиной Иерусалима, за которой открывался путь к Мертвому морю и Заирданию. Район Масличной горы был своеобразной библейской промышленной зоной Иерусалима, где производилось оливковое масло – один из основных продуктов питания древних евреев. Масло использовалось также для религиозных культовых целей в Иерусалимском Храме, для освещения жилищ и других надобностей.

Еврейские цари назывались «помазанники Божии», так как при коронации на их головы изливалось оливковое масло (елей). Масло получали на Масличной горе, изготавливали для помазания строго определенным способом и изливали на голову будущего царя – таким образом происходило помазание на царство.

И сегодня евреи ожидают помазанника – Машиаха (Мессию) – еврейского царя из рода Давида для создания будущего вечного и справедливого царства Всевышнего на Земле. Подготовка к встрече идет уже давно: в одной из синагог Старого города Иерусалима хранится специальный сосуд с оливковым маслом для помазания. Ведь Машиах может прийти в любой момент, и к его приходу надо приготовиться заранее... Будущий маршрут Машиаха хорошо известен: царь, поставленный Всевышним, должен спуститься с Масличной горы, на белом ослике, проехать через Кидронскую долину и Золотые ворота на Храмовую гору и там провозгласить создание царства Божия на Земле. У подножия Масличной горы регулярно дежурит белый ослик, так что с доставкой Машиаха с Масличной горы на Храмовую проблем быть не должно.

Проблема по будущему маршруту Машиаха была создана мусульманами в районе Золотых ворот Старого города Иерусалима в шестнадцатом веке, когда перед воротами было основано кладбище, а сами ворота замурованы. Известно, что Машиах, как потомок кознов, не может входить на кладбище.

Мусульмане считают стабильность этих ворот символом стабильности всего мусульманского мира, поэтому, на всякий случай, они и замуровали полностью Золотые ворота. Таким необычным способом сыны ислама решили предохраниться от нежелательного

---

* *הר א-צופים – гора Наблюдения (ивр.)*

** *הר אשפלה (ивр.)*

для них визита Машиаха на Храмовую гору и теперь, как представляется, уверены в надежности принятых мер.

Евреи считают, что Машиах через кладбище не пройдет, а пройдет, и запертые ворота не послужат ему преградой. Христиане веруют, что в нужный день Золотые ворота откроются сами собой и Мессия в очередной раз въедет на Храмовую гору, где он уже однажды побывал. Такой вот трогательный случай всеобщей уверенности представителей трех основных мировых религий...

Первые упоминания в ТАНАХе о Масличной горе относятся ко временам царя Давида, когда царь вынужден был бежать из Иерусалима от преследования собственного сына: «А Давид всходит на гору Масличную, всходит и плачет. И голова у него покрыта, и шел он босой; и все люди, бывшие с ним, покрыли головы свои и всходили, плача» (2 Шмуэль 15:30).

С великим еврейским царем Соломоном (Шломо) также связаны события, происходившие на Масличной горе. «Любил царь Шломо многих чужестранных женщин: моавитянок, аммонитянок, эдомеянок, цейдонянок, хеттиянок... И было, в пору старости Шломо жены его склонили сердце его к другим богам... Тогда построил Шломо возвышение Кемошу, мерзости Моавитской, на горе, которая перед Иерусалимом» (1 Мелаким, 11:1-8). По одному предположению, «гора, которая перед Иерусалимом», – это Масличная гора, по другому – соседняя Ашпала.

Знаменита Масличная гора с давних времен своим кладбищем, которое существует и по настоящее время. Недалеко от вершины горы в скальном склепе, переоборудованном в византийский период, сохранились могилы пророков Хаггая (Аггея), Малахи (Малахии) и пророчицы Хульды (Алдамы).

Благочестивая женщина Хульда, жившая в Иерусалиме во времена царя Иошиягу в седьмом веке до новой эры, обладала пророческим даром и, очевидно, была хорошо известна во всей Иудее. Именно благодаря этой известности и обратился царь к Хульде с просьбой объяснить текст книги закона, которую незадолго перед этим нашли при реконструкции Иерусалимского Храма. «И пошел Хилкиягу и те, что при царе, к Хульде, пророчице, жене Шаллума, сына Токата, сына Хасры, хранителя одежд, а она жила в Иерусалиме, в Мишне, – и говорили с нею» (2 Царей 22:14).

Из текста следует, что Хульда была женой вельможи по имени Шаллум, в роду которого мужчины занимали достаточно важный пост хранителя царских одежд. Очевидно, что сама Хульда была близка к царскому двору. Жила Хульда в иерусалимском районе Мишне недалеко от Храма и, согласно еврейским преданиям, была учительницей в женской школе.

Почему царь Иошиягу обратился именно к Хульде и послал к ней представительную делегацию из пятерых ближайших соратников? Среди посланников были первосвященник Хилкиягу, царский писец Шафан, другие вельможи. Царь чувствовал важность найденной руко-

писи, и, обращаясь к такой уважаемой женщине, как Хульда, хотел определить ценность находки. Действительно, находка оказалась самой важной рукописью в истории страны, и сегодня считается, что это была первая канонизированная книга из всех танахических текстов.

Хульда определила ценность находки и сделала предсказания относительно будущего страны и царского двора. Предсказания эти были безрадостны: «И сказала она им: Так сказал Господь, Бог Израиля: Скажите тому человеку, который послал вас ко мне: Так сказал Господь: Вот наведу Я бедствие на место это и на жителей его, – все проклятия, написанные в книге, которую читали перед лицом царя Иудейского. За то, что оставили они меня и воскуряли другим богам, чтобы гневить Меня всеми делами рук своих; и гнев Мой воспылал на место это и не погаснет. А царю Иудеи, пославшему вас спросить Господа, так скажите ему: Так сказал Господь, Бог Израиля, о словах которого ты слышал. Так как ты мягкосердечен и ты покорился Богу, услышав слова Его об этом месте и о жителях его, и ты покорился Мне, и разорвал одежды свои, и плакал предо мною, то Я услышал тебя, сказал Господь. Вот Я приобщу тебя к отцам твоим, и ты будешь положен в гробницы твои с миром. И не увидят глаза твои всего того бедствия, которое наведу Я на это место и жителей его» (2 Диврей йамим 34:23–28).

Как известно, пророчества Хульды оправдались полностью...

Ещё одно захоронение библейского периода на Масличной горе – могила пророка Малахи. Малахи – один из немногих библейских персонажей с практически неизвестной биографией. В своих пророчествах Малахи не сообщает о себе никаких сведений.

Основная тема пророческих высказываний Малахи – это любовь к ближнему и почитание Всевышнего. «Ведь отец один у всех нас, ведь Бог один сотворил нас! Почему же изменяем мы – каждый брату своему, оскверняя завет отцов наших?» (Мал. 2:10). Пророк предупреждал от имени Всевышнего: «Приблизусь Я к вам для суда, и буду свидетелем скорым (против) чародеев, и прелюбодеев, и клянущихся ложно, и удерживающих плату у наемника, притесняющих вдову и сироту, и неправильно судящих пришельца. И не боятся они Меня! – сказал Господь» (Мал. 3:5–7).

Рядом с могилой Хульды на Масличной горе погребен пророк Хаггай, один из «малых» пророков, живший во времена персидского наместника и правителя Иудеи Зерубавеля в шестом веке до н.э. Он активно участвовал в строительстве Второго Иерусалимского Храма, которое было начато с разрешения персидского царя Кира и продолжено во второй год царствования царя Дария. Хаггай обращался к жителям Иерусалима и Иудеи, призывая их активно строить Храм: «Время ли вам сидеть в домах этих крытых – а дом этот разрушен?.. Обратите сердце ваше к путям вашим. Поднимитесь на гору, и принесите дерево, и стройте дом (Храм), и Я буду благоволить к нему и прославолюсь, – сказал Господь» (Хаг. 1:4-8).

Пророк Хаггай говорил о грядущем приходе Машиаха и от имени Мессии пророчествовал: «Я сотрясу небо и землю, и опрокину колесницы и всадников их. И низринуты будут кони и всадники их – каждый мечом брата своего» (*Хаг. 2:23*).

В христианской традиции считается, что Мессия Иисус в свое время вошел в Иерусалим, спустившись с Масличной горы. Это был Вход Господень в Иерусалим, знаковое событие христианского мира. Накануне Иисус совершил чудо, воскресив своего друга Лазаря на четвертый день после его смерти в деревне на склоне Масличной горы. Сейчас на месте библейской деревни расположена арабская деревня Эль Азария.

Вот как описывает вход Иисуса в Иерусалим евангелист Матфей. «И когда приблизились к Иерусалиму и пришли в Виффагию к горе Елеонской, тогда (Иисус) послал двух учеников, сказав им: пойдите в селение, которое прямо перед вами; и тотчас найдете ослицу привязанную и молодого осла с нею; отвязав, приведите ко Мне. И если кто скажет вам что-нибудь, отвечайте, что они надобны Господу; и тотчас пошлет их...

Ученики пошли, и поступили так, как повелел им Иисус. Привели ослицу и молодого осла, и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их. Множество же народа постилали свои одежды по дороге; а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге. Народ же, предшествовавший и сопровождавший, восклицал: осанна сыну Давидову! Благословен Грядущий! Осанна в вышних! И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорил: кто Сей? Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского» (*Матфей 21:1-11*).

В наши дни христиане всего мира ожидают Второго Пришествия Иисуса в Иерусалим. Он должен пройти по тому же маршруту, по которому, как считают христиане, Иисус уже приходил в Святой Город.

И немного современной истории. Могилы пророков на вершине Масличной горы в районе еврейского кладбища соседствуют с братской могилой сорока восьми защитников Еврейского квартала Старого города Иерусалима, погибших во время Войны за независимость. Недалеко от этих захоронений расположен участок, где покоятся израильские солдаты, павшие в Шестидневную войну. На еврейском кладбище Масличной горы похоронены также основоположник современного языка иврит Элиэзер бен Иегуда, американский мультимиллионер Максвелл, бывший премьер-министр Менахем Бегин, известные раввины и простые жители Иерусалима. Значительная часть кладбища была разрушена во время арабской оккупации Масличной горы (1948–1967), восстановительные работы на кладбище Масличной горы ведутся до сих пор.

Людмила Кац

ИЗ ЦИКЛА «ЛЮСИКИ»

* * *

Пока еще не очень пожилая,
Достаточно на свете пожила я.
А чтобы сочинить какой стишок,
Есть порох! А точнее – порошок!

* * *

Я люблю кино и интернет,
Но не изменяю на склоне лет,
Пусть мои виски покроет иней –
Остаюсь потомственной кНИгиней!

* * *

О, человек в халате белом,
Что над моим склонился телом,
Я умоляю многократно:
Не относись ко мне халатно!

* * *

Я измотала сил немало на борьбу
И молодецкую укоротила прыть,
Пока усвоила: нельзя избрать судьбу,
Зато всегда есть выбор — выть или не выть!

* * *

Возможно, кто-то скажет – не права,
Но все равно уверена в душе я,
Что муж в семейной жизни – голова,
В то время как жена – всего лишь ... шея!

* * *

К мужскому сердцу путь через рассудок
Прокладывать, конечно, нелегко.
Надежнее идти через желудок,
Еще умней – не метить высоко!

* * *

Я погрузнела с возрастом фигурой,
Но радужной надеждою полна.
Вот говорю: «Какой была я душой!»,
Как будто нынче так уж и умна...

* * *

С судьбою не поспоришь о контракте
И не набросишь на нее уздечку:
Ружье, висевшее на сцене в первом акте,
В финале пьесы может дать осечку.

* * *

Струится времени песок
Из ниоткуда в бесконечность,
Но каждый тонкий колосок
Живет надеждою на вечность.

* * *

Увы, моя фантазия убога:
Одно и то же я прошу у Бога.
В ответ Господь – Его безмерна сила –
Шлет то, чего я вовсе не просила.

* * *

Ищу я фотообъектив, но
Прошу вас, дайте мне другой,
Чтоб отражал он объективно
Меня худой и молодой!

* * *

Попасть на вождеденный трон
Поможет мне один патрон.
Вот план, надежный и простой:
Патрон мне нужен. Холостой!

* * *

Добавила я перчика в рагу,
Приправила салат зеленым луком.
Чтоб я свой ужин отдала врагу?
Да не дождется, будь он даже другом!

* * *

Постигая дамские причуды,
Сделайте заметку, господа:
Иногда слова «Иди отсюда»
Означают «Идиот, сюда!»

* * *

Бывает, в зеркало смотрю и ною:
Себя хотела видеть бы иною...

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Лея Алон (Гринберг), прозаик. Родилась в Белоруссии. Член СПИ и Союза журналистов Израиля. Автор ряда книг на русском языке и иврите, а также многочисленных публикаций в израильской и зарубежной прессе. В Израиле с 1979 года. Живёт в Иерусалиме.

Лев Альтмарк родился в г. Брянске. Окончил Литинститут им. Горького. Публикации в журналах «Юность», «Нева», и др. Автор шести поэтических сборников и десяти книг прозы. Координатор Международной Гильдии писателей. Член МСПИ. С 1995 года живёт в Израиле.

Яков Басин, историк, публицист. По образованию – врач. Автор одиннадцати книг, в том числе двух монографий. Составитель и редактор четырнадцати сборников научных работ по современной истории. Член Международной федерации журналистов. В Израиле с 2010 года. Живёт в Иерусалиме.

Валентина Бендерская родилась в г. Бердичеве. Окончила Житомирское муз. училище им. В.С.Косенка и Киевский Национальный университет культуры и искусств. Лауреат областной премии поэта Н. Шпака. Автор четырёх поэтических сборников. Стихи переведены на украинский, польский, немецкий языки. Член МСП Иерусалима. В Израиле с 1997 г.

Борис Берлин, прозаик. Пишет в стиле «несовременной прозы». Автор книг и публикаций в израильской, европейской и российской прессе. Член Международного Союза писателей Иерусалима.

Надежда Болтянская (1963-2015) родилась в Москве. Окончила Московский инженерно-строительный институт. Автор четырёх поэтических сборников. Была членом СП Москвы. Публиковалась во многих журналах и СМИ.

Максим Бурдин, прозаик, поэт, издатель. Родился и живёт в Костроме. Окончил Литинститут им. Горького. Печатался в журналах «Лехаим», «Девушка с веслом», «Шестое чувство», «Литературная учеба», «Сибирские огни», «Лампа и дымоход», «Акценты», «Окно» и других СМИ.

Белла Верникова, поэт, эссеист, художник, историк литературы. Родилась и жила в Одессе. Входит в редколлегию одесского альманаха иудаики «Мория». Автор восьми книг (стихи, эссе, графика, детская книжка), участник международных художественных выставок. Журнальные публикации и графика открыты в Интернете. В Израиле с 1992 г. Живёт в Иерусалиме.

Ефим Гаммер, прозаик, поэт, журналист, художник. Родился в Оренбурге, жил в Риге. Автор 25-ти книг стихов и прозы. Лауреат множества российских литературных премий, обладатель 13-ти медалей выставок во Франции, США, Австралии. Удостоен золотых медалей премий имени И. Бунина и С. Михалкова, золотой медали международной премии «Золотое перо Руси». В Израиле с 1978 года. Живёт в Иерусалиме.

Роман Гершзон, журналист. Родился в г. Станислав на Западной Украине. Автор шести книг. Лауреат международных литературных премий «Золотое перо Руси» (2006 г.), «Добрая лира» (2007 г.). В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Алиса Гринько (О. Любимова), прозаик. Родилась в Москве, закончила Московский авиационный институт. Автор четырнадцати книг. Член СРПИ и СП России. В Израиле с 1999 г. Живет в Иерусалиме.

Липа Грузман, прозаик. Родился в г. Горький. Член Международного Союза писателей Иерусалима и Союза журналистов России. Автор пяти томов хроникально-художественной прозы. В Израиле с 1998 года. Живёт в Иерусалиме.

Ханох Дашевский, поэт-переводчик. Родился в Риге. Участник подпольного сионистского движения. Был одним из руководителей литературно-художественного семинара «Рижские чтения по иудаике». Автор трёх сборников поэтических переводов. В Израиле с 1988 года. Живёт в Иерусалиме.

Савелий Дудаков (1939-2017) – доктор философии и истории. Родился в Ленинграде. Окончил филологический факультет ЛГПИ им. А.И. Герцена. С 1960 года – активный участник сионистского движения. Автор одиннадцати научно-популярных и философских книг. Лауреат литературной премии им. Леи Гольдберг и по истории имени проф. Иосифа Клаузнера. В 1971 году репатриировался в Израиль. Жил в Иерусалиме.

Ирина Калининская, литературовед, преподаватель. Родилась в Киеве. Закончила филологический факультет КГУ им. Т.Г.Шевченко. Печаталась в СМИ России и в Украины, в журналах «Музыка» и «Часопис» (Киев), в журнале «Відлуння»(Иерусалим), в альманахе «Невский библиофил» (С.Петербург). Автор книги «Два поэта». С 1990 года живёт в Израиле, в г. Лод.

Людмила Кац, переводчик. Родилась в Коростене. Училась в Ростовском и Хайфском университетах. Автор сборника стихов. Публиковалась в различных периодических изданиях в Израиле, США, Германии и России. Живёт в г. Петах-Тиква.

Александр М. Кобринский, философ, поэт, прозаик, публицист, переводчик. Родился в г. Запорожье. Автор 22-х книг. Редактор и составитель стихотворного сборника «Антология поэзии. Израиль-2005». В Израиле с 1987 года.

Леонид Колганов, поэт и прозаик. Родился в Москве. Автор семи книг стихов и прозы. Лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова, удостоен медали «Русская Звезда» им. Ф.И. Тютчева за весомый вклад в литературу. Почётный гражданин Кирьят-Гата. Член МСПИ. В Израиле с 1992 года.

Анна Креславская, поэт, переводчик, эссеист. Родилась в Севастополе. Окончила Запорожский университет. Преподавала русскую литературу и язык в Великобритании. Автор книги избранных стихов. Победитель и лауреат нескольких международных поэтических конкурсов. Публиковалась во множестве СМИ. Живёт в Голландии.

Яна-Мария Курмангалина, поэт. Окончила литинститут им. Горького и ВГИК им. С.А. Герасимова. Автор трёх книг стихов: и книги прозы. Публиковалась журналах и альманахах «Октябрь», «Сибирские огни», «Паровозъ», «Кольцо А» и других. Живёт в г. Одинцово (Московская область).

Елена Лейбзон (Дубнова), журналист. Родилась в г. Керчь. Окончила филфак. Живёт в Реховоте.

Дина Меерсон, поэт, прозаик. Росла в Вятке. Мединститут окончила в Уфе. Работала во Владимире врачом-лаборантом. В Израиле с 1995 г. Живет в Беэр-Шеве.

Марина-Ариэла Меламед, поэт, прозаик, бард. Окончила муз. училище (Харьков), театральную школу (Иерусалим). Автор пяти книг стихов и прозы. Лауреат премии «Олива Иерусалима» (проза), нескольких международных поэтических фестивалей (стихи). Публикации в СМИ многих стран. В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Евгений Минин, поэт, пародист, издатель. Родился в г. Невель. Окончил Политехнический институт им. Калинина в Ленинграде. Автор девяти поэтических сборников и книги прозы. Председатель Международного Союза писателей Иерусалима. Член российского ПЕН-центра. В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Александр Перчиков, поэт. Родился в Самаре, окончил Куйбышевский авиационный институт. Автор трех поэтических сборников, а также многих публикаций в альманахах и сборниках России, США, Израиля. В Израиле с 1990 года. Живёт в районе Большого Иерусалима

Дина Ратнер, доктор философии, прозаик. Родилась в г. Одессе. Член Союза писателей России и Израиля. Автор девяти книг. В Израиле с 1995 года. Живёт в Иерусалиме.

Ирина Рувинская, поэт. Родилась в г. Кирсанове. Окончила Воронежский госуниверситет. Работает зам. редактора издательства «Достояние». Автор пяти книг. Лауреат поэтического фестиваля имени У.-Ц. Гринберга и дипломант Волошинского конкурса в номинации «Лучшая поэтическая книга 2014 года». Член СП Израиля. Публиковалась в периодике Израиля, России, Украины, Германии, США. В Израиле с 1996 г. Живёт в Иерусалиме.

Виктор Скоробогат, родился в г. Стерлитамак. Член Союза литераторов Москвы, член московского клуба юмористов «Чёртова Дюжина», лауреат различных фестивалей авторской песни. Живёт в Москве.

Владимир Френкель, поэт, эссеист. Родился в Горьком, жил в Риге. Публиковался на Западе, в СССР, а также в самиздате. Состоит в СП Израиля. Автор восьми сборников стихов. Лауреат премий СП Израиля (2008), им. Ури-Цви Гринберга (2002, 2004). Публикуется в Израиле, Латвии, России, США. В Израиле с 1987 г. Живёт в Иерусалиме.

Литературный Иерусалим

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Ирина Рувинская. Стихи</i>	3
<i>Александр Перчиков. Стихи</i>	7
<i>Владимир Френкель. Стихи</i>	11

ПРОЗА

<i>Ефим Гаммер. В любви дорог обратных нет</i>	15
<i>Борис Берлин. Зелёная лампа</i>	33

ПОЭЗИЯ

<i>Александр М. Кобринский Стихи</i>	41
<i>Леонид Колганов. Стихи</i>	45
<i>Валентина Бендерская. Стихи</i>	49
<i>Дина Меерсон. Стихи</i>	51

ПРОЗА

<i>Ариэла Марина Меламед. Под созвездием лягушки</i>	55
<i>Лев Альтмарк. Дядя Владя Селютин</i>	71
<i>Липа Грузман. «Еврейская история...»</i>	81
<i>Дина Ратнер. «То, что страшит, то воздаст...»</i> ..	95

ГОСТИ

<i>Надежда Болтянская. Стихи</i>	103
<i>Максим Бурдин. Откуда приходит счастье?</i>	107
<i>Анна Креславская. Стихи</i>	111
<i>Яна-Мария Курмангалина. Стихи</i>	115
<i>Виктор Скоробогат. Стихи</i>	119

ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД

<i>Ханох Дашевский. Переводы</i>	123
--	-----

ЭССЕ

<i>Евгений Минин. Слово о друге .....</i>	127
<i>Савелий Дудаков. Из «Книги веры и безнадежности» ..</i>	133
<i>Белла Верникова. Предисловие к книге .....</i>	141
<i>Алиса Гринько. Король времени.....</i>	145
<i>Ирина Калининвицкая. «Дом с закрытыми...» .....</i>	153
<i>Лея Алон (Гринберг). «Сила жизни – в душе...» .....</i>	165

МЕМУАРЫ

<i>Елена Лейбзон (Дубнова). На склоне лет.....</i>	173
<i>Яков Басин. Вышли мы все из ВААДа.....</i>	179

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Роман Гершзон. Масличная гора.....</i>	195
---	------------

ЮМОР

<i>Людмила Кац. Из цикла «Люсики» .....</i>	199
<i>-----</i>	

<i>Коротко об авторах.....</i>	201
--------------------------------	------------